

К И Л Я И Ц

**«Хыпар» Издательство
сурчён илемлĕ литература
тата публицистика
альманахĕ**

**Литературно-
художественный
и публицистический
альманах
Издательского дома
«Хыпар»**

■
Главный редактор
А.П.ЛЕОНТЬЕВ

Редакционная
коллегия:
**В.С.БОНДАРЕВ,
В.В.СТЕПАНОВ,
В.Н.ТИМУКОВ,
А.П.ХУЗАНГАЙ**



№ 2 (12), 2012 г.

**Компьютерная верстка: Нина Иванова
Дата выхода в свет 27.06.2012
Формат 70x108/16. Усл.-печ. л. 13,65.**

**Тираж 500 экз. Заказ №
Цена свободная.**

**Отпечатано в типографии ООО «Новое время»
428000, г.Чебоксары, ул. Энгельса, 14-29.
Адрес редакции: 428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13, тел. 8(352) 56-00-67,
т/факс 8 (352) 28-83-70, e-mail: hypar@chtts.ru / www.hypar.ru**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ NTУ 21-00129 от 7 декабря 2010 г. (Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Чувашской Республике - Чувашии)

© 2012, АУ «Издательский дом «Хыпар» Минкультуры Чувашии

**Шупашкар - Чебоксары
2012**

СОДЕРЖАНИЕ/ТУПМАЛЛИ

ПОЭЗИЯ

<i>Лидия КОВАЛЮК.</i> РАЗГОВОР С МИТТОЙ. <i>Поэма-реквием</i>	3
<i>Павел ЕМЕЛЬЯНОВ.</i> МОЯ НЕВЕДОМАЯ ДАЛЬ. <i>Стихи</i>	8
<i>Николай ТЕВЕТКЕЛЬ.</i> ТУРНИР ПЕРЕВОДЧИКОВ	15

ПРОЗА

<i>Александр БУДНИКОВ.</i> "ЧУЖИЕ ДЕТИ". <i>Рассказ</i>	20
<i>Александр БАРУЛИН.</i> САХАЛИНСКИЕ НОВЕЛЛЫ	41
<i>Настя КРАСНИЦКАЯ.</i> ЗАЦЕПИТЬСЯ ЗА ЖИЗНЬ. <i>Повесть</i>	58

ДУШЕВНОЕ

<i>Владимир ЧЕКУШКИН.</i> ПЕСЕННЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ МАДЬЯРСКОГО ЧУВАША	80
---	----

ПУТЕШЕСТВИЯ

<i>Атнер ХУЗАНГАЙ.</i> ЯПОНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АЙГИ И ДЗЭН	94
--	----

ИСТОРИЯ

<i>Василий ДИМИТРИЕВ.</i> ТАТАРЫ-МИШАРИ ЖИВУТ В РОССИИ УЖЕ 560 ЛЕТ	103
<i>Михаил ЮХМА.</i> ЧУВАШИ - ПОТОМКИ ВОЛЖСКИХ БОЛГАР	107

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Валентин СТЕЦЮК.</i> КУЛЬТУРНЫЙ СУБСТРАТ	127
---	-----

РАЗМЫШЛЕНИЯ

<i>Евгений КАЗАКОВ.</i> ПУТИ ВОСХОЖДЕНИЯ К БОГУ	141
---	-----

ПАМЯТЬ

<i>Николай ПАНТЕЛЕЙМОНОВ.</i> РОДОСЛОВНАЯ НИКОЛЬСКИХ	150
--	-----

ИСКУССТВО

<i>Атнер ХУЗАНГАЙ.</i> ЗАКОНЫ ГРАВИТАЦИИ И КЛЕЙ (о художнике Владимире Агееве). <i>К обложке номера</i>	158
--	-----

ПОЭЗИЯ

Лидия КОВАЛЮК

Разговор с Миттой

Поэма-реквием

Постоянный автор альманаха «КИЛ» Лидия Алексеевна Ковалюк - урож. с. Алманчиково Батыревского района Чувашии. Выпускница ЧГУ им. И.Н. Ульянова, преподавала чувашский язык и литературу, работала в райкоме комсомола, руководила Республиканским обществом книголюбов. Заместитель председателя Союза писателей «Хурянташ». Автор более 10 книг.



*Мартовский выходит срок,
Смотрит солнышко теплей...*

Константин Иванов

* * *

Небо мартовское сеет
Золото своих лучей,
Чтоб порадовать скорее:
Сын родился у людей.

А Большие Арабузи
Сельским заняты трудом,
Говорят о карапузе:
"Он прославит отчий дом!"

Уж расправит отрок крылья -
Сила духа велика.
Деда неспроста открыли
Мощь родного языка.

Вот подрос. Ну, здравствуй, школа!
Значит: постигать пора
Мир тревожный и веселый,
Полный знаний и добра.

Тут в себе почувал снова
Искру, данную судьбой:
На полях родного слова
Тоже след оставить свой.

Он на все смотрел пылливо:
Что такое и зачем?
И на лист тетрадный живо
Строчки заносил затем.

Сад плодами сочно дышит -
Всем спасибо говорит.
Сердце вдохновенно пишет -
Будто стриж, строка парит.

Выдает сердцебиенье
Новый трепетный мотив.
Сам Васyleй вершит паренье
Выше крыши, выше ив!..

Школа позади родная.
Дума в голове сверлит,
Выбор цели предлагая.
И мечта дерзать велит.

Дар, конечно, - не обуза.
Как пополнить знаний кладь?
Пареньку из Арабузей
Как большим поэтом стать?

Так мечтатель из глубинки
Сам себе дает наказ.
И сомненья, будто льдинки,
Растворились в тот же час.

А потом Симбирск, учеба...
Педагога школа ждет,
Он с желанием особым
Детям знания несет.

*И вот сбывается мечта -
Вступает в разговор Митта:*

"Прощай, как воплощенье чуда,
Наш дом ученья, в добрый час!
Заветом яковлевским в люди
Успешно вывели здесь нас.

Какой же поднесу подарок,
Что пожелать себе могу?
День поутру пригож и ярко,
День с радугой на берегу.

И ты мне по душе, Свяга,
Подобно скромнице одной.
Не зная почему, сердяга, -
Я мог бы всех согреть душой.

Всех-всех, как милую зазную,
В объятья взял бы горячо.
Рай или ад - в сторонку оба,
Покуда весело еще.

Не днем единым жив, однако,
Уж завтра слезы льет давно.
Что там, за пеленою мрака?
Что б ни было, мне все равно...

Что б ни было, мне все равно...
(Хоть дни совсем и не исчезнут).
Мой друг, тебе уж не дано
Ждать утро юности любезно.

Мое же сердце в серый пепел
Не превратится на виду.
За радугой великолепной
Я красоту искать иду".

* * *

Журналист, редактор - смело
Он работой овладел.
Поэтическое дело
Все же выше прочих дел.

Сталью выплавлялись строки,
От души стихи слагал.
Пробой самую высокой
Отмечал их сам "Сунтал"*.

* "Наковальня" - чувашский литературный журнал.

Не исполнилось и двадцать -
Уж поэму выдает.
Но судьба, куда деваться,
Паренька наотмашь бьет.

Злые стрелы и нападки
Полетели враз в Митту:
Мол, "есенинщиной" пахнет
От поэмы за версту.

Будто он страну не славил
С первых стихотворных строк.
Нет, наш автор не лукавил:
Был и справедлив, и строг.

Выражая дух народа,
Оставался он собой,
Ради правды и свободы
Шел дорогою крутой.

*Добра и счастья между тем
Васьлей Митта желает всем:*

"Пылает алая зарница,
Зовет куда-то гуслей речь.
Поэту дан удел жар-птицы,
В его устах - блестящий меч.

Так что тогда пленит поэта?
Отчизны сказочный размах,
Родной язык, как травы лета,
Где он, поэт, пока в гостях".

* * *

Он в Большие Арабузи
Заглянуть не забывал
И о том, что видел, Музе
Вдохновенно излагал.

Словом дружеским ободрит,
Если надо, земляка,
Ибо сам душою добрый
И не смотрит свысока.

Видели и в школьном зале
На концерте как-то раз,
Как восторженно сияли
У Митты глаза в тот час!

Напоследок попросили:
Дескать, пусть свое прочтет.
Наизусть, в задорном стиле
Им стихи он выдает.

Громко хлопают в ладоши,
Вот, мол, наш Митта каков!
Всем запомнился хороший
Вечер песен и стихов.

Впечатленья от концерта
Вспоминались и потом.
С ними строки возле сердца
Снова вызревали в нем.

*Порой жестока благодать,
Черед Поэту слово дать:*

"Минуты творчества суровы.
Глупец, кто это не признал.
Не испытывавший муки слова
Поэтом все-таки не стал.

Душа работает до пота,
Чтоб слово било, как ружье!
Поэт, в кривлянье нет расчета:
Трещотка - это не твое".

* * *

Год тридцать седьмой исходит -
Мало дней уж в декабре.
Полночь. Все же кто-то бродит,
Скрип тревожный во дворе.

В дверь внезапно постучали,
Вот протиснулись втроем.
Взглядом воровским вначале
Все обшарили кругом.

За столом Митта в раздумье
Продолжал писать меж тем.
Ну, а те, наставив дула,
Распоясались совсем.

Огорошили вопросом:
"Где оружие твое?"
А поэт ответил просто:
"Ручка - вот мое ружье".

Как ищейки, обыскали
"Гости" наглые весь дом,
Книги, рукописи взяли,
Крепким обвязав жгутом.

И Митту с собой забрали...
Эх, писателя юдоль!
Загребут в какие дни?
Где застрянешь и доколь?

*Титаны смотрят с высоты,
Вновь откровение Митты:*

"Крылатая, плакать не надо,
Солдат и в разлуке солдат.
Мой путь - по следам звездопада,
Мой путь - там, где слезы блестят.

Обнимет нас северный ветер,
Мороз приласкает в пути.
Медаль на жандарме подсветит -
Не даст нам с дорожки сойти.

Спасибо! И я пригодился
Године лихой в сыновья.
Споем да с улыбкой простимся,
Быть может, навек... ты и я".

* * *

Так поэта и сослали
В Красноярский край, в село.
Земляки переживали:
Как ему не повезло!

Отпустили вроде. Взяли
В лагерь сталинский опять.
Вдалеке родные дали,
Можно только вспоминать.

Сколько горя и напастей,
Сколько выпало тревог...
Но надежда сквозь ненастье
Светит, словно огонек.

Вот пришел с лесоповала,
Зародились строчки вдруг.
Записать бы - сил не стало,
Выпало перо из рук...

Уходи, тоска-кручина,
Есть еще в душе запал.
Стиснув зубы, он, мужчина,
До свободы дни считал.

*Где счастливая доля, Васелей?
Ты в ответ свою душу излей:*

"Вот течет предо мною река,
Точат волны ее берега.
Подбегаю: вдруг Волга родная?
Нет, не греет меня, чужака,
Енисей - дух полярного края.

Но пока я бедовым слыву,
Путь мучений пройду наяву
По тайге, по скалистым отрогам...
Нет, родная, тебя не зову -
Слишком тягостна эта дорога!.."

* * *

После ссылки в Чебоксары
Вновь дорога привела.
Выдержав судьбы удары,
С головой ушел в дела.

Был сперва литконсультантом,
Позже перешел в журнал.
И везде своим талантом
Людям честно помогал.

Подсоблял Митта-наставник
Начинающим вираж.
Так в поэзии предстали
Волгин и Альберт Канаш.

Уважал Айги он очень...
Повторял урок для всех
Слогом, что всегда отточен:
"Чувство слова - вот успех".

*Улып - болгарский герой
Век за нас стоит горой:*

"Родной язык мой, озари
Мне душу вспышкой грозовой.
Заветной правдой одари,
Чтоб ярче я горел, живой.

Ты - путеводная звезда
Для каждого, кто утомлен.
И в ночь метельную всегда
Спасет твой колокольный звон.

Ты крылья отроку даешь,
А старческой душе - покой.
Перо жар-птицы поднесешь -
И оживет очаг родной.

Язык наш, дай отведать мне
Хоть каплю утренней росы.
В жару измученной стране
Дождь благодатный принеси.

Твоими соками вспоен,
Хотел бы в небе воспарить,

И, оглашая небосклон,
О счастье людям говорить".

* * *

Вот собрался он в деревню -
Земляки давно зовут.
Будет ярмарка, наверно,
Где и пляшут, и поют.

Где легко, по-молодому
И с улыбкой озорной
Он прочтет стихи знакомым
И гостям их - все равно!

*Судьбы распахнуты врата,
Вновь слово за тобой, Митта:*

"Тот чертов век забрал немало
Твоих невосполнимых сил.
Тисками как бы ни сжимал он,
Нет, ты себе не изменил.

Удача улыбнется просто,
Была бы воля новичка!
Пусть голос молодой коросту
Скорей очистит с языка.

"Приди, поэт чувашский, где ты?" -
Звал Сеспель, не скрывая слез.
Он спас тебя, язык заветный,
И в жертву сам себя принес".

* * *

Много дел. И вздох глубокий, нервный,
Все равно рука его тверда.
Вот Митта последний раз в деревне.
Сердце замирает навсегда.

... Грусть. Июньский день. Тропа
к могиле.

Ветер шепчет траурный сюжет,
Что лежит в земле Митта Василий...
Спи спокойно, дорогой поэт.

* * *

Потомкам он оставил книги,
Свои бесценные листы.
При жизни творчества вериги
Сам называл "металл Митты".

Авось, там перед ним проходят
Улыпы болгарских дружин.

При всякой, стало быть, погоде
"Металл Митты" несокрушим!

*Поэт Митта свои итоги
Подвел в конце земной дороги:*

"Ни почестей, ни славы - не беда.
Одна бы песня из моих осталась,
Среди родных застольной бы
считалась -
Земля бы пухом мне была тогда!"

* * *

Митта сказал, что он - печальный
Улып,
Что юный разум - это шум лесной.
А новая Нарспи* не обманула,
Поклон душевный шлет тебе со мной.

И подрастают новые Сетнеры* -
Потомки древних доблестных мужей.
Они несут нам звуки светлой веры,
И нет для нас мелодии нужней.

**Нарспи, Сетнер - герои классической поэмы К.В.Иванова "Нарспи".*

Перевод с чувашского Аристарха ДМИТРИЕВА.



Павел ЕМЕЛЬЯНОВ

Моя неведомая даль

Павел Емельянов родился в 1974 году в Чебоксарах. Учился в Московском высшем командном училище дорожно-инженерных войск, в 2001 г. закончил Московский университет потребительской кооперации. Работал менеджером, грузчиком, юристом, сотрудником охраны, индивидуальным предпринимателем. Любит стихи Виктора Цоя, Игоря Талькова, Сергея Есенина. Участник Международных поэтических фестивалей "Скандинавия-Поволжье" им. К.М. Бельмана (2005, 2006), "Голос-А" и др. К публикации готовятся сборники стихов "Мягкие гири" (1999-2009), "Уходящим снегом" (2010-2012).

(НАВЕЯНО ПРЕКРАСНЫМИ СОБЫТИЯМИ И "ВЕСЕЛЫМИ" ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ В ДНИ ВЕСЕННИХ ГОЛОСОВ-2012)

Буквы и

буковки...

Не П-по порядку
Не П-по алфавиту
Буквы мерцают в моей голове.
П-первая буква
словно прибита.
Эта печальная
буковка...
- П.

П.- П.: Палки в колеса!
...поезд с откоса.
И паруса
Рвутся в познании
Сути вопроса:
Где же слияние,
Где... Голоса?

Как проститутка,
простите,
пожалуйста.
Но по-другому я слов не хочу.
И безопасней,
конечно,
из жалости...
если я, вдруг,
сейчас замолчу.

Буковка... П.

Будто прибита.

Будто - поэт...

Угарает, шутя.

Смертью сулит
Графоманская бита,
Лупит бесчестно
В экстазе - нуля!

Снова

врезается

не по

алфавиту -

не покидает

меня алфавит...

Тонко и искренно
Лилия свита,
Тихо восходит
И говорит.

В первую очередь
Дружбу возносит,
На пьедестале
Сердце горит.

Сердце горит!
Сердце горит...
И говорит, говорит, говорит!

Ей бы остаться вот так без затей.
С верой детей! С верой детей!

Ей бы живительной
Влагодой питаться,
Не разрываться,
В пути не скулить.

Я говорю не о буре
Оваций.
Просто как папа
Хочу защитить...

Не наглая, светлая
И не кичливая
Интеллигенция сразу видна.

Тонко и искренно
Лилия свита
И Ангелина - её
Тишина.

Тонко и искренно
Лилия свита.
Незаменима.
Укромна для всех.

Просто и чисто.
Ей сердце открыто
Как рыжее Солнце
И мартовский снег.

Далее вновь
не по
алфавиту

Вышла
Кружась в славословии Н.

Чуть медитируя
звоном
в орбиту,
Сердце рисует,
рискуя
здесь всем.

Но, к сожалению, на первые
сутки
Я не успел окунуться в дали
Слов этих чистых,
Как полотенце,
Зим молока у нее из груди.

Лишь на вторые,
В день семицветия
Кряжистых душ и летучих в пуху
Снежных - высоких -
Пока еще чистых -
Юных орфеев -
В горячем лесу
Я разобрал ее крестные звенья...

И в памяти это
С собой унесу.

(Далее в автобусе "тишина")
Теперь уже поздно
Хлопать крылами,
Теперь уже долго
Гореть и дрожать
Будет свеченок
В памяти пламенем.
Спасибо и П.
Я не буду Вам лгать.

И мне не держать
Обиды и слез.
Нету привычки. Каких бурь во мгле

Мне подарит судьба..
Скажет течение
Березовой плоти слезой по весне.

(О, Голоса,
О, Голос - А!)

БЕЗ ПЕЧАЛИ

Он весь проходит в наши двери,
Стоит в заглавии висок,
Из заигравшей светотени
В полуха чувств
За всех со всеми,
Всему отмерив грусти срок.

И виден смех его руки
Из непроявленного рода.
Он не вставал водой рожденным.
Но сам лакает из реки
Изнеможденной
От отхода.

Не постижим,
Во век смиренен
Ваятель слез живых голов,
Он тепл в заглушенной сирени,
Живущей в граде здешних снов.

Наместник душ,
Наместник лет,
В пуху у свитера и мха,
На ветках липы. На коленях смерти.

На игровых площадках
Тень его легка,
В свободном странствии
Событий круговерти.

Его лицо прозрачно и бездонно
В стогах печальных, посредине неба
И в осени
Унылом разветвлении
Всех чувств и судеб, и загадкой дня,
И неожиданной разгадкой
Песни - жизни.

Он - свет,
Что рук касающийся тихо.
Его лицо
Незримо
И безмолвно снизу.
А далее - конец...

И капли смеха
По белому
Небесному карнизу,

Как рыси Солнца
В соты заплывают
И величают
Верно грудью - Бога.

"ПРИХОДЯТ ДНЕЙ ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ..."

Приходят дней забытые страницы
Лишь негою
Иль сказочным кротом;
Огня Луны печальные ресницы
В подвижности
листья сникают сном.
И загорают звёздной скарлатиной
Стихи в мозгах
Или вольты в глазах...
Мечта, во мне неведомою силой,
Уносит прочь меня
от века серых плах.

Спасибо небу за букеты-муки,
Спасибо Господу
за вымя у зимы!
Хоть дыры злы
нам взламывают руки,
Всё ж держит крестик
На устах любви.

Дорога вечная.
Бреду по ней беспечно я
Бессонной поступью,
Но прожитой с ленцой.
И ты, любимая,
Со мною мглой увенчана,
Всех ста шагов моих во тьме,
Ты терпишь зной.

И вены рек,
Зачатых лет невечных,
Уже иглой
вскрывает
Божий свет!
Смеётся в душу
суета овечья
И грустно тело -
времени скелет.

И всё грустит,
Грустит одним и тем же...
Деревья нас зовут из мира сна.
Кончается пора пустыни прежней
И снова начинается весна!

Летит с небес
листва земных растений.
Ты просыпаешься
и смотришь
нежным гением,
И дальний лес
весь полнозвучен...
Для тебя.

СЕНТЯБРЬ

Этот сентябрь сводит с ума!
Красноречивой тюремности...
Из темноты ты выводешь меня,
плача в тарелку верности.

Я засмеюсь сумасшедшим огнем
над сутенёрами-лешими!
И затрещу
голубиным крылом,
затрепетав в вопле бешеном
Над решетом,
что просеяло в мир
серость кабацкого времени;
Сердце моё охраняет от дыр
нежность твоих губ растерянных.

Солнечной вьюгой закружится миг,
лучик раскинешь ладошками!
По небу пляшет лохматый старик,
бьёт оловянными ложками!

Звонами кормит тугие зонты;
штопает лужи иголками.
Этот сентябрь
раскинул листы,
словно кресты...
на ёлках.

Ты меня терпишь
и любишь сильней,
я же - бедняк с переулка.
Вот и бродячих
худых снегирей
кормишь ты
вечною булкой...

ЛЮБЛЮ, ЧТО ДЕТИ ПОД МОИМ ОКНОМ...

Люблю, что дети под моим окном
Смеются, как волшебные звоночки,
Ласкают и несут игрушки в "дом"
Из листьев суп и кашку из песочка.

Господь печётся на невидимой
странице,
О каждом вздохе в книге бытия.
И если ты не спишь,
То тайно зришь границы,
И радость вечная в любви хранит тебя.

Как сон ветвей,
О боль земных видений,
Узри прохладу солнечного моря!
Когда без видимых причин
Разбился кремень,
Прими охрану высшего покоя.

Как песню детскую
Храни печаль живую...
Она - причина пламени исканий.
Взгляни на эту детвору святую:
В их нежных маленьких сердцах
Сильнейший брамен.

И когда плачет девочка, что куклу
Случайно мальчик уронил в песочный
торт,

В ней плачет женщина
За будущую муку
И радость будущих невидимых забот.

И я когда-то тоже был мальчонка,
Входил в пространства снежных
крепостей.
И волк топорик двигал, а на полках
Сидело несколько загадочных зверей.

И также радуюсь душой через года,
Как будто в детстве Дед Мороз стоит
под ёлкой,
Как этот мальчик милый у окна,
Как эта девочка у лужицы с ведёрком.

ЧТО ПОСЛЕ...

Не спасись.
Блуждая в потемках,
Забываю о главном,
Пестуя крик души.
Рушится запястье весны.

ПАМЯТНЫЙ ЛЕС

Лужи этих глаз
были похожи на Свет,
пока не был заколот
на рубахе эпохи.

Веточка, детка,
укрой меня от бед!
Я еще не созрел,
хотя выстрадал вздохи.

"МОЯ ЛЮБОВЬ - МОЯ НЕВЕДОМАЯ ДАЛЬ!"

Моя любовь - моя неведомая даль!
А я всё за привычным липким хлебом...
И нежный твой, как зыбка,
Сложный рай,
Лицом любимым мною, дышит в небо.

Как тень, божественно оторван от тебя
Порой мой разум,
Хоть и движется к истокам.
Душа моя - безвременно легка,
Скитанию завещана до срока.

А я люблю твои развоплощения
Из света в тень, из тени в боль и свет:
Мгновенная печаль и вечное спасенье.
Ты веришь мне
И близок твой ответ.

По-человечьи, губы обличают...
По краю бездны от земного - ввысь.
Боль провожает с юмором и чаем,
Чтобы объятья душ не развелись.

ПРОБУЖДЕНИЕ

У меня был смешной "ирокез".
Мы на кухню тихонько шли.
Умывалась ты теплой водой.
А потом - торжество мюсли.

Вспоминаю святую тебя -
Как отныне, дорогу назад...
Светлой памяти сентября
Открываю страницы в ряд.

В них житейский глоток сырой,
Где больничный мне выпал срок;
И отец мой еще живой,
Улыбаясь, ступал на порог.

Под венец на пороге отплытий
Перед смертью земною цвел
Мой родной Александр Никитин,
Разговоры священные вел

О любви, когда видел безбрежные
Волны светлых ее волос.
С нею мы обнимались нежно
У последней черты его грёз.

Александр Никитич Никитин -
Дед блаженный мой, свят не святой.
Величайший хирург и учитель
Медицины и жизни простой.

С нею дед завещал мне Небо и...
Только не удержали руля.
И чужими тогда еще не были,
Вислоухих крольчат любя.

А с утра был тогда «ирокез»...
Мы на кухню тихонько шли.
Умывалась ты теплой водой.
А потом - торжество мюсли.

АВГУСТ, ПРОХЛАДНО КОЧУЯ...

Август, прохладно кочуя,
Кружит веретено.
Но почему же молчу я,
Чуя - бежать всё равно?!

В комнате мятые стены
В бред заарканили дни.
Серая мышь - полено...
Скрюченная в пыли.

А за окном -
потеха
Тешит бездушную рать
Странного поколения...
А времени -
привыкать.

Золото вшивое смазано,
Верности - снято кольцо.
Доброе - перевязано...
Сердце - зашили в пальто!..

Но почему же я, падая,
В воды заоблачных рек
Не расплескаю наградами
Сердца забытого свет?

Я
разрешу
все учения
Музыки и серебра
В радостном воплощении
Пропитого стрижа!

ТАНЕЦ УЛИТКИ

Танец улитки, танцующей между
деревьями,
тайных скитаний в пространстве
заморыша времени.
Я растворяюсь в его обнажённой ночи...
Не углубляясь в логику,
Не задавай толкования,
Просто молчи.

Сеттер ирландский Билл
меня ласково нюхает.
Сердце моё
обескровлено грустью разлуки;

И задыхается
в странных объятьях города,
холода нового,
холода снова...

Я ничего не чувствую -
словно сомнамбула.
Жизнь
размывается в соснах
тугими загарам.
Радостно слышать,
что я возвращаюсь Домой.
Тайно не слышен
ангел передо мной.

Я вошёл с одной стороны,
а выхожу с другой.
Я пришел для того, чтобы жить,
а прохожу стороной...

И звон монет в закромах
не скроет твоей наготы.
Только прячет свобода руки,
и листают природа звуки.
И под светом Луны
с собакой гуляешь ты.

Солнечный берег!
Где же Солнечный берег?!
Млечная вьюга снов
из лона воды.

Одни уверяют в реальности
ценности денег.
Другие поют светло
с той стороны...

Солнечный берег!
Где ты, Солнечный берег?!
Где ветер сплетается с небом
в листве облаков.
Быль или небыль;
Свет или пепел..
Ночью понятен в нас
язык этих слов.

Ночью стекает в окно
памяти шёпот,
Лунные Гамми плачут
в зазеркалье души.
Не бойся оставить мир,
вызвавшись голью.

В тоскливой лачуге
прикосновение весны.

Жизнь твоя будто бы танец
улитки сердечной,
что старается прятать лицо,
мотаясь на пне.
Рядом прошла, глумясь,
бессердечная быдлость
и расплевалась,
завидев твой челн в серебре.

Но когда встречаешь
поруганье лиц спешащих,
дай, Господи, живой Любви слезу!
Я часто забываю, где я
среди "зрячих".

Но так, мне кажется,
верней косить траву.

ГРОЗОВОЕ, ГРОЗОВОЕ...

Грозное, грозное
Небо толстое и злое!
Дождь - последний пьяница
По городу шатается;
У подъезда мается
День - опохмеляется.

За окошком голуби
Перья намочили.
Иномарки гордые
Ярости включили.

Каждый день приходится
Мне ходить туда,
Где люди не откроются
Сердцем никогда...
Только слышу новости
Страшной пустоты,
Скрытой в белой полости
Водки и зимы.

Я ТАК УСТАЛ..

Я так устал!
Я так устал...
Хочу проснуться утром где-то
На берегу у теплых скал,
Где звери радуются ветру!
Где море золотом горит

И чайки в город прилетают,
Где дробью камешек летит
И с плеском в волнах замирает.

Мне спорить с кем-то невдомек.
Укрою тело на кровати.
Я здесь почти уж целый год
Хожу туда-сюда некстати.
Клюют мне в спину, словно хлеб,
Призывы труб фальшивят где-то...

О, как хочу я с кровью лет
Расстаться. И вернуться в лето!

Где море золотом горит
И чайки в город прилетают,
Где дробью камешек летит
И с плеском в волнах замирает.

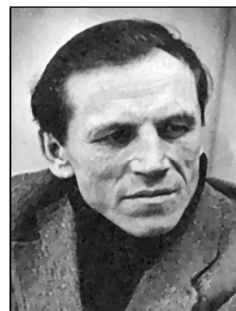
Я так, друзья мои, устал
От поцелуев этих мёртвых
Ненаигравшихся в войну,
В верховность сил своих, упёртых..

И, отшелушивая грязь,
Пусть хоть теперь представим вволю,
Как мы нарушим эту связь
И ветер позовет нас к морю!

На берегу я буду жить.
Мы будем жить!
Мы будем видеть
И верно знать, куда идти,
За что любить и не обидеть.



Николай ТЕВЕТКЕЛЬ



Турнир переводчиков

Под такой рубрикой в 70-х и 80-х годах ушедшего века в журнале "Наука и Жизнь" часто печатался перевод одного стихотворения несколькими мастерами стихосложения с Московского Парнаса. Автором этого стихотворения обычно являлся какой-нибудь классик западноевропейской литературы или же преуспевающий поэт советского времени нерусской национальности с его оригинальным видением мира.

В этой рубрике принимали участие несколько переводчиков (4-5 человек). И каждый из них имел свой покоряющий голос в литературных кругах того времени. С мнением таких авторитетов я бы, конечно, и сегодня соглашался. Учитывая их мастерство в словесности и опыт, обретенный на жизненном пути, невозможно было бы иметь другую точку зрения. Потому что в литературу они вошли не в белых перчатках, а с заскорузлыми руками разных профессий. Жизнь кипела в их образных видениях и мышлении. А истину души оспаривать нам не вмоготу.

И я хочу представить в альманахе "КИЛ" оригинал на чувашском языке моего стихотворения "Ночной город" ("Сёрлехи хула", 1964) и его переводы в разных интерпретациях четырех авторов с Московского Парнаса: Светланы Соложенкиной*, Виктора Широкова, Егора Самченко и Юрия Никоничева.

Стихотворение было написано мною с импрессионистским видением ночного мира в городском саду, но без мрачных красок.

Однажды ночью я шел по городскому парку. Там стояли гипсовые статуи, свет фонарей просачивался сквозь осенние листья и как будто волшебная игра теней и света создавала мистическую жизнь ночного парка.

Я, замороженный игрою света и теней на гипсовых статуях, неожиданно заметил оживление мертвых статуй и ветку-руку ясеня, похожую на руку невидимого оратора, которая, беспрерывно махая в пустом безмолвном пространстве при свете фонарей, что-то безмолвно и яростно утверждала. Но... ответа не было.

Николай ТЕВЕТКЕЛЬ.

СЁРЛЕХИ ХУЛА

Урамӑн шӑплӑхӗ – тӗпренӗ кӗленче!

Ак сӗрлехи сӑлсем туя пустарӑнасӗ.

Сикет хумсен ташши халь Атӑл килӗнче,

Тӗпе чӗречинчен сив сӑлтӑрсем сӑнасӗ.

Хула хунарӗсем – сар хризантемӑсем –

Сап-сар сескисене веерсем пек сарасӗ.

Тӗссен вылявӗнче пытанчӑк мӗлкесем

Пусланӑ тӗркӗшӗ – ирччен те чарӑнасӗ...

Хура та е сап-сут куҫсемпе хула

Тинкерӗ таврана хӑй пурнӑсне тӗпченӗ.

Садри статуйӑсен гипс сӑнӗсем – ула,

Кашни хӑй шухӑшне йӗрленӗ тӗксӗмлennӗ.

*"Ночной город" в переводе Св. Соложенкиной был напечатан в альманахе "КИЛ" в №3 за 2010 г.

Афишасем синче турат мѣлки вылять –
Вӕл канӕсӕр алла ас илтерсе пѣр сассӕр
Юнать, сулкалашать... Пѣр хушӕ ак тӕхтатъ:
Оратор сӕмахне тӕратъ пек тупаймасӕр.
Сасартӕк урамран сад витѣр сӕрхӕнса
Ўкет те сар шевле - гипс сӕн-питсем пӕлханнӕн
Сенкер сӕсӕмсемпе илсӕсӕ выляса
Хӕюллӕ шухӕшпа чӕтма сук хавхаланнӕн.
Ак "сӕрлехи янрав" юрра ян! янратса
Пѣр кивӕ пӕрахут вӕраххӕн иртсе кайрӕ.
Сыр хӕрринче ӕна ӕсатрӕ пус тайса
Пѣр ватӕ хурама. Ыр сул сунса пус тайрӕ.
Хула халь Аргус пек хупать пин-пин кусне,
Пин-пин кусне усать. Йӕлтӕртататъ шыв евӕр
Хура асфальтлӕ сул. Чӕхет ав мѣлкине
Пѣр лапсӕрка сӕка унта халь сӕсенмесӕр.
Халь пѣчӕк уйӕх сес – савра пит-куслӕскер
Сӕурет пек сӕрлехи хулапала паллашнӕн.
Сӕурет вӕл ютшӕнса темрен тѣлӕннӕскер,
Именчӕк ял ачи урамсенче аташнӕн.
1964 сул.

ВЕЧЕРНИЙ ГОРОД

Снова улиц тишь рассыпалась стеклом,
Ораторию поют ночные ветры.
Ухо двери тянет каждый дом,
Сами приходите и проверьте.

Весер ярко-желтых хризантем
Раскрывают фонари повсюду.
Тень мелькнет, как сон, и вновь затем
Исчезает в огненной полуде.

Знаю, грусть туманная пройдет,
Вслушиваюсь в колокол прибоя.
Хор прибрежных волн вдали поет
Вновь "Вечерний звон" для нас с тобою.

Беатриче, милая моя!
Ты летишь, как облачко, навстречу.
Сон ли ты, мечтание или явь,
Но пребудь со мною в этот вечер.

Сам я растворился в тишине,
Сонму звуков стал послушным эхом.

Мир совсем другим открылся мне,
Отвечая плачем или смехом.

Словно город весь пришел сюда,
На обрыв к реке, чтоб удивиться;
И садовых статуй череда
Оживила гипсовые лица.

На афишах резче тень ветвей,
Словно руки в теневом театре...
Я перенапрягся от вестей,
Я нуждаюсь, может быть, в антракте.

Лучше б это был волшебный сон:
Я, наверно, не гожусь в герои...
Город, словно Аргус, миллион
Глаз то вдруг откроет, то закроет...

Тень моя ускорила свой шаг.
По асфальту катится как мячик.
Вслед плетется месяц натоцак
Словно деревенский робкий мальчик.

Перевод Виктора ШИРОКОВА.

НОЧНОЙ ГОРОД

Река мерцает рябью черных волн,
и как хрусталь ночная тишь разбилась.
Безмолвно дремлет одинокий холм,
мигают звезды, Волга взбеленилась.

Лимонный свет горящих фонарей
всю ночь цветеньем хризантемы манят.
Кольшет ветер призраки теней,
но и рассвет ликующий настанет.

Лучами солнца исчезает грусть,
светлеет лик земли в распеве птичьем.
Я слышу поступи нежнейшей хруст,
из мглы веков явилась Беатриче.

О, сон, не пропадай! Еще побудь
и явью стань среди сумрака ночного,
чтоб радостно трепетала грудь
в восторге от несказанного слова.

Но сон исчез и город омертвел,
и вижу я, как тайну небылицы,
слепую белизну застывших тел –
бессмертных статуй гипсовые лица.

Как приведенье, ветка на стене
рукой оратора, которого не слышу,
мешает и грозитя тенью мне
с места смертельно выцветшей афишы.

Но вдруг блеснул необъяснимый луч
и озарились гипсовые лица,
и тени неподвижных синих туч
как бы живые стали шевелиться.

И город-Аргус очи приоткрыл
и горло сжал мне до больного хрипа,
асфальт сиял и сердце леденил
в его сияньи образ мертвой липы.

Лишь в поднебесной ясной вышине
блуждал беспечно месяц круторогий.
Мальчишку сельского напомнил чем-то мне,
который не нашел домой дороги.

Перевод Юрия НИКОНЫЧЕВА.

ВЕЧЕРНИЙ ГОРОД

Стеклом рассыпалась аллеи тишина,
Запели ветры тихо и красиво.
Надменным голосом вечерняя волна
Поет в реке, левее, у обрыва.

Желтеют хризантемы-фонари,
Как вееры, раскрылись окна, стены –
Уже засуетились до зари
В игре цветов таинственные тени.

Печаль моя истаяла в окне.
Звон колокола льется в ухо птичьё.
И с верхней улицы спускается ко мне,
Ступая легким шагом, Беатриче.

О сон, не пропадай! О явью предо мной
Стой, красота! Средь уличного смеха

Я слышу голос дрогнувшей душой –
Он словно потерявшееся эхоё

Глаза домов черны или светлы,
Глаза в глаза глядит ночная птица.
И статуи садовые пестры,
Задумчивы их гипсовые лица.

Афишу тень от ветра ворошит,
И быстро ищет – кто и что там спрятал –
Застыла вдруг и каменно стоит,
Как будто слово не нашел оратор.

Вдруг с улицы, просачиваясь в сад,
Луч падает – и под небесной высью,
Синея, ярко статуи стоят,
мгновенно озаряясь смелой мыслью.

Блестит асфальт как черная вода,
И тут же липа, что открылась глазу,
Полощет тень, в которой спит звезда,
Полощет, не пожившись ни разу.

За мной как хлопец деревенский тут,
Замкнувшись, бродит месяц сиротливо.
Его давно места родные ждут,
О нем скучают пруд с косматой ивой.

Перевод Егора САМЧЕНКО.



Александр БУДНИКОВ

"Чужие дети"

Рассказ

1

"Лжа" - большая ложка.

"Лжица" - ложка малая; то же, что "ложица".

"Лга" - то же, что "лжа".

"Лгия" - высокопарное".

Захлопнув толстенную тетрадь и втиснув ее в сумку, студент-филолог Саня Исакин долго еще сидел в траве. Подняв обрывок бересты, он шариковой ручкой бессмысленно и неумело рисовал пейзаж. Он сильно устал: шутка ли, поднялся чуть свет, а сейчас, наверное, часов пять вечера. "Весь день не жрамши", - как говаривал его друг-сокурсник Женька Евлампиев. С другом они, разошедшись утром по своим фольклорным делам, договорились встретиться вечером именно здесь, в березняке, да Женька что-то запаздывает. Нанятая к студентам местная старушонка баба Тоня наверняка уже накормила всех, кроме Саньки с Женькой, и студент с упоением мечтал, как они с другом придут вот сейчас на школьный двор, и как баба Тоня выскребет им со дна котла остатки пшённой каши - и мяса по куску даст, и хлеба аж полбуханки. Котел висел на жердях, на цепи среди школьного двора, а поверх жердей была как бы крышка из коры. Студенты называли это сооружение вигвамом, а повариха - лачугой. Баба Тоня Саньку с Женькой любила, они ей и лучину щепали, и воду приносили. Остальные студенты были субтильные девчонки - и почти поголовно городские: музыка, наряды да танцы на уме. Они возмущались даже тем, что баба Тоня, сполоснув после каши или лапши котел, в нем же заваривала и чай. Жившую в здании начальной школы студенческую этнографически-филологическую экспедицию баба Тоня называла "спидицией", а ее руководителя, доктора филологических наук Ивана Яковлевича Примасова, "дилектором" - и уважительно кормила его отдельно, "на усобицу". Часто и безвозмездно она таскала студентам со своего огорода зеленый лук, помидоры и огурцы, а мешки с молодой картошкой тягали с ее усада, естественно, Исакин и Евлампиев.

Исакин в изнеможении вытер джинсовой шапкой белобрысую, коротко стриженую голову - и узрел наконец приближавшегося друга.

- Женьк, я уже час сижу!

- Да заплутался я...

Санёк Исакин резво вскочил, и друзья побежали восвояси.

- Надыбал чего-нибудь? - нарочито спокойно спросил Исакин.

- Вроде, как бы сказку новую записал, - скромно ответил Евлампиев - и друг ему позавидовал.

- А я на восток ударился, три деревни прошел - и знаешь, какой там говор? Там говорят: "траву косити", "щи ясти", "взаймы давати"...

- Врешь! - закричал удивленный Женька. - Такое произношение не могло сохраниться до наших дней!

- А вот сходи завтра, да и поговори с людьми-то.

- И схожу!

В сердцах и на ходу Женька расчесал свою длинную каштановую гриву и

стянул волосы на затылке черной резинкой, именуемой в народе "аптечной". До становища было еще далече, следовало миновать два полувымерших сельца, да луговину, да липовую рощу, да молодой сосняк.

2

Во втором сельце они набрали на свадьбу: дети и внуки живущих тут стариков понаехали на машинах из городов - и сюда же привезли невесту и жениха. Гуляли шумно и почти всей улицей. Друзья наши подросли к шапочному разбору: первый день свадьбы почти что кончился - а вообще-то свадьба намечалась трехдневная. Не успели они приблизиться к толпе молодежи, как пьянькая, но вполне бодрая еще городская дама вдруг вынесла им по рюмке водки и по тарелке холодца. Извинилась, что хлеба нет, съели весь, но к утру обязательно привезут - уже уехали. Выпив и закусив, студенты приободрились и стали наблюдать свадьбу. Из дома вышли жених и невеста со свидетелями, и встали с краю лужайки. Сбоку и несколько впереди них уселся на скамеечку гармонист. Взрослые девушки и замужние женщины почему-то стояли в сторонке. Мужчины и вовсе не выходили из избы: обрадованные тем, что женщины все на улице, они курили, не вставая из-за стола, и из открытых окон валил сигаретный дым. А на лужайке плясали вдрызг пьяные, совсем молодые девушки - с едва наметившимися бедрами и титьками, лет четырнадцати-тринадцати, но наряженные и причесанные "под баб": платья ниже колен, косы вокруг головы закручены. И туфли на низком каблучке - на высоком-то не попляшешь на лужайке. Всё представление, как видно было, предназначалось невесте и жениху. Когда девчонки менялись в плясе местами, пел гармонист. Девчонки выдавали такое, что уши вяли. Гармонист им нимало не уступал.

Оба друга едва не ошалели. Евлампиев поволок было из кармана штормовки объемистую записную книжку, но приятель это поползновение пресек: есть, мол, явления в русской жизни, которые не снимают на камеру и не заносят в анналы.

- Не смей записывать! - даже добавил он.

- А я и не собираюсь! - как бы оправдывался Женька. - И без того каленым железом в голове отпечатается!

Вакханалия эта продолжалась еще минут десяток, после чего жениха и невесту увели спать. Девчонки шумно зашебутились - в клуб на танцы не опоздать бы! И вмиг разлетелись по домам переодеться в свои инкубаторские джинсы. А бедных студентов призрели две городские девушки - обе разведенки и грешницы, как потом оказалось. Они остановились у некой бабки, дом бабкин был старый и большой, его опоясывали клетки и подклетки, сама бабка спала где-то в горенке наверху и никому не мешала. У подружек нашлись дорогие сигареты, лимоны и коньяк, и друзья отлично провели вечер.

3

Иван Яковлевич, беспокоясь за беспутных своих питомцев, не спал, бродил, белея седую головой в лунном свете, по школьному двору - в пиджаке внакидку и с дубовым дверным засовом на плече: мало ли что! Первым делом ребята отыскали под марлей во тьме "вигвама" два холодных кусища мяса и хлеб. И, выскребая пшеничную кашу ложками прямо из котла, наперебой рассказывали преподавателю о свадьбе - опуская, конечно, неудобопроизносимые слова. Не помянули, разумеется, и двух девиц-разведенков.

- Не удивляйтесь, - сказал на это доктор Примасов, - я был здесь около тридцати лет назад, в семидесятых, тоже студентом, и лицезрел то же самое. Девчонки самогонку с нами хлестали... ну, и так далее... Здесь тогда десятилетка

еще была, молодежи - толпы и толпы, в клубе каждый день драка. И нас били, и им от нас попадало... Этнография, словом. А сейчас - одна школа на девять деревень, и вместе с интернатом в ней всего-навсего около сотни человек... А насчет скабрёзных частушек - это, скорей всего, остатки язычества. Их здесь вечером, в первый день свадьбы исполняют - для возбуждения невесты и жениха перед первой брачной ночью. К вечеру-то молодые устают: шутка ли, целый день во главе стола трезвыми сидеть! Но почему частушки непотребные эти исполняют именно вот самые молодые девушки? Тут заковыка. Чтоб обычай этот детским умом запомнили? Но - принято это здесь, и всё тут...

Студенты молча орудовали ложками в темноте. Иван Яковлевич, в ожидании, покуда они насытятся, оперся руками и грудью на дубовый засов и смотрел, как на востоке светлеет небо.

- Я думал, вы пораньше придете, - сказал он грустно, - удочки вон припас, наживку. Успеем, мол, на вечерний клёв...

- Да ведь и утренний клёв бывает! - промычал Женька, давясь куском мяса. - Идемте! Мы с Саней днем выспимся!

Благодарный Иван Яковлевич пошел за удочками, один он рыбачить не любил.

4

Сократив путь через плетни, рыбаки выбрали на пойменный луг. Было уже почти светло, и Иван Яковлевич всё поторапливал ребят - опоздаем, мол, к утреннему-то клёву! Но - размотали удочки и закинули их еще до солнца. Рыба клевала превосходно: окуни, пескари, ерши, а доктор Примасов выволок даже небольшого сомёнка.

- То-то ушица будет! - ликовал он.

Где-то в деревне, в дальнем ее конце, слышались песни и гармонь: удивительное явление в эру магнитофонов! Утренний ветерок донес вдруг девичьи голоса - да так ясно, словно певуны рядом были:

У голубя у сизого
Золотая голова!..

Пение приближалось - и наконец из-за угла ближней избы вышли трое ребят и гармонист: уже без девушек. Они двигались напрямик на рыбаков по мокрой от обильной росы траве. Гармонист без устали рвал меха, а парни горланили во всю мочь:

Клюшка медная, витая вся исколыхалася!
Милка прежняя моя вся избаловалася!

И уже вблизи удивленной публики:

Неужели конь вороный от столба отвяжется?
Неужели черноброва от меня откажется?

После этих слов гармонист степенно застегнул инструмент, и все четверо, подошедши к рыбакам, вежливо с ними поздоровались. Последовала обычная в таких случаях ненавязчивая и ни к чему не обязывающая беседа. Выяснилось, что парни местные, а отнюдь не приехавшие на свадьбу, и что они, вот, девчонок из клуба проводивши, "маленько гуляют". Трое из них были механизаторы, один электрик.

- Что же вас держит тут, ребята? - горько спросил Примасов. - Все же давно уехали!

- А куды мы?! - изумленно ответил гармонист. - Председатель колхоза, помню, директору нашей школы две литры ставил - чтобы, значит, двоечников побольше было... работать-то некому в колхозе! Я-то хоть девять классов и закончил - но со справкой, у меня же двойки одни, корочку-то не дали... А эти, - он

кивнул на друзей, - кто пять классов, кто шесть...

- Дядя Ваня, вам рыба-то нужна? - спросил один из парней, которого звали Димкой. - Ну, в смысле, с собой, что ли, её возьмёте?

- На всех не хватит, увы, - развел руками Иван Яковлевич, - там у нас целый курс, двадцать пять человек. Нет смысла поварихе её тащить. Вот если бы килограммов десять...

- Тогда давайте-ка уху по-быстрому узаконим! - живо нашелся Димка.

- Да как? - изумился простосердечно Иван Яковлевич.

- Ты, Димка, близко живешь, дуй домой! - распорядился, не теряя времени, гармонист. - Твоя идея, не обессудь! Неси посудину какую ни то, зеленого лука, хлеба, три картошки и соли! Нож не надо, у дяди Вани есть. Да! И того самого не забудь! А мы пока подрываем, да огонь разведём. И лжиц семь штук!

5

Запасливый Иван Яковлевич раздал удочки - хватило как раз на всех, и вскорости улов увеличился аж вдвое. Насобирали дров, разожгли костер, воткнули возле огня рогатки и возложили на них сырую палку потолще - для посуды с ухой. Примчался Диман: с эмалированной пятилитровой кастрюлей и пакетом с припасами. К ручкам кастрюли была прикручена стальная проволока довольно-таки значительного сечения - её Диман предусмотрительно подобрал на улице.

- Я с пяти вечера ничего не ел, - сознался он, - а сейчас-то, наверно, уж пять утра. И всё это время - на ногах.

- Да все мы так! - сказал ему гармонист. - Вот домой сегодня прилетишь - и бабушке своей расскажи, пожалуйста.

- А уборка-то кончилась, ребята? - по-деловому спросил Иван Яковлевич - и прекратил намечавшуюся пикировку.

- Да-а-авно... Да как давно-то? С неделю уж. Нам теперь рано не вставать, всё сжали. Так, ходим к восьми утра на профилактику, дурака валяем... Да и то через день. Запчастей всё равно нету...

- Дядь Вань! - встрял в разговор бойкущий Димка. - Вы, чай, большой начальник-то, пробил бы нам запчасти в области!

- Нет, ребятаки, вынужден вас разочаровать. Я всего-навсего доктор филологии и заведу кафедрой в институте... Хотя, постойте-ка! У меня тут есть студентка одна, Анжела Пояркова. Если память не изменяет, она внучка агропромышленного воротилы... Как бишь его?..

- Тоже Поярков! - хором выдали парни.

- Во! Анжела Пояркова! Девица, конечно, еще та, из троек не вылезает, на институтские семинары почти не ходит и вечно с плеером в ухе... Да и с хвостом: весеннюю курсовую не сдала. Декан поставил было вопрос об отчислении, да я за неё вступился, пожалел - по сути дела, она ребенок ещё, хоть и большая... Давайте, договоримся так: сегодня утром вы берёте девицу и председателя с бумагами, ну и грузовик - и мчитесь в область. Анжела забежит к деду, тот всё подпишет - и вы на эту самую базу - или, как там её? А я буду ждать вас вечером - и поставлю девке пятерку лишь тогда, когда увижу запчасти... Нет, больше четверки не поставлю!

- Спасибо, дядь Вань!

Уха сварилась на диво скоро, но Димка долго студил ее в теплой речной воде - под взглядами изнывающей от нетерпения ватаги.

Через речку невдалеке, ниже по течению, перешло вброд коровье стадо. Пастух, увидев приличную компанию и заметив в руках у Димки стеклянную трехлитровую емкость, неторопливо приблизился к пирующим. Был он в длинном брезентовом с башлыком плаще, в кирзовых сапогах и с неимоверной величины

кнутом, волочащимся с плеча.

- И не жарко тебе, Димитрич? - поинтересовался вспотевший от рюмки и ухи Димка, но дед величественно смолчал.

Иван Яковлевич сделал пастуху добродушно-приглашающий жест - и только после этого Димитрич изволил присесть на травку. "Лгия" нашлась у него своя. Примасова он, видимо, принимал за старшого и даже после третьей рюмки обращался только к нему - и глазом не поводя на молодежь. Засим поднялся, попрощался с Иваном Яковлевичем и ушел к стаду.

6

- Девушки обленились совсем, - жаловался Примасов Женьке с Санькой на обратном пути, - у половины из них даже тетрадки чистые, ни слова не записали. Днем загорают да купаются, вечером в клуб на танцы. Зачем на фольклор поехали? Взяли бы справки в поликлинике да сидели бы дома... Кстати! Тебе, Исакин, тема будет такая - в смысле, тема осенней курсовой работы: "Построение предложений в устной речи сельского населения". Разговоров ты порядочно записал, ослишь.

- А мне тему? - с обидой спросил Евлампиев.

- Подумаю. А впрочем, нечего и голову-то ломать! "Живучесть устного народного творчества как реликта на фоне сплошной урбанизации". Сказку записал? Частушки слушал? Гармониста зрил? Чем не тема тебе?

7

Перед завтраком Иван Яковлевич выгнал из школы проснувшихся и уже нафуфыренных девиц на обычную ежедневную линейку. Баба Тоня тоже стояла на вытяжку около "вигвама" с половником в руке. Школьный двор густо пропах малосольными огурцами и горячей мятой картошкой с зеленым луком.

- В соседней деревне, - строго начал Примасов, - происходит редкое для здешних мест явление - свадьба. Первый день свадьбы был частично исследован Исакиным и Евлампиевым. Ожидаются еще и второй день, и третий. Вчера я проверял ваши тетради - двенадцать человек из вас попросту бездельничали. Мой вам совет: отправиться на свадьбу, познакомиться как можно ближе с людьми, затесаться, грубо говоря, в толпу - и времени даром не терять! Увижу пустую тетрадь у кого-нибудь - осенью пощады не ждите! А для того, чтоб не выглядеть на свадьбе нелепо, соберем денег молодым. У меня конверт довольно чистый нашелся... и лично я жертвую 1000 рублей. Подходите, которые... по очереди. Кто сколько сможет! Но меньше пятидесяти рублей не класть!

8

Возле школы остановились белая председательская "девятка" и пропыленный тентованный "КамАЗ". Приодетые и причесанные парни придержались, стесняясь девиц, у калитки, во двор вошел только председатель. Он почтительно поручкался с Примасовым, раскланялся со студентами, кивнул бабе Тоне - и вынул из кармана бумагу. Иван Яковлевич внимательно изучил ее и возмутился:

- Вникните в обстановку наконец, Валерий Юрьевич! Ну, что вы такое написали? Коробка передач - две штуки, карданов вал - одна штука, колеса безкамерные, шипованные - две штуки... Заклинаю вас, такого случая больше не представится! Пишите: автомобиль "КамАЗ" - три штуки, микроавтобус - три штуки, чтоб людей, скажем, на сенокос возить. Затем: мотор тракторный - пять штук, мотор комбайновый - семь штук, снегоход - три штучки - это для бригадиров, чтоб зимой

езде попевали. Автокран нужен?

- Еще как! Обычно в райцентре нанимаем, за бешеные деньги.

- Ну и пишите: автокран - одна штука! Дороги зимой, небось, заносит? Бульдозер - две штуки! Бурильная установка - одна штука! А то колодцы в селе - не приведи Господь, чуть не по тридцать метров глубиной... Консервный цех - одна штука! И стройматериалы к нему! Кирпич - пятьдесят тысяч штук, плита бетонная - тридцать штук, рубероид - сотня рулонов, смола - двадцать бочек, блок оконный - десять штук, блок дверной - десять штук, рейка половая - двадцать пять кубометров... Ну, и так далее.

- Да откуда все эти цифры-то вам известны?

- А ниоткуда - так, наобум сказал.

- Одной рейки двадцать пять кубометров... слыхано ли?!

- Вы это... не волнуйтесь, Валерий Юрьевич! Анжела Пояркова с дедушки с живого не слезет, пока он всё это не подпишет! Пояркова, иди-ка, дочка, сюда!

Высочив из строя, Пояркова подбежала к мужчинам, как дитя. Председатель даже прикрикнул и невольно заулыбался - настолько хороша была девка.

- Вот что, Пояркова, - официально произнес Иван Яковлевич, - председатель едет по делам в область и может прихватить и тебя - до вечера. С дедушкой повидаться, с мамой там... Но смотри, на вечернюю линейку не опаздывать!

Анжела Пояркова аж закатилась от восторга. Она сгребла сухопарого Ивана Яковлевича в охапку и крутнулась с ним раза три. Уж на что Примасов высоким мужчиной слыл, но Анжела возвышалась над ним аж на голову.

- Далее! - продолжал пресерьезно преподаватель. - У тебя до сих пор не готова весенняя курсовая работа "Характерные фразеологизмы научно-технических жаргонов"! Техницизмы, бухгалтеризмы, европеизмы и прочее такое! Поездка будет тебе на пользу: у Валерия Юрьевича как раз техническое образование, да к тому же он администратор давно. Побеседуй с ним хорошенько.

- Анжелка! - послышался писк из строя. - Мороженого купи! На всех!

- Конечно, девочки! Всякой всячины привезу! У мамы же - кондитерская фабрика, а у папы - универсам. Насуют столько, что и багажник не закроется!

- И последнее! - голос Ивана Яковлевича как бы несколько потеплел. - Валерий Юрьевич едет по делам как раз к твоему деду. Но опасается, что будет ждать приёма дня два. Советую тебе вот что: зайди ты в офис к деду сама! Скажи ему - мол, в этом самом колхозе мы и живем! И пусть он все вот эти бумаги подмахнет. Отдашь их Валерию Юрьевичу - и отдыхай полдня! Валерий Юрьевич поедет на склад, а там очередь, и пока-то он железяки свои погрузит... Ну, где-то после обеда он за тобой заедет. Смотри, на линейку не опоздай! И техницизмы-европеизмы, чтоб записывать! Сдается мне, четверку ты заработаешь!

Вдохновленная этим обещанием, Пояркова положила в сумочку бумагу с фантастическим списком Валерия Юрьевича - там разве что яхт да вертолетов не имелось - и, сияя, уселась в председательскую машину. Валерий Юрьевич, косясь на девичий строй, внушал Примасову в четверть своего баса - но его всё равно все слышали:

- Иван Яковлевич, если даже десятую часть из списка получу - до конца жизни обязан буду! Если удастся дело - с завтрашнего дня молоком залью, с утра свежее будут привозить! Мёду выпишу три ведра! Масла центнер! Бычка забью! Вермишели-гречки-муки сколь хошь! Вместо этой лачуги кухню дощатую, летнюю построю - с плитой, с навесом и со столом! Я слово держу!

- Ну, с Богом! - напутствовал его Иван Яковлевич.

Посторонние дела кончились, начинались привычные заботы. Девушкам, отряженным изучать свадебный обряд, Иван Яковлевич дал послабление: изготовить к осени одну курсовую на всех - и затем приказал им одеться как можно лучше. Исакин и Евлампиев и без указки знали, что делать. Трём девушкам - из самых старательных - Иван Яковлевич доверил дорогой японский магнитофон: авось, найдут старушонку разговорчивых. А то и песню старинную запишут. У остальных тоже была общая тема - они ходили из дома в дом и по крупицам собирали историю села. Даже систему завели, вопросники особенные придумали. Примасов смотрел их записи и остался девушками доволен.

- Евлампиев, ты зачем на Ахлэстину-то облокотился? Она же маленькая, ей тяжело тебя держать. Будь добр, веди себя на людях прилично...

На днях эта самая малюсенькая Ахлэстина подралась за "вигвамом" с большущей Поярковой: из-за того же Евлампиева. И так отделала бедную Анжелу, что та аж пардону запросила - и дала слово не цепляться больше к мальчишке.

Вообще, Иван Яковлевич многие тайны сохранял. Знал, например, что мальчишек по ночам в своей спальне никогда не бывает, прибегают только к рассвету. По-другому-то оно и удивительно было бы, курс - двадцать три девушки и два парня. Что тут скажешь? Филология...

- Ну, вроде, всё. Пора завтракать. И на обед чтобы не опаздывать!

И в тот же миг из школы прямо-таки вылетела пропустившая линейку студенточка-пятёрочница Таня Бумбар, нижегородская обрусевшая молдаванка из очень знатной, древней и богатой семьи - чуть не господарка наследственная какая-то, или вроде того. Её отсутствия в строю рассеянный Иван Яковлевич как-то даже и не заметил, а староста курса, не по годам деловитая деревенская мордовочка Роза Ахлэстина подружку, естественно, не выдала. Таня, видимо, гладила - утюг-то на всех один, хоть он и Танин, а свою очередь она явно проспала: припозднилась вчера на танцах. На ней сверкали снеговой белизной брючки и короткая, едва доходящая до талии кофточка. На ногах были сверхдорогие босоножки из тонкой кожи, тоже ярко-белого цвета. На несколько секунд Таня остановилась на крылечке и, отбросив двумя пятернями за спину свои сказочные черные кудри, затянула потуже брючный ремешок на голом иссиня-смуглом животе. На филфаке к ней давно уже прилепилось прозвище Изюмка, от кавалеров у неё отбою буквально не было, но девка как-то дико, по-сумасшедшему любила Саню Исакина, простого арзамасского парня. А тот с нею обходился довольно холодно, брюнетки, что ли, не нравились ему? Наблюдать подобные парочки среди студентов Примасову доводилось не впервой, и он пребывал в абсолютнейшей уверенности: Изюмка своего Саню всё же когда-нибудь "достанет", причем, "достанет конкретно" - выражающийся их же лексиконом. Не сейчас, так из армии дождется.

Таня вприскокку подомчалась к Ивану Яковлевичу и, перед тем, как повиниться за опоздание, внезапно и высоко подпрыгнула и со всею своею молодой мощью ударила босоножками по лежащей в траве дощечке. Из-под дощечки, совершенно невинной с виду, полоснул фонтан грязи и дождевой воды, обдавший и Танию, и подружек, но большая часть этой жидкости пришлась на брюки Ивана Яковлевича. Студентки кинулись было оттирать ему брюки носовыми платочками, но он успокоил всех, сказав, что брюк и рубашек у него целый чемодан. И затем спросил легонечко Танию:

- А зачем это ты, Бумбар, так подпрыгнула?!

- Не знаю... - и по глазам её видно было, что ответ её совершенно честный: просто девке утреннюю энергию некуда было деть.

Несколько недель назад на кафедру филологии заглянул довольно молодой, но чрезвычайно импозантный мужчина. Он назвался Примасову отцом студентки Татьяны Бумбар, Аркадием Михайловичем. И сказал, что имеет к доктору очень непростой и довольно пространный разговор - и предложил встретиться на нейтральной территории где-нибудь: например, в кафе. Пояснил откровенно, что имеет к доктору Примасову одну лишь просьбу: чтобы Таня ни о чем не узнала. Домой к себе он пригласил бы доктора вместе с супругой, детьми и родственниками с величайшей радостью - но, опять же, боится Таню. А здесь, на кафедре филологии, тоже не разговор - невозможно вдвоём уединиться. Примасов, поразмыслив, согласился на встречу и назначил время.

Когда доктор вышел из института, его ждали пять шестисотых "мерседесов", и папа Аркадий Михайлович, заправлявший торговлей мясом в здешнем краю и местным кабельным телевидением, извинился, сказав, что его супруга, его сестры с мужьями, три брата с жёнами и старики-родители тоже пожелали участвовать в судьбе Танечки, а отказать им он не посмел: таковы, увы, обычаи их полуитальянского семейства - а он, к тому же, ещё и младший сын. Иван Яковлевич, опять подумав, дал согласие. Таня училась преотлично и профессор даже и мысли не держал, что его хотят подкупить: видимо, дело заключалось совсем в ином.

Кавалькада "мерседесов" остановилась у самого блистательного ресторана, о котором Иван Яковлевич разве что в светской хронике вечерних газет читал, а бывать и не бывал в нем - но виду, однако же, не подал: если уж это надо, значит, надо. Для прибывших уже сервирован был стол в отдельном зале и, когда все расселись, Иван Яковлевич сразу потребовал объяснений - вежливо весьма, правда - у Аркадия Михайловича. Тот смущенно сказал:

- Несколько поколений наших предков были в Валахии далеко не последними людьми - и занимались только политикой, да копили деньги. Среди нас не случилось ни философов, ни физиков, ни химиков, ни историков, ни других учёных. Единственная гордость нашего рода - очень и очень дальнее родство - а, может быть, всего лишь даже и свойство - с великим учёным Наркевичем-Йоткой: во всех наших домах висит его портрет. Он был богатейший белорусский дворянин, а петербургские академики, по фамилии его судя, считали его поляком. А поляки были тогда в России отнюдь не в моде, как, впрочем, и сейчас, и великого нашего родственника в Петербурге тогда не признавали. И до сих пор имя его мало кому известно...

- Это имя я знаю, - заверил доктор, - хотя его нет даже в энциклопедии. И труды его до сих пор не разобраны и не изданы. Но если у Академии наук Белоруссии до сих пор не отыскались на это средства, то, поверьте мне, они уж и не найдутся! И, возможно, попросту потому, что оригинальные работы учёного, будь они напечатаны, принизят работы наших уважаемых современников... Я, кстати, что-то не видел ни в одном доме собраний сочинений Ломоносова, Татищева, Циолковского... Перечислять не стану, ибо, что ни гений, то непременно под замком. Прибавим сюда, разве, еще Шишкова, президента Академии наук пушкинских времён - знатока многих языков и непревзойденного лингвиста, отца сравнительного языкознания. Я, даже я имею лишь небольшой сборничек его статей, собранных по научным журналам того времени. Издание - вовсе не Академии наук, а попросту частного лица. Естественно, в своих лекциях я эту книжку использую.

- Воспринимаем ваши слова, как сигнал к действию, - поклонился Примасову Бумбар-младший, слушавший его стоя, - и в самое ближайшее время кто-нибудь из нас слетает в Минск на разведку. Но я продолжу - с вашего разрешения. Вся моя

родня давно уж и страстно жаждет, чтобы в нашем роду появился наконец хотя бы один учёный, который бы навеки прославил нас. В свое время, насколько знаю, вы занимались археологией, и собираетесь в дальнейшем вернуться к ней. А моя дочка мечтает стать именно вот учёным-археологом. На филфак она пошла лишь потому, что там есть все возможности выучить древнерусский, санскрит, церковнославянский, староболгарский, сербский, английский и другие языки...

- А почему вы стоите передо мной, как студент?! - спросил с удивлением Примасов. - Прошлым летом Таня выучила на каникулах латынь, осенью - итальянский, затем быстро освоила правописание чувашского... Произношение во всех трёх случаях пока ужасное, со страшнейшим русским акцентом, но это уж дело поправимое! Сейчас, насколько знаю, она зубрит древнегреческий и новогреческий: грезит о раскопках в Элладе. Тему осенней курсовой я ей ещё не выбрал, но название работы будет примерно следующим: "Корни древнерусского языка в санскрите, ранней латыни, в древнегреческом и в позднейших романских языках: румынском и итальянском".

- И у нашей Танечки хватит на это головы?! Ведь девчонке и девятнадцати нет! - Аркадий Михайлович просто высказал вслух всеобщий дамский немой вопрос, буквально витавший над столом.

- Это будет не совсем научная, многомесячная работа - а всего лишь студенческая курсовая: как сможет, так и сделает! - успокоил всех Иван Яковлевич. - Ума ей не занимать! Она за это время ещё и древнеегипетский язык освоит! Чему тут удивляться-то, Аркадий Михайлович?! Всякий в чем-то силен! Со слов Татьяны я знаю, например, что вы - бывший офицер авиации, штурман тяжелого бомбардировщика, а затем окончили еще и политехнический институт. Вот у меня в руке вилка: как она будет смотреться на горизонтальной проекции в седьмом, скажем, октанте?

При этом Иван Яковлевич покивал благородным дамам, извиняясь за скучный разговор. Аркадий Михайлович, почти не думая, взял у доктора вилку и развернул её так, как ей полагалось проецироваться на горизонтальную плоскость седьмого октанта, названного Примасовым случайно.

- Вот видите! - радостно вскричал Иван Яковлевич. Он уважал профессионалов. - А меня хоть к стенке поставьте - не пойму!

- Да ну, чего тут... - с удовольствием произнес Аркадий Михайлович, видя, что весь стол гордо за него улыбнулся.

- Итак, вернемся к Татьяне! - доктор Примасов ничего ещё не ел и не пил - и хозяйка тоже не дотрагивались до приборов, и даже мужчины не курили пока. - Она отличница, но учится, увы, на филфаке - и у неё нет формального повода попасть на археологические раскопки. В этом случае всё зависит от связей, или, грубо говоря, от так называемого блата. Ничего этого у меня нет. Я просто учёный и, надеюсь, вы знаете об этом.

Впрочем, в Псалтири сказано: "...нет человека, который проживет и не согрешит". Да, я тоже грешил: поставил однажды, на вступительных экзаменах, пятерку вместо двойки одной девочке, когда случайно узнал, что она шестая сестра в семье, а отец её давно помер. Да, я выпил литр водки с преподавателем физкультуры - чтобы тот вывел хорошую оценку моему студенту Сане Исакину: иначе студент остался бы без стипендии, а он из очень бедной семьи! Всякое, словом, было, всего-то и не упомнишь...

При упоминании об Исакине семейство Бумбар возбужденно переглянулось, но Иван Яковлевич, естественно, не обратил на это внимания. Бабушка Тани, сидевшая за столом по левую руку от Примасова, однако, не смолчала:

- Извините, Иван Яковлевич, но я самая старая здесь женщина и могу говорить наравне с мужчинами. Если этот мальчик, Саня Исакин, отринет Таню, она, пожалуй, и зарежется даже! Мы же, всё-таки, молдаванки, хотя уж давно и русские! Об этом Исакине она все уши нам прожужжала, этот студент с языка у неё не сходит! Прошу вас, как человек пожилой, гораздо старше вас: делайте, по возможности, так, чтобы Таня и Саня были почаще вместе!

- Хорошо! - обещал Иван Яковлевич. Да и что иное мог он сказать при этом? Лишь одно его изумило: бабушка Тани выглядела лет на сорок восемь, а заявила, что гораздо старше его, пятидесятисемилетнего. - Они в свободное от учебы время спокойно могут общаться на научных студенческих семинарах. Да, вроде, и общаются иногда.

Чтобы окончательно утешить нервы пожилой дамы, Примасов коротко объяснил ей смысл нестандартных этих занятий: дабы зело приобщить студентов к науке, приглашаются именитые ученые: некоторые читают лекции и затем отвечают на вопросы, некоторые просто беседуют со студентами часок-другой. Вроде бы, ерунда, но польза от этого огромная. Бабушка Тани согласно и вежливо кивала, почти ничего не понимая в словах Примасова.

На институтских, как бы не обязательных для студентов, семинарах по филологии, истории, антропологии-этнографии-фольклору народов, племен и рас, да и по лингвистике хоть, иль поэзии 18-го века, или по микрофотографии (да всяческих много бывало семинаров) собиралась, обычно, лишь половина курса, а иногда - по совершенно редкостным темам - "светилось" и всего лишь несколько человек. Всегда, разумеется, во главе с Исакиным и Евлампиевым, которые особенно трепетно относились к слову "наука". А староста Ахлестина просто обязана была присутствовать, причем, с курсовым журналом, в котором расписывались лекторы. Пресерьёзная малышка Ахлестина всегда брала у лекторов домашние адреса, телефоны или визитки: на случай переписки - а вдруг кто из студентов посвятит жизнь именно этой вот науке? Визитки она приклеивала в журнал. Институт, надо сказать, денег на семинары не жалел, ректор считал "коридорное" образование весьма полезным. Если хоть один человек в год делается потом учёным - и слава Господу Богу!

Собрания эти случались порою любопытными. Однажды на семинар по антропологии был приглашен старый профессор-немец: хирург, скульптор и известнейший антрополог одновременно. С ним находилась девушка, служившая ему и переводчицей, и натурщицей. Для начала профессор измерил студентам черепа - и затем очень быстро и доходчиво преподавал все приёмы измерения. Всё это было, разумеется, и в факультативной книжке по антропологии, да скуку эту прочитать никто до сих пор не удосужился. А оказалось так интересно! Почти у всех обнаружили классические азиатские и полуазиатские черепа - Россия же! - и даже Санёк Исакин, выглядевший идеальным арийцем, был, по черепу, где-то арабом или турком, и европейцем только по волосам. И он отшутился тогда, сказав избитую истину: и арабский, и турецкий, мол, языки - самые близкие к русскому, ну,

ежели санскрит не считать, который вообще - испорченный русский! А настоящие арийские черепа, как ни странно, обнаружались у мордовочки Розы Ахлэстиной и у светло-рыжей евреечки Сони Зак. И бывший тут же начитанный Евлампиев сразу прозвал обеих "белокуроыми бестиями", и добавил, что вот именно он, чуваш Евлампиев, и есть истинный ария, а приёмы измерения черепов глубоко ошибочны. И замолк, схлопотав от рыжей трешотки Сони "антисемита". После этого был объявлен переводчицей маленький перерыв, и Санёк Исакин, сидя с дружкой в курилке в конце темного холодного коридора (время-то уж позднее было), слово "ария" очень неприлично зарифмовал. Женька только хмыкнул высокомерно - и остался при своём мнении.

14

Сигареты голод не приглушили, и дружки вернулись в аудиторию с урчащими животами. Натурщица-переводчица стояла уже на подиуме почти обнаженная, на ней были только плавки и лифчик под цвет тела. Профессор открыл чемоданы с реквизитом и для начала показал десятка три-четыре ушных раковин, сильно увеличенных для зрителей и выполненных из тонкой мягкой пластмассы. Переводчица объяснила слова профессора: идеалами анатомических форм для ведущих учёных всего мира служат "типичные" фигуры индуса и индуски - с головы до пят. Но это вовсе не значит, что внешность других людей хуже: она просто другая. Далее профессор сказал, что различий в строении ушных раковин народов и рас гораздо больше, здесь лишь самые основные экспонаты. И было что посмотреть! Уши вовсе без мочек, почти без мочек и с огромными мочками. Большущие и крошечные, острые, круглые и длинные, пухлые и хрящевые, иль с неестественно большими козелками... Затем шли типичные формы черепов - для этого профессор надевал на коротко стриженую - да наголо, почитай, натурщицу как бы плавательные шапочки. Потом он перешел на её лицо, натягивая на него маски китаянок, монголок, француенок, немок, англичанок, индусок и негритянок. Натянув эластическую маску, он брал аэрограф и обрызгивал шею и плечи переводчицы визажной краской подходящего цвета - и маска сливалась с телом, и казалась живым лицом. Он показывал основные различия в анатомии скул, носов, ртов и, особенно, глаз: в той же факультативной методичке, изданной в институтской типографии, имелась и глава о глазах, да прочесть обо всех этих углах разреза да эпикантусах тоже в голову не всякому впало. А различия в анатомии лиц иногда были удивительными - даже сам профессор о том сказал. У некоторых народов, например, и довольно многочисленных, кстати, имелось еще и третье веко, плёнка, закрывавшая известный всем слезник в уголке глаза, у переносицы. Лектор показал ещё и несколько муляжей волос, увеличенных, для наглядности, до толщины трости - прямых и кудрявых, но кудрявость была не одинаковая. Натурщица, стоя на подиуме в гриме негрилль-бабинги, переводила: волос папуаса, волос полинезийца, волос монгола, волос норвежца, волос негра. Посмотрев на часы, профессор отпустил студентов на перерыв, а замерзшую немку - мыться: староста Роза, по его просьбе, нагрела кипятильником два ведра воды - рядом с туалетом, в холодной девчоночьей курилке. Два наших дружка подошли на полминуты к профессору и знаками испросили дозволения взглянуть на "волосы": Санёк Исакин на лекции заметил, что отнюдь не у всех народов на срезе они круглые. Старик-профессор то ли забыл сказать об этом, то ли время поджимало его. Евлампиев дружку не поверил - ну и проиграл аж три сигареты.

Натурщица, переодевшаяся в сухое бельё, опять стояла на подиуме - вся красная. Девчонки, видимо, растерли её, мученицу, полотенцами. Покончив с лицом и черепом, профессор перешёл на грудь немки, упомянув при сем, что это - типичная плоская грудь североевропейской женщины: немки, литовки, финнки или, например, шведки. На грудной клетке она занимает довольно большую площадь, но далеко вперёд не выдаётся - в отличие, скажем, от груди женщины из Конго или женщины из южной России. Облекал натурщицу в различной формы - и, надо сказать, весьма различной! - эластичные муляжи, и она поясняла: грудь украинки, грудь индуски, грудь сомалийки, грудь японки, грудь итальянки. Показав, тоже на муляжах, ещё и некоторые тонкости различий в строении таза - особенно сногшибательной показалась всем разница между англичанкой и бушменкой, профессор стал подавать натурщице нечто наподобие плавок. Та ловко и быстро надевала их поверх своих, демонстрируя отлично сделанные пластиковые муляжи. Переводчица несколько раз превращалась как бы в инопланетную пришелку - некоторые внешние анатомические отличия среди землянок оказались просто невероятными. После этого лектор, действуя аэрографом и кистями, быстро и умело нарисовал на теле натурщицы подкожные мышечные слои - сначала "обыкновенной" белой женщины, затем негритянки. Причём расписывал бедную немочку с головы до ног. И даже тут явилось некоторое мелкое инопланетное диво, досель никем в аудитории не известное: мышцы негритянки были не красного, а желто-коричневого цвета! Под конец профессор целиком вымазал свою девку, опять напяливая на неё маски - сначала в несколько желтоватых азиатских оттенков, затем в цвет краснокожей североамериканской индеанки, потом в светло-коричневый - южноамериканской индеанки-карибки. Остановившись на цвете кожи полинезийки-маори, он устало вздохнул, бросил кисти и попросил девушек ещё раз помочь натурщице привести себя в порядок. Исакин и Евлампиев услужливо уложили в чемоданы весь реквизит профессора. А когда вернулась натурщица - уже в обычной одежде, Санек сказал ей, что они с другом помогут донести чемоданы до машины. Тут старик облокотился на кафедру и что-то изрек. Немка перевела: обычай требует, чтобы лектор ответил на вопросы. У девчонок вопросов не было, они давно уж дико проголодались, и, когда вдумчивый Евлампиев поднял руку, староста сказала ему издалека: ты, Женьк, в натуре, чё это?! Лектор же давно изустал! Немка перевела её слова, как смогла - и профессор напустил на себя бодрый вид. Женька попросил немца рассказать о себе, как о враче и скульпторе. Как хирург, отвечал тот, я давно уже не у дел, ибо - стар. Скульптурой занимаюсь пока, но это очень дорогой вид искусства, а мой любимый материал - бронза. На каждую мою работу уходит несколько сотен килограммов бронзы. Сначала надо изготовить модель, затем нанять грузовик и отвезти её в литейный цех. Потом опять найти грузовик и доставить готовую скульптуру в мастерскую или на выставку. Я делаю реалистические вещи и они редко продаются на выставках. Поэтому девять раз из десяти мне приходится нанимать автокран и грузовик - и везти не проданную вещь к себе в мастерскую. Когда-то я преподавал в академии художеств, но лет пятьдесят назад пришлось уйти - академию полонили авангардисты...

Не желая отставать от дружка, поднял руку Саня Исакин и, вроде бы, вякнул нечто, но из-за воплей недовольных девиц профессор ничего не расслышал. Шум прекратила Таня Бумбар: привстав со скамьи и повернувшись к обожаемому ею Исакину, она захлопала вдруг в ладоши. Профессор благосклонно посмотрел на него. Санёк спросил: а нету ли у уважаемого герра профессора - ну, в смысле, дома, в Германии - альбомов с репродукциями его скульптур и не издавались ли его этнографические статьи и лекции отдельными сборниками? С фотографиями

его удивительных демонстраций? Институтская библиотека будет рада получить хоть что-нибудь!

- Этими своими - годовыми почти - "гастролями", - ответил лектор, - я оплачу и покупку бронзы для очередной скульптуры, и труд литейщиков. Поэтому никаких этнографических альбомов у меня нет - мои лекции и демонстрации мастерства сделались бы бессмысленными. Но сборники статей есть, и альбомы с репродукциями моих скульптур издавались. Я непременно пришлю их вам, как только вернусь домой. И, вдобавок, напишу разрешение переводить мои сборники статей и издавать их в институте как методические пособия. Гонорар - в пользу бедных студентов...

16

От застольной беседы со старшей Бумбар Иван Яковлевич даже вспотел: он редко разговаривал с дамами. По правую руку от него сидел дедушка Тани, Михаил Михайлович. Дождавшись, когда замолкнет супруга, тот подал, наконец, голос:

- Вот именно потому, что вы ничем не опозорили русскую науку, мы и решились спросить у вас совета! А этот стол, дорогие напитки, сигары и сигареты особого заказа, да и всё остальное прочее - не считайте, пожалуйста, ни за что: это просто часть нашей обычной жизни... Насколько я знаю, вы родились после войны в деревне под Теплым Станом. Вы были третьим ребенком, и ваш батюшка скончался от ран, когда вам едва исполнилось четыре года. Но, несмотря на недостаток средств - а, по-русски сказать, на безысходную бедность - вы стали большим учёным, пробившись единственно на своём таланте! Извините, Иван Яковлевич, но я знаю даже и о том, что вы отсылали матери из армии свои солдатские деньги!

- Да, я отсылал ей три рубля в месяц - и она покупала на эти деньги пуд пшеницы. Но затем пшеница вдруг стала пять рублей пуд - и мои младшие сестры уж не ели ситного хлеба досыта...

- Встреть вас в юности такие люди, как мы, - продолжал Михаил Михайлович, - вы давно были бы президентом академии наук... Ей Богу, я действовал бы так, что вы ничего бы и не заметили! Но оставим на несколько минут этот разговор, а заодно и судьбу моей внучки Тани... Обратите, пожалуйста, внимание на эту вот прелестную даму в чёрных кружевах - и познакомьтесь: это одна из моих дочерей, Маргарита, у неё умер недавно муж, и она, как видите, ещё в трауре, дурочка. Вернее, не умер, а убили - замочили, выражаясь его же языком. Удалили собачьей цепью. Я годами твердил ей: Мара, ищи женихов в библиотеках, в выставочных залах или в своей консерватории! А не в спортклубах, среди каратистов и боксёров! И что же?! Мара в семнадцать лет выскочила именно за боксёра! В юности я сам занимался греко-римской борьбой и знаю: борцы и боксёры - самые спокойные люди среди спортсменов! Этот же оказался на изумление агрессивен. Они прожили двадцать пять лет, и он почти каждый день бил её! У неё добрый десяток переломов! Будь она мазохистка, я за неё бы не страдал... Зять брал у меня денег, сколько хотел: на развитие дела якобы, и месяцами буйствовал со своими ужасными друзьями... Мара! Если ты пренебрегала моими советами в глупой юности, то вникни в мои слова хотя бы сейчас. И попробуй только послушаться! Сегодня же вечером ты выбросишь эти чёрные тряпки и кружева в мусоропровод а утром нарядишься так, чтобы всякому видно было: ты первая девка в городе!

- Хорошо, папа, я согласна, - прошептала, залившись краской, черноокая красавица.

- Извините, Иван Яковлевич, что изменил начальную тему на другую. Как-то уж к случаю пришлось. Если вы будете согласны, то попрошу вас встать на

минутку, и мы испробуем вон те сигары на дальнем столике: я не хочу, чтобы нас кто-нибудь услышал. Да и покончим с этой темой.

- Я догадываюсь о сюжете нашей беседы, - сказал, вставая, Примасов.

17

К дальнему сигарному столику приглашён был отцом и старший сын - Семён Михайлович, среди собравшихся здесь мужчин особенно рослый. Иван Яковлевич знал его только по газетам: магнат, владеющий серебряными и, кажется, медными рудниками чуть ли не всей страны, и обогатительными фабриками при них, и устроитель художественных выставок, и, вроде бы, владелец нескольких газет.

- Меня очень беспокоит судьба моей дочери, и я задам вам всего несколько вопросов... - начал Бумбар-отец.

- Но сначала позвольте задать вашему сыну совершенно посторонний вопрос! - перебил его Иван Яковлевич. Дождавшись благосклонного кивка Михаила Михайловича, продолжил:

- Семён Михайлович! Отец ваш, прежде, чем познакомиться со мной, собрал на меня отличное досье. Он деловой человек, и я не в обиде за это на него: хотя в обычной жизни такие действия и не приняты. Вы, как старший сын, тоже, очевидно, прочли досье. И, вероятно, помните, каково мне приходилось без средств в студентах: я и кирпичи складывал, и разгружал баржи огромные с зерном, и вагоны со щебнем. Платили до жути мало, а времени это отнимало до жути много. На летних каникулах, иной раз, правда, удавалось подзаработать... Я вот о чём: голодные эти годы до сих пор мною не забылись, уж очень тяжело приходилось мне. И я не могу без душевного содрогания смотреть на бедствующим студентам! У меня к вам просьба, а, вернее, даже мольба: возьмите летом на службу хотя бы несколько человек!

- Понял вас, Иван Яковлевич, и охотно пойду навстречу! Я, извините, настолько деловой, что даже папа меня Арифмометром зовёт... Короче говоря, я уже проиграл все варианты - относительно вашей просьбы. Говорю сразу: двадцать или, скажем, семнадцать человек я взять не смогу. Но пятнадцать на лето - да. В отличие от других "барбосов", я плачу своим рабочим вовремя и помногу, на этом не экономлю, а студенты ваши получают, естественно, поменьше, но тоже довольны будут. Еда, одежда, жильё и простейшие развлечения вроде видеков-телеков и районных танцевальных ансамблей из десятка узкоглазых девиц - это всё за мой счёт. Плюс "полевые", этот термин, кажется, и в археологии употребим? Его я и от Тани слышал. Деньги тоже приличные, ведь цветные металлы не в Чебоксарах добывают! Двух-трёх человек смогу устроить на лето - сотрудники будут в отпусках - в литературном отделе одной из своих газет. Найдутся такие? И зимой, во время учёбы они тоже пусть подрабатывают, как смогут.

- Да, и именно трое. Они довольно профессионально пишут стихи и прозу и не раз печатались в нашем институтском журнале. Все родом из глуши, и все из бедных семей. Две девочки и один мальчик, Женя Евлампиев.

- А ещё мне нужны как бы публицисты-искусствоведы, чтоб писали о выставках, которые я устраиваю - надеюсь, об этом вы слышаны?

- И такие тоже найдутся. Очень талантливые девочки. Они буквально дышат искусством - хоть и не понимают в нём пока ничего. Признаться, я не разделяю вашего увлечения авангардом...

- Ну, это большая тема - а я просто имею с этого деньги. И понимаю в искусстве гораздо меньше, чем ваши девочки. Да, я знаю: реализм жив только у нас в стране... Но деньги, деньги... Остальные десять студентов в течение зимы пусть посещают мои курсы механизаторов - один раз в неделю. К весне все они станут отличными экскаваторщиками, крановщиками, бульдозеристами, скреперистами,

да шоферами самосвалов хоть. Мальчики это будут или девочки - значения почти не имеет: хотя, признаться, на рудниках у меня одни мужчины... А судя по рассказам Татьяны, у вас чуть ли не женский монастырь - на всех факультетах сплошь девчонки...

- Позвольте ещё вопрос? Экран у меня дома - кабельный, и что возмущает меня - чисто автоматически, как филолога: бегущая строка объявлений прёт, попросту говоря, без точек и запятых. Позорище на весь Что, у вашего брата недостаток средств, чтобы нанять грамотного редактора объявлений?! Кто у него там?! Что за дура, я извиняюсь?!

- Иван Яковлевич! - начал было Семён Михайлович, довольно сильно смутившись, но отец перебил его:

- Насчёт Аркашки - между нами, естественно: он девок на своё телевидение по фигурам принимает... Видел я эту цацу - хоть под лорда её клади. Но, всего лишь тупая троечника-девятиклассница, да Аркашке это до лампочки. Мой план: Аркашка на зиму устраивает её на ветеринарные курсы, а весной - фельдшером на один из своих мясокомбинатов. Представляю, как она там отъестся... А вы, Иван Яковлевич, к тому времени найдите девочку поделовитее в редакторы... Можно ли считать этот разговор законченным? Тогда определимся по Маргарите... Вы, кстати, не сомневайтесь ни в одном слове моего сына, Иван Яковлевич! Сказал - сделает. Теперь о Маре. Представьте себе, ей уже сорок один год! Выглядит она, конечно, на тридцать шесть (Иван Яковлевич, при первом на неё взгляде, подумал, что ей лет двадцать семь), но, как говорится, паспорт не спрячешь!

- Да уж! - присказал, попыхивая сигарой, Семён Михайлович. - В её несчастной судьбе, папа, виноват, отчасти, и ты: зачем ты не позволил развестись ей с этим садистом, царство ему небесное? У тебя на всё какие-то древние, пещерные установки: вышла замуж, обвенчалась по-православному - значит, терпи, живи...

- Не будем сейчас об этом, - строго прервал сына Михаил Михайлович, - я позвал тебя, как помощника и друга, одному мне не хватило бы смелости задать свои вопросы Ивану Яковлевичу. Я стар и почти безграмотен, а твоё присутствие при этой важной беседе мне поможет.

- Говорите прямо и сразу, без всяких обиняков, Михаил Михайлович! - доктор взял у официанта с подноса стакан красного сухого вина и пачку невиданных им доселе сигарет - и тотчас же закурил, положив в пепельницу едва начатую сигару: он редко курил сигары и не имел к ним страсти. - Я давеча высказывался уж о том, что приблизительно догадываюсь о ваших вопросах. Задавайте!

- Ладно. Есть ли среди ваших друзей человек, который пожелает жениться на моей Маргарите? Его деньги меня не интересуют, а об остальном вы сами догадываетесь: мне хочется, чтобы он был учёным, вроде вас, и, примерно, лет сорока пяти, не старше: Мара всё ещё страстная женщина, уж своих-то детей я знаю.

- Ну, папа! - только и воскликнул смущённо Семён Михайлович.

- Как это ни удивительно, но такой именно друг, и друг давнишний, у меня есть! Ему сорок три года, он заведует кафедрой истории в нашем институте и овдовел два года назад. Но имеется одно огромное "но": у него внешность киноактёра и поголовно все женщины от него без ума. Да и девицы тоже. Раз-другой в неделю, устав от лекций, мы с ним заходим вечером "ударить по пиву", и, покуда шествуем по тротуару к пивной, три-четыре молодые девицы непременно споткнутся, на него заглядевшись. К чести его сказать, сам он отнюдь не ловелас: так уж странно распорядилась мать-природа.

- Это сверхпорядочный человек, - заметил Семён Михайлович, явно бывший ужасным ловеласом.

- Однако... - продолжил Иван Яковлевич, сменивший у официанта пустой

стакан опять на сухое красное. - Замуж за него никто не идёт! А почему? Да у него четыре полувзрослые дочки, и старшая засобирилась недавно замуж! А свадьба нынче - его докторское жалованье за десять лет! Сбережений, естественно, никаких, едва на житьё хватает... Уверен: против Маргариты Михайловны аргументов у него не найдётся - нашим научным жаргоном выражаясь. Лишь бы сама она была не против: подумайте-ка, четыре дочери!

- Всё это такие пустяки! - философически изрек старик Бумбар. - Мы и выучим всех, и всем приданое завидное соберём, и свадьбы устроим. У самой-то Мары, увы, нету детей - она, по-русски говоря, неродиха, вот пусть и будет ей забота!

18

- Это был благородный разговор! - высказал собеседникам, возвращаясь за стол, довольный Иван Яковлевич. - За моего друга я просто рад! Знаете, одно время он был в страшнейшем отчаянии и едва вышел из транса!.. Но ведь мы собрались, насколько я помню, обсудить некоторые обстоятельства, касающиеся Татьяны? Всю жизнь я был прям и за это не все меня любили. Буду и сейчас честен. Танечке срочно надо переводиться на истфак - или окончить тот же истфак заочно, и это выйдет у неё почти одновременно с окончанием филфака: думаю, она осилит истфак за три, от силы четыре года - похожих предметов-то очень много, и все эти одинаковые оценки будут ей штамповать в обеих зачётках одинаково.

- Спасибо, доктор, - ответил на это отец Тани, - свой любимый филфак она бы ни за что не бросила, а вот насчёт одновременного заочного обучения на истфаке - это даже моему гениальному папе в голову не пришло!

- Спасибо вам, Иван Яковлевич, спасибо, спасибо! - запели дамские голоса со всех сторон.

Иван Яковлевич, закулив опять сигарету - явно настоящего табака, и взяв очередной стакан красного сухого вина, решил быть откровенным до конца:

- В будущем году я задумал начать раскопки на городище Архаам, это почти в Сибири. Денег нам, разумеется, никто не даст, но несколько серьёзных учёных, моих друзей, готовы пожертвовать своими отпускными деньгами - и я, разумеется, в их числе. Но что сделаешь там за какую-то неделю и на несколько отпускных зарплат?! Палатки, постели, одежду для рабочих и кое-какое оборудование придётся брать в аренду, основная часть денег уйдёт на наём и питание тех же рабочих, а есть самим придётся уж то, что Бог пошлет... А ведь нужны бы и дизель-генераторы, и бульдозер, и экскаватор, и водяные электрические насосы - вдруг подземные воды или дождь... Нужны и грузовик-вездеход - на рыбалку да за дровами съездить, и небольшой вертолёт - иного рабочего добросить в несчастье до больницы, кого - с семейством повидаться... И самое малое - десяток ящиков коньяку для вертолётчиков - чтоб из кабины лишь на уху из хариусов вылезали... и не мешали никому! И, представьте себе, всю эту технику, кроме малого вертолёта, надо доставлять туда по воздуху! А я помню: даже в брежневские, довольно благородные времена аренда вертолёта на час была девять сотен рублей! Годовая зарплата! Но тогда эти деньги платило государство: звоню, помнится, в Душанбе: товарищ секретарь, рабочие у меня устали, полтора месяца в горах, пришлите, пожалуйста, развлечение хоть какое-нибудь! Отвечает: «Харашё, дарогой, сыпасиба, напомнил аб сабе, завтра всю будит!» И было! Цветы, блюда с пловом, портвейн и танцевальный ансамбль таджичек! Через час гигантский военный вертолёт улетал, а мои работяги целый месяц об этом вспоминали! А что сейчас - будущим летом, то есть? Вместе с рабочими триста километров пешком

до Архаама, несколько глубинных шурфов наугад - и обратно, на тех же своих-двоих. Благо, если тамошний егерь душевным человеком окажется и за литр-другой лося нам самолично завалит. Но я даю слово, я возьму Танечку в эту экспедицию, пусть привыкает к археологии, пусть учится. Но выдержит ли ваш ребёнок эти лишения? Зачем ей эта ужасная судьба?! Ваш портрет, например, Аркадий Михайлович, попросту примелькался в прессе, а попробуйте-ка вы вспомнить, видели ль вы мою фотографию хотя бы в областной нашей газете? А ведь я очень крупный учёный в своей области - с мировым аж именем!

Бабушка Бумбар, её дочери-брюнетки и снохи-блондинки, вообразив Танечку в тайге, вдруг обильно заплакали.

19

- Иван Яковлевич! - возгласил Аркадий Михайлович: он даже привстал из-за стола и поклонился Примасову. - Мне с самого начала надо было бы уведомить вас: все ваши археологические раскопки, в которых вы позволите участвовать Тане, будут финансироваться нашей семьёй. Отправляйтесь хоть на Тибет, хоть на Синай, хоть на потухший вулкан Рано-Рараку! Мы полностью доверяем вам, мы слишком наслышаны о вашей порядочности, чтобы в вас сомневаться!

- Раскопки буду финансировать пока я! - заявил сыну Михаил Михайлович.

- Но, папа! - чуть не в один голос воскликнули его дочери и снохи. - Мы все хотим, чтобы Танечка стала настоящим учёным! Не будет свободных денег - мы вытряхнем золото из шкатулок, твои же подарки, папа!

- Не беспокойтесь, дети! Какие бы деньги у меня ни ушли, это будет лишь тысячная процента! И после смерти я всем вам оставлю поровну - причём наличными, без налогов. Фунты, евро, доллары и рубли для виду хранятся в банках, но вот ящики с золотыми николаевскими червонцами и золотыми индийскими рупиями охраняются моими людьми в самых непредсказуемых местах по всей стране, и охранники молят Бога, чтобы я жил как можно дольше: я всем им построил особняки и даю жалованье, которому позавидовал бы любой полковник. После моей смерти они возьмут десятину, а остальное золото доставят вам - каждому по несколько ящиков. Адресов их вы никогда не узнаете. Но, к делу! Иван Яковлевич, сколько времени нужно для серьёзных раскопок в Архааме?

- Четыре-пять месяцев. Для начала.

- А денег?

- Где-то по миллиону рублей на месяц. Но, честно сказать, в эти деньги не уложиться. Самое малое, по моим прикидкам, потребуется полтора миллиона в месяц. Всё дело в том, что там совершенно грандиозное городище: даже знаменитейший Стоунхэндж по сравнению с ним - ничто! Но рабочих и оборудование придётся везти издалека - а рабочих потребуется сотни две, и платить им надо помногу. Сносные человеческие условия для них - это отдельная статья: верней, проблема.

- Хорошо! - сказал Михаил Михайлович. - И как много понадобится времени, чтобы моя внучка сама научилась руководить раскопками?

- Папа! - взвилась одна из дочек-брюнеток, натуральная Кармен с виду. - Ты не мог об этом попозже?

- Ничего, ничего! - успокоил доктор вспыльчивую Кармен. - Как учёному, мне как-то даже нравятся деловые люди! Уважаемый Михаил Михайлович! Дабы руководить раскопками, надо быть доктором исторических наук и, желательно, доцентом в институте, а лучше - профессором. Вам придётся финансировать мои раскопки лет десять: попросту из-за Тани. За меньший срок я не сделаю из неё учёного. Уверяю вас: у меня совершенно космические проекты! И обещаю: Та-

нечкино имя через несколько лет - изредка - начнёт появляться в сверхнаучных журналах. Которые никто, кроме нескольких академиков на Земле, и не читает. Вот это и есть так называемая наука. Полагаю, что за указанное мною время - за десять лет - Танечка и оба факультета окончат, и - с её-то талантами! - сделается и доктором истории, и профессором.

- Иван Яковлевич! Мы согласны на это! - с нескрываемой радостью обещал Аркадий Михайлович. - И не беспокойтесь о том, что мы вас когда-нибудь оставим! Когда Таня сама станет руководить археологическими работами, она будет приглашать в экспедиции и вас, и вы сделаетесь вечным её наставником и консультантом! И мы всегда готовы будем финансировать эти ваши экспедиции!

- Хоть какая-то радость мне на старости лет! - проворчал старик Михаил Михайлович. - Моя внучка станет настоящим учёным! Бог мой! Первым в нашем роду!

20

Дела, наконец, закончились, и началась обыкновенная русская гулянка. Дамы и молодые их мужья воспрянули, откуда-то зазвучала музыка. "Итальянская, вроде бы!" - определил Примасов. Кто-то с кем-то танцевал, кто-то продолжал угощаться за изумительным столом, а Иван Яковлевич по-стариковски отошёл в угол, к дальнему сигарному столику, на котором оставил пачку давешних преотличных сигарет. Едва прикурив, он с трудом вынес натиск нескольких блондинок и таких же редчайших - натуральных - брюнеток, приглашавших его на танцы. Он прижимал руку к сердцу, благодарно кланялся, извинялся и говорил, что ни разу в жизни не танцевал, да и стар он уже для этого греха. Наконец, дамы оставили его в покое, и он, как истинный полузиат, с удовольствием курил то сигару, то сигарету, то голландскую самокрутку и прихлёбывал то несладкий крепчайший чай, то кофе, то красное сухое вино. Отыскав его среди суматошной молодёжи, к нему подошёл Михаил Михайлович, а следом, оттанцевав из вежливости с супругой, свояченицами-блондинками и чернокудрыми сестрами, пришёл и Семён Михайлович.

Поговорили о том, о сём - да чуть не о нынешней погоде на дворе, а потом Иван Яковлевич вдруг вспомнил то, о чём хотел сказать Семёну Михайловичу едва ли не час назад. Даже разозлился на себя малость из-за вечной своей рассеянности (вошедшей аж в институтские анекдоты) и чуть ли не изругал себя. Когда ещё представится возможность помочь ему? Да и возникнет ли подобный этому случай?!

- Слово - олово! - неожиданно и совершенно не к теме беседы произнес он. Папа-миллиардер с сыном-миллионером изволили даже изобразить на лицах как бы некое удивление, хотя изумляться чему-либо они давно уже отвыкли. - Оловом, случаем, не занимаетесь, Семён Михайлович? А пословицу, извините, Михаил Михайлович, я просто для сюжета приплёл...

- Вот именно оловом, как ни странно, я нимало не интересовался! - ответил Примасову Семён Бумбар с некоторой долей растерянности. - Хотя, дело это, вроде бы, и по моей части. Просто в голову как-то не приходило!

- Кому это олово позарез нужно, в каких производствах оно употребляется - я не знаю. Но! Я слышал от одного из своих друзей: его, олова, очень мало на земле, и это один из редких металлов будущего! Насколько запомнил из его слов, оловянные копи есть далеко не везде: в Малайзии, в Таиланде да в Южной Америке, кажись. Ну, ещё и у нас, естественно.

- Вы заинтриговали меня, Иван Яковлевич! Я завтра же затребую литературу, наведу справки и начну искать знающих этот предмет людей...

- Ничего этого не нужно, Семён Михайлович! Упомянутый мною друг - един-

ственный на планете учёный, знающий об олове всё! Он всю жизнь занимался только оловом! Весьма узкого профиля и, можно сказать, гениальный специалист. Ну, разумеется, побочным, так сказать, образом он знает всё и о меди-цинке-свинце, про серебро-золото-платиноиды уж не говоря. Но основные его труды были именно вот об олове.

Семён Михайлович, со слов Примасова, записал адрес и телефон учёного, и сказал:

- Я, конечно, возьму его на службу и положу приличное жалованье. А если он занят сейчас какими-то своими научными делами, тогда приму его советником: за те же деньги.

- Мне не хотелось об этом говорить, - вынужден был сознаться Иван Яковлевич, - но дело в том, что его семья сейчас почти голодает. Полгода назад его с супругой сократили с работы, затем его институт и вовсе закрылся, и он подметает мусор в подъездах по утрам и моет шваброй ступеньки - аж в трёх девятиэтажках. Добавлю только одно: он в некоторых долгах, у него болеет супруга. Да и дети ещё не выросли, школьники пока: женился он поздно, уж далеко за тридцать. Моя к вам просьба: выдайте ему изрядный аванс. Какие бы деньги вы в него ни вложили, через год он оправдает их в тысячу раз, клянусь.

- Сёмка! - позволил себе вольность обратиться так к сыну Михаил Михайлович. - Несколько минут беседы с учёным человеком - и через пяток лет ты уж миллиардер!

- Слово - олово! - с умным видом повторил пословицу Бумбар-сын.

- А сами вы не нуждаетесь ли в деньгах? - спросил Примасова старик Бумбар.

- Но, кажется, мы собрались здесь совсем по другому вопросу? - церемонно ответил доктор. - И я хотел уведомить вас кое о чём, но забылся. Этим летом я снова руковожу, по собственному почину, разумеется, студенческой этнофилологической экспедицией. Беру весь курс - и едем в один из глубинных районов нашей области. Я созвонился с председателем колхоза, нам дают под жильё здание начальной школы, институт выделяет достаточные для житья деньги, на месте я найму повариху, которая будет кормить студентов три раза в день, плюс чай, чего ещё надо-то?! О каких деньгах речь, Михаил Михайлович?! Вот к будущему лету припасайте семь-восемь миллионов! Это будет серьёзная работа!..

21

Студенты, усевшись возле "вигвама" на траве и на крылечке школы, уминали уж по второй тарелке горячей мятой картошки с зелёным луком и громко хрумкали твёрдыми ароматическими огурцами. Без нарушения «орднунга» орда из двадцати с лишним ртов и тут, разумеется, не обошлась: был неистовый вопль о том, что не хватило кому-то хлеба, но баба Тоня, наперёд уж знавшая всё и вся, тотчас утихомирила их запасом чёрствой горбушки.

Иван Яковлевич, переодевшись в новые брюки и рубаху, смиренно сидел в своей школьной комнатёнке, просматривая вчерашнюю местную газетку "Новый колхозный путь" (дань демократии!), и терпеливо ждал, когда баба Тоня принесёт ему поесть. Есть после ухи больно-то не хотелось, но обычай надобно было соблюсти.

Вдруг вспомнив заклинанье старушки Бумбар (не прыгни Татьяна на дощечку - не вспомнил бы!), он открыл дверь, кликнул старосту и велел ей привести студента Исакина. Ахлестина, держа за щекой недожёванный огурец, согласно кивнула, и затем звонко крикнула во дворе:

- Ахтунг, ахтунг! - звяканье-хрумканье утихло, и староста понизила голос. - Санёк, ты где? Кончай лопать, айда к дяде Ване на ковёр!

Через несколько секунд в "кабинете" стоял полуиспуганный, приконвоированный Розою Исакин, и весь его лик излучал вопрос: чего это я такого натворил?! Розу, как единственную даму, Иван Яковлевич силой усадил на свой стул.

- Какая, бишь, у тебя курсовая-то? - спросил он у неё, не зная, как начать разговор.

- "Мордовский выговор в некоторых русских деревнях"! - бойко выпалила Ахлэстина.

- Ах, да! Извини, забылся! По-мордовски ты чешешь преотлично, сам слышал. Ты ведь у нас мокшанка? Я же около сотни языков знаю, могу судить... А пишешь как?

- Да никак. Я в русской школе училась. Но я справлюсь, Иван Яковлевич! У меня бабка письмом владеет. Ни одной ошибки не делает! И сказки знает!

- А ты-то почему письмо не усвоила?!

- Да русской хотелось быть!

- Одно другому не помешало бы. Задание поняла? На зимней сессии сдашь мне письменный зачёт по мордовскому. Это не обязательный зачёт, в дипломе его не будет. Какая бы ты распрорусская ни была, пожалуйста, оставайся в душе мокшанкой. Я твои записи тут как-то читал. Любопытно, чего ты ещё сыскала? Слёту! Вспомни мелочь какую-нибудь - для интереса!

- Да вот, в селе Озёрки вчера. Дети: там вместо "мячик" говорят "мячак". А девушки вместо "а что это такое?" спрашивают: "а эта чаво эдыка-т?". Классический мордовский акцент!

- Да не волнуйся ты, Ахлэстина! Я всегда за тебя спокоен! На основе сей курсовой ты диссертацию сделаешь! Доктором станешь! Помяни моё слово! Ни одной диссертации на эту тему ещё не защищалось! И за тридцать лет своей службы в институте более надёжного курсового старосты я не припомню. Ба! Зачем это я вас от завтрака оторвал? Извините, дети, мою забывчивость... Да! Во! И ты, и Саня - люди из провинции, имеете понятие о дровах, о сенокосе, картошке и прочем таком... Я тоже из крестьян. Так вот: Изюмка, то бишь студентка Бумбар, в деревне очутилась впервые. Кроме лаун-тенниса да южных пляжей она не видела сроду ничего. А тема её осенней курсовой - о корнях древнерусского языка в ранней латыни: название курсовой довольно длинное, и я его помню, но сейчас, думаю, цитировать его ни к чему. Исакин! Местность Изюмка, то бишь Таня, не знает, заблудится меж двух ёлок... Моя личная к тебе просьба: поводи ты её по тем деревням, где сам бывал, где осталась старая русская речь. Без этого она не сделает настоящую курсовую! Хоть знает и раннюю латынь, и древнерусский, и итальянский... Но живую народную речь учебники не заменят! Иначе зачем бы экспедиция?! Но - никаких босоножек!!! В них она ноги сгубит! А мне хлопоты с фельдшером нужны?! Поняла, Ахлэстина?

- Да, Иван Яковлевич! У меня братнины солдатские ботинки в рюкзаке есть, как раз Танин размер!

- Во! Самое оно! А носки? Проследи, ради Христа! Саня ведь парень, он в эти мелочи не вникнет... Всё! Свободны! Простите, что от завтрака оторвал... Одну секунду, ребята... Ты, Ахлэстина, стихи пишешь? Будь готова тем летом служить заведующей литературным отделом в семейном нашем толстом еженедельнике. Понравится - оставайся там хоть на всю жизнь... А ты, Исакин, поедешь на раскопки со мной, тоже будущим летом. О деньгах и одежде не беспокойся, спонсоры обещали обеспечить... Роза, совсем забыл: Евлампиев тоже приглашён в твою редакцию. А Софа Зак - литконсультантом на кабельное телевидение. Ступайте!

22

Крепенькая малышка Роза, уводя за руку ополоумевшего Исакина (на раскопках он и бесплатно работал бы), на радостях забылась, и чуть не сломала ему пальцы. Надо же - все лето в знаменитой редакции, свой письменный стол, да ещё, Бог даст, рядом со столом Женьки!

Побредший к своей недоеденной картошке студент Исакин не заметил ничего странного. А Роза тем временем завела Таню за "вигвам" и там чисто по-дружески и прямо изложила ей всю суть дела. Добавила, что назовёт её - при девчонках - дурой, если та не воспользуется обстоятельствами. Таня в свою удачу не поверила - ну, не может такого быть, чтобы они с Саней ходили (аж целый месяц!) вдвоём по лугам-лесам да полям... Да делили хлеб, да запивали его речной водой... Сомлевшая от восторга Таня, к ужасу Розы, грохнулась в обморок.

23

Баба Тоня, принесшая Ивану Яковлевичу картошку и тонкий "барский" кусочек хлеба, вынула, впридачу, из кармана фартука кусок домашнего пирога и затем подала чаю. Пирогу Примасов обрадовался и пообещал поварихе завтра же добыть мешок белой муки, да нанять бабёнок из деревни ей в помощь, да капусты, да масла, да яиц прикупить - и дал ей денег. А баба Тоня как-то к разговору упомянула, что Танька Бумбар "измерла" было от жары, но они с Розой окатили её колодезной водой - и Танька, мол, опять "прыгат".

Поблагодарничав за чайком, как-то даже забывшись, Иван Яковлевич опять взялся за газетку да вскоре бросил её. "Ну зачем, зачем мне, пожилому уж человеку, добровольная и ежегодная эта каторга? - тоскливо размышлял он. - К чему эти неудобства, лишения и каждодневная почти нервотрепка? Цыгане и те завиднее живут... Сидел бы сейчас в кабинете у себя, кушал спокойно кофе или на юг этот поганый с женой подался бы... И ни за кого бы не отвечал, не беспокоился по ночам. Опять же, рукопись книги неподготовленной вот осталась..."

Да, видно, без этих мальчишек и девчонок мне было бы попросту плохо жить... Устанешь вроде за лето-то, измучаешься, но потом - некий удивительный заряд бодрости на всю зиму. Оно, хоть и чужие они дети-то, а как бы уж и свои..."

2005.



Александр БАРУЛИН

Сахалинские новеллы

Александр Барулин - известный российский лингвист. В 1971 году окончил филологический факультет МГУ (отделение структурной и прикладной лингвистики). В 1972-1975 гг. учился в аспирантуре Института востоковедения АН СССР. Своим учителем в языкознании считает И.А.Мельчука.

В 1976-1988 гг. был научным сотрудником Института востоковедения. Работал заведующим кафедрой русского языка и прикладной лингвистики Московского государственного историко-архивного института (ныне Российский государственный гуманитарный университет). По его проекту в 1992 году был организован факультет теоретической и прикладной лингвистики, был его деканом на протяжении семи лет. В 2000-2004 гг. - доцент кафедры общего языкознания МГУ.

Будучи еще студентом, принимал участие в экспедициях по описанию бесписьменных языков СССР. В полевых условиях изучал лакский (1967), шугнанский (1969), хиналугский (1970), аютторский (1971, 1972, 1978) и другие языки. А. Барулин и сам выступал организатором экспедиций на о. Сахалин (айнский язык, 1978) по изучению корвальского говора вепского языка (1990), кетского языка (1994), крымскотатарского языка в Тамани (1996).

Многие его новеллы основаны на впечатлениях от экспедиций и общения с носителями редких языков.



Бич

Водица. Темная, непрозрачная, ледяная. Водица огромного Тихого океана, поглотившая за все время своего существования миллионы живых существ, тысячи кораблей, мирно облизывает мои охотничьи сапоги. Вон и эти ржавые остовы на берегу, небось, еле ушли от ее ненасытной пасти.

По небу несутся куда-то синевато-серые облака. Холодно. Для шестидесятой параллели нормальное лето. Слева гористый полуостров Говена. Передо мной залив Корфа. Поселок - тоже Корф. До чего ж странно. Как это большевики оставили это имя в живых?

Представитель обширного рода баронов. Родился в тридцатых годах XIX в., когда еще был жив Александр Сергеевич, умер в 1893 г. Дальний родственник Андрея Николаевича Корфа из предшествующего поколения, Моденька Корф, учился с Пушкиным в лицее. Моденька, разумеется, тоже барон, был служака, полная противоположность Александру Сергеевичу. Вот и Андрей Николаевич учился в пажеском корпусе, обладал кругозором государственного мужа, боевой генерал, отличившийся в Кавказской войне, раненый под мятежным чеченским Ведено в ногу, получивший за храбрость Георгия четвертой степени. Круто пошел в гору и закончил карьеру первым приамурским генерал-губернатором. По дороге государство настолько подчинило себе его личность, что практически выдавило из нее главные христианские добродетели - любовь к ближнему, сострадание, саму человечность. Как человек государственный, он был благодетелем края: позаботился о рыбных промыслах и добыче морского зверя, о разработках каменного угля на Сахалине, открыл множество школ, способствовал развитию миссионерства. Характер суровый, нордический. Как человек, сросшийся с государственной властью, ненавидел и глубоко презирал врагов государя императора. Поэтому второе, чем он прославился, - крайне жестокое отношение к политзаключенным.

Представим себе картину. Входит этот величественный божок власти (в золотых погонах, бородёнка надвое) в комнату для допросов в каторжной тюрьме на Каре (какое пророческое название!). И видит перед собой эту грязь под сапогами

Его Императорского Величества, эту дрянь, внебрачную дочь спутавшегося с крестьянкой полковника Солнцева, рэволюционэрку, посягнувшую на Государственный Порядок. Он, генерал-солнце, входит, а она, пошлая, вульгарная эмансипе, остается сидеть в его присутствии!!!

А как эту картину видела Елизавета Николаевна Ковальская, урожденная Солнцева? Она - политкаторжанка. За плечами у нее Иркутская тюрьма и побег из нее. Суды и осуждение на вечную каторгу. В глазах ее друзей по политической борьбе это больше, чем Георгий четвертой степени. Это твердость, верность народовольческим идеалам и цельность натуры. Она страдает за светлое будущее своего народа. Будущее без царя и Корфов. Она готова жизнь за народ положить! Кроме того, она женщина. А он? Прислужник царского режима, его цепной пес, солдафон, никогда не задумывавшийся о несправедливости сложившегося в России порядка, человек-должность, которого ни вразумить, ни переубедить никогда не удастся, можно только взорвать. И перед ним она должна встать?!

И вот происходит столкновение двух разнозаряженных источников энергии. Молния взаимной ненависти пролетает между ними. Чернеет генерал-солнце. Его генеральское достоинство уязвлено в самый корень. Нет, с ней он не намерен разговаривать, он поговорит с начальником тюрьмы.

Она, гордая своей выдержкой, силой воли и независимостью, может быть, первая, кто дал понять этому солдафону, что звание народовольца выше звания генерала преступного царского режима, встает только тогда, когда ее собирается увести потрясенный ее наглостью конвоир.

Какая неслыханная дерзость!!! Ужо покажет он ей, что бывает с людьми, восставшими против Порядка, людьми, не уважающими власть. В замок ее, в одиночку, в карцер! И сечь! Сечь их надо, мерзавок, пуб-лич-но! И всех этих эмансипе сечь, сечь и сечь, пока не придут в чувство.

Ковальскую увозят в тюремный замок и сажают в одиночку. Он, конечно, думает, что победил ее, посидит - оду-у-умается.

Но нашла коса на камень. Политзаключенные начинают голодовку, затем вторую, число голодающих растет. Подруга Ковальской, заключенная Надежда Константиновна Сигида, урожденная Малаксиано, ободренная смелым поступком Ковальской, вступает в пререкания с комендантом тюрьмы, словесная перепалка кончается политическим требованием вернуть Ковальскую в тюрьму на Каре, затем следует публичное оскорбление заключенной комендантом. В ответ на это Сигида (совершенно неслыханное дело!) дает коменданту звонкую, увесистую и, в общем-то, не смываемую пощечину.

Генерал-губернатор издает циркуляр, в котором политические заключенные приравниваются к уголовникам. За неповиновение их должны так же, как и урок, публично сечь розгами.

Надежду Константиновну подвергают этой позорной процедуре первой. Оскорбленная женщина, а вместе с ней и ее подруги по камере в знак протеста выпивают смертельную дозу морфия и погибают. Вслед за ними уходят из жизни несколько политкаторжан-мужчин.

Протест вызывает огромный резонанс в общественном мнении и печати. Дело доходит до государя. Тюрьму закрывают. Службисту Корфу делают строгий выговор.

Неисповедимы пути (сказать «Господни» язык не поворачивается)! Перед Российской империей - понимаю, но за какие же заслуги перед Социалистической Родиной осталось это имя на слуху пролетариата! Я не знаю населенных пунктов и даже улицы, которая была бы названа в честь Сигиды или Ковальской. Зато я знаю залив Корфа и поселок Корф, в котором расположен аэропорт Тилички.

Что-то не везет мне два последних дня на этой огнедышащей, курящейся зе-

мельке. Не хочет меня отпускать алуторский бог-трикстер Хутх. Шутит все. Самый непредсказуемый участок пути - от Вывенки до Корфа - дал пройти сразу, хотя никакого регулярного сообщения между ними нет: ни катеров, ни метеоров, ни вертолетов, ничего. Месяц можно прождать оказии. А тут сразу удалось погрузиться на буксирчик. И капитан был на удивление трезвый, не то, что в прошлый раз.

А в прошлый раз, когда экспедиция уезжала из Вывенки на таком же (если не на том же) буксирчике, на ногах держался только кэп. Команда была в стельку. Кэп крепился изо всех сил, пока проходили устье. Устье - самое опасное место. Река намывает в него песок, образуются мели, каждый раз в разных местах. Там надо угадать, где можно пройти. Угадал и расслабился. Мы не сразу поняли. Сначала буксирчик начал рыскать, потом пошел по синусоиде, потом почему-то развернулся на 90° и пошел к берегу. Мы подумали, что кэп хочет зайти в Медвежку - это полпути до Корфа. Потом, смотрим, буксир идет в скалу. Начальник наш со своим другом заглянул в рубку и увидел, что кэп висит на штурвале в совершенной нирване, я бы даже сказал, делириуме. До скалы оставалось метров 100. Кэпа скинули, начальник развернул буксир в море, а его друг, Сандро, начал хлестать по щекам маримана. Буксир ошалело шел в открытое море, потому что начальник боялся где-нибудь сесть на мель, или, еще того хуже, на подводную скалу. Сандро оббил о просоленное обветренное суровое лицо капитана уже все руки, но принятое зелье крепко держало рубильник его сознания на положении «ОТКЛ». Я бросил за борт ведро на веревке, достал оттуда ледяной океанской водички, попросил Сандро передохнуть и вылил ведро на кэпа. Видимо, от ужаса у него открылся один глаз, шок продержал его в таком положении минуту, потом он стал проходить, на какую-то секунду кэп понял, что корабль не тонет, сознание опять на реостате поползло во тьму. Начальник орал ему в уши: "Куда идти?". Он успел сказать: "Ребята, идите вдоль берега, как увидите песок...". Совещание постановило толковать совет кэпа в том смысле, что пришвартоваться самостоятельно мы не сможем, да еще и его подведем под монастырь. Надо выбрасываться на песок.

Шли уже второй час, а песка все не было: скалы, скалы, скалы. Неизвестно было ничего: не заглохнет ли двигатель, будет ли песок, а если будет, то когда, не нарвемся ли мы на рифы. На полубаке был выставлен специальный пост, который должен был высматривать песок. Но Хутх был в хорошем настроении, он так шутил, у каждого это выражается индивидуально. Песок обнаружился, когда уже был виден Корф. Начальник круто повернул кораблик и на полном ходу понесся к берегу.

На песчаном берегу стояли бочки с горючим. Много бочек. Бочки охраняла с ружьем какая-то бабка. Какие у нее были мысли в голове, когда она увидела несущийся к ней на всех парах буксирчик? Бог весть! Наверное, какие-то охранные. Она вдруг забежала по берегу, как индеец, выкинула вверх руку с ружьем и стала нам орать что-то очень грозное. Однако кораблик, чувствуя силу своей правоты, или правоту своей силы, не отвернул носа от грозного бабкиного оружия, а так и пер напролом. Единственная уступка бабке состояла в том, что начальник велел всем схорониться за фальшбортом и даром жизнью не рисковать. Что ж тут бабке делать-то? Летит на нее огромная груда металла, из-за борта выглядывают небритые морды. Имущество ей, конечно, доверено. Ну, шамальнуть пару раз из берданки, чтобы видно было, что она не просто так сдала поле боя, а дальше - давай бог ноги! Жисть одна!

Удар о песок был очень сильным. Буксирчик вылетел на берег чуть не по поясу и застыл. Полубак его с днища оказался довольно высоким, на уровне второго этажа какого-нибудь сталинского дома. Спрыгнуть с него можно было и неловко.

Мы же не спецназ какой. Три средней конструкции мужика да кисейные барышни. Я поднял ботфорты резиновых сапог и выгрузился туда, где еще шумел прибор. Оказалось - почти по то место, где эти ботфорты заканчиваются. Но под ногами было твердо! Тяжелее всех мне дался стокилограммовый начальник. На нем и закончилась тогда шутка Хутха.

Да, а в этот раз причалили гладко, но сигнала не было. Шутка началась в Корфе. В кассе нормально продавали билеты, но самолеты на Петропавловск не летали. На этот раз ушли в запой летчики. Пассажирам было объявлено, что закрыты перевалы. А какие к дьяволу перевалы, когда Як-40 летает на высоте в несколько тысяч метров. Солнце жарило так, что можно было засомневаться в судьбе вечной мерзлоты. Но перевалы были закрыты. А я полоскал сапоги в темной водичке Тихого океана.

Надо было подумать о ночлеге, часы показывали приближение условной ночи. Но я упорно гнал эту мысль и почему-то не верил в то, что придется здесь ночевать. Ожидалось, что дикторша местного радиоузла сейчас наладит свой матюгальник, и по поселку, спотыкаясь и шаркая по шлаку нижними частотами, поползет весть о том, что объявлена посадка на рейс, следующий по маршруту... Слава Богу, конечно, что свобода напиться при исполнении летчикам давалась труднее, чем капитанам, и они бревнами валялись с вырубленными мозгами по каким-то углам на земле. Но как-то уж очень однообразно шутил с нами Хутх. И все время вспоминалось о боцмане с его дурацкими practical jokes. Может, он, начав с Атласова, все продолжает мстить нам за завоевание Камчатки?

Тут я подумал еще, что меня ведь не одного оставили здесь дожидаться, пока у летчиков откроются перевалы, а гостиница в Корфе одна, и заполняется она мгновенно, потому что мест там мало.

Так и оказалось. Окошко ресепшн штурмовали человек десять заросших мужчин, называвших себя геологами. Бичи! Только при двух из них оказались документы. Это меня и спасло. Мне досталась последняя койка в гостинице. В обычных условиях я сова, но в этих шутейных обстоятельствах от Хутха можно было ждать всего. Поэтому, не обращая внимания на гул, стоявший в коровнике на пятнадцать коек, я лег, с головой накрылся одеялом и почти сразу уснул.

Разбудил меня страшный грохот: кто-то изо всей дури шархнул об стену дверь. В номере горел свет. Я машинально посмотрел на часы. На дворе была полночь. В дверях, широко, обаятельно улыбаясь, стоял огромного роста широкоплечий курчавый красавец с пропитыми васильковыми глазами. "Пьяницы с глазами кроликов" - это точно про него. Лет ему было 30 - 35. В высоко поднятой руке он держал бутылку водки.

- Мужики! - по-детски радостно продекламировал он, - меня баба прогнала! Предлагаю всем по этому поводу выпить. - Народ, видимо, признав повод вполне справедливым, оживленно засуетился и потянулся к длинному столу, стоявшему посреди комнаты. Достали из запасов кое-какую закуску и сели праздновать, в общем-то, не пойми что. Через пару доз пошли рассказы о случаях из жизни, рассказывали друг другу о том, как впервые попали на Камчатку. Самыми частыми поводами переезда и оседания на огнедышащей земле были тюрьма, вербовка и мечта посмотреть на камчатскую экзотику. Были и какие-то странные, казалось бы, мелочные причины.

- А я вот услышал, что на Камчатке змей нет, - рассказывал курчавый красавец. - Меня в детстве гадюка укусила, еле откачали. Я их с тех пор страх как боюсь. Приехал в деревню к нам один моряк, на Тихоокеанском флоте служил, интересно так про Камчатку рассказывал, а главное - сказал, что змеи на ней не водятся. Я тогда сразу решил: бросаю все и переезжаю на Камчатку, всю жизнь что ли перед гадюками от страха трястись? Собрал чемоданчик, с маманей по-

прощался и короткими переездами (денег-то у меня особых не было) начал подбираться к Земле Обетованной. В Москве поработал, потом в Нижнем, затем за Урал перебрался, так постепенно и приближался к ней, родимой. Прилетел в Петропавловск - красота! Авача рядом, Корякская сопка. Ну и завербовался шкипером на севера. Через полгода посадили меня за то, что баржу с мели снять не смог. Через несколько часов песком ее обнесло, уже никакими силами не стащишь. Растерялся. Два года отсидел и вернулся туда же. На зоне сидел с таким же бедолагой. Он-то просто пьян был в сиську. Вот он мне и объяснил, что делать в таких случаях надо. И как в воду глядел. Вышел я. Снова пошел шкипером. А куда деваться! На третий рейс опять на мель сел. Тут же якорь отдал и с баржи в речку сиганул. Как она меня обожгла!! Вода-то - 4 градуса, а я с испугу даже сапоги не снял. В телогрейке! Телогрейка меня какое-то время держала, потом намокла и на дно потянула. Сапоги я быстро скинул. Стал телогрейку с себя стаскивать, а сил уже мало осталось, барахтаюсь, воды нахлебался, зубы стучат, ноги сводит, руки заоченели уже, и тут меня сзади что-то тяжелое ка-а-ак ...бнет! Я руки зачем-то кверху поднял, как м...к, и чую: прямо под руку бревно ползет. Я за него уцепился, и к берегу направляю, а оно не идет! И несет меня прямо в океан. Отдохнул я немного на нем, телогреечку скинул и забарабанил по воде руками, ногами, сроду так быстро не плавал. Доплыл до берега, тут же костерок развел (спички у меня всегда в пакетике целлофановом хранились: вода же кругом, это тоже друг в тюрьме научил), согрелся, высушился и побежал трактор искать. Повезло мне, бл... километров через пять гляжу: С-100 куда-то ползет. Тракторист попался душевный, сразу мы с ним договорились за литр водки: это меня опять друг научил, чтобы водку всегда про запас иметь. Приехали мы на место. Я опять костерок разжег, прогрелся, как следует, и вплавь к барже своей забарабанил. Ёшь твою двадцать! Еле доплыл. По якорной цепи кое-как на баржу забрался, тут же в каюту свою, хлебнул водочки, растерся скипидаром, согрелся чудок. И тут меня осенило! А как же я трос-то до берега буксирный дотяну? Вспомнил, в трюме у меня два спасательных круга были. Связал я их, укрепил на них бухточку с тросиком, тут же валялся старый пробковый спасжилет. Надел я его, смотрю: там такая петелька сзади есть, прикрепил я к этой петельке линёк, выкинул трап за борт, литр водки для тракториста на себе укрепил, спустился и поплыл. Плыву, и с грузом почти с места не двигаюсь. Барахтаюсь из всех сил, как та лягушка в кринке. А холод свое берет, в кости уже заползает. Возле берега почти заоченел я и заснул. Меня тракторист багром вытянул. Хороший мужик был. Меня ж течением отнесло. Он так и шел за мной с багром. Вытащил, водки опять в рот влил, растер меня, на себе до костра доволол, согрел, посушил. А времени-то много прошло, как баржа моя села. Часик у нас с ним был еще. Если за час не снимем, опять песком обнесет и - кобздец. За эту баржу меня могли и на десять лет упечь. Груз на ней какой-то ценный был. В общем, поплыл я обратно. Там же якорь поднять надо, буксиру сигнал дать... Без груза легче уже было, да спасжилет держал. Как доплыл, не помню. Жахнул опять для храбрости, якорь поднял, трактористу и буксиру сигнал дал, чтоб они дружно начали. Не сразу мы снялись. Трос чуть не лопнул у меня. Но тракторист опытный был. Два раза дернул, на третий раз понял, в каком направлении ее дернуть, и сошла голубушка.

Я за это свое спасение уже третий год пью! А что здесь еще делать! Выпьем, мужики, за него еще раз! Камчатка это что?

Страна камней,
Страна б...ей,
Страна повышенных окладов
И проспиртованных людей.

- А что у вас там, на барже, какой-нибудь резиновой лодки не было?

- Нет, это у буржуёв резиновые лодки и прочая херня, чтобы ж..у не замочить. А у нас - суровое пролетарское государство. Вот у них есть место для подвига? Нет! А у нас?! Да каждый день...

- А что, ты больше этого тракториста-то не видел? Он тебе, почитай, теперь за брата или за отца родного!

- Видел один раз и - последний.

- А что так?

- Да в ту же ночь погиб он. Ладно, давайте, мужики, спать.

Народ тихо, как зомби, потянулся к кроватям. Курчавого приютил у себя на койке его собеседник, тоже амбал под два метра ростом. Они легли спиной друг к другу и симметрично подтянули к животу колени. Кровать для двух этих гигантов была, конечно, маловата. Но они почти сразу в унисон захрапели. Курчавый храпел низкими раскатами мягкого нёба. Его партнер тонко подсвистывал ему носом. Уснуть под этот ансамбль свиста и храпа имени барона Корфа было трудно, но через некоторое время я все же задремал, и, как мне показалось, тут же был снова разбужен глухим двойным ударом, казалось, потрясшим само здание гостиницы. Вслед за этим раздалось громкое ржание половины номера. Зажегся свет, и народ под шутки и прибаутки снова потянулся к столу с намерением немедленно выпить. Героями эпизода были вчерашний курчавый и его партнер по кровати. Они во сне столкнулись могучими афедронами и, оттолкнувшись друг от друга, не просыпаясь, грохнулись на пол. Я понял, что уже не засну, встал и начал одеваться. Меня тут же позвали к столу, расспросили, откуда я, чем занимаюсь, подивились, что кому-то понадобилось изучать язык аллюторов, а потом курчавый вдруг спросил:

- Слушай, я вот ни у кого узнать не могу, а что за слово такое - Корф? Поселок Корф, залив Корфа. Тут вокруг названия по большей части коряжские: Тиличики, мыс Говена, Вывенка. Корф - тоже коряжское название?

Рассказал ему про барона Корфа.

- Вот, сучара! - отреагировал курчавый. - Баб сечь!

- Слушай, я вчера тут слушал, как ты баржу свою спасал. А потом ты сказал, что тракторист тот погиб, как это случилось?

- Не люблю я про это говорить, тяжело, ну, да ладно. Нравишься ты мне. Расскажу.

Зимой мы, шкипера, подрабатываем в геологических партиях. Ну и я завербовался, еще дальше на север меня унесло, и вот в одном поселке встречаю я под вечер после работы своего тракториста - Серегу! Обрадовались мы, взяли по литру водочки, пошли к нему в балок, сели, вспомнили все до мелочи, как я от баржи к берегу и от берега к барже метался. Потом порасспрашивали друг друга про родственников. Оказалось, он из Калязина, ну, знаешь, там колокольня затопленная. На заработки сюда приехал. Жена его на Волге ждет с двумя пацанятами. Он ей почти всю зарплату посылал. Копили они на домик.

Ну, в общем, пили мы, пили, смотрим - бутылочки пустые, а нутро еще требует. Сунулись в магазин - ни водки, ни спирту, ничего. Он мне тогда и говорит:

- Слушай, я же здесь на вездеходе работаю, давай слетаем в другой поселок. Пятьдесят километров всего, полтора часа туда, полтора обратно! В дороге еще поговорим...

- Давай! Я как раз смену отработал, теперь сутки отдыхаю. В крайнем случае, там заночуем, у меня там знакомая есть.

Сели мы в вездеход. Серега лихой был водитель. Вездеход ревет, мы анекдоты рассказываем, ржем во всю глотку. Вдруг где-то на полдороги встал он. Посмотрел Серега на приборы: ёшь твою двадцать, горючее кончилось! А что вездеход без горючего? Через полчаса остынет, и в кабине минус тридцать пять, как за бортом. Серега говорит:

- Да, по километражу мы ровно на полпути. Пошли обратно. Мне завтра начальство везти.

А мне что-то так выпить еще хотелось, баба у меня опять же в том поселке была, я ему говорю:

- Пойдем лучше вперед, доберем, а там ребят попросим обратно нас довезти, заодно и горючего прихватим, твой вездюк заведем.

Уперся Серега рогом, что-то там держало его в нашем поселке. Я тоже на своем стоял. Не договорились мы по пьяни. Даже как-то повздорили. Он говорит:

- Ладно, чё я тя тут уговариваю. Иди к своей бабе, мне обратно надо. - Сказал, как отрезал. Я тоже насупился. Ну и поперлись в разные стороны. Я к водке и бабе, а он - за приятелем-трактористом, вездюк вытаскивать. Я почему-то думал, что я быстрее дойду, попрошу ребят на вездеходах догнать его.

Ушел он. Я тоже вперед пошел. Ночь кругом полярная. Ни зги. Я знал, что в поселок, в который я шел, строго на север надо идти. Компас всегда при мне был: друг в тюрьме меня научил, какие вещи на Камчатке всегда с собой должны быть. Шел я по насту быстро. По пути еще на кедрач набрел, костер развел, погрелся, в кружке, которую я из вездехода у друга взял, кипяточку согрел, внутрь принял. В общем, часов через пять дошел до поселка. Сразу вездеход нашел. Заправились со знакомым одним горючим, литр для Сереги взяли и поехали его догонять. Все обрыскали, так и не нашли. Весной он только из-под снега вышел, как живой. До поселка километров пять не дошел: видно, с пути сбился.

Тебе только скажу, хороший ты мужик, я Серегин адрес нашел. Ползарплаты его жене отправляю. Он мне ее фотографию показывал, красивая баба. Жениться я на ней хочу и Серегиных детей на ноги поднять. Как думаешь, пойдет она за меня?

- А тебя как зовут-то?

- Петром.

- Ну, Петр по-гречески камень. Твердый значит. Пить бросишь, перед тобой никто не устоит.

- Спасибо тебе. Ты прав. Я мужик железный. С завтрашнего дня в завязке.

- Давай, удачи тебе! Змей-то в Калязине не испугаешься?

- Я теперь смерти не боюсь. Укусит, туда и дорога!

"Господи! За что теперь народ погибает! И какой народ!"

Я вышел из гостиницы и пошел на аэродром. По пути встретил летчика с опухшим, красным лицом. Судя по всему, его мучил сушняк. Только шел он, хоть и с отвращением, но твердо. Перевалы, кажется, начали открываться. Только бы перелететь! Отпусти, Хутх! Не могу больше!

Алюторские похороны

Мы сидим у костра с алютором Колей Авлю. Он пастух, и мы идем догонять Колин табун. В табуне у алюторцев я надеюсь записать пару сотен оленеводческих терминов и названия деталей переносной алюторской яранги. Вокруг нас темно-зеленая холмистая тундра. Слева грохочет Тихий океан. Вечер. Уже темно. Небо укрыто черными облаками. Я перевожу взгляд с восхода на закат и застываю. Между тяжелым прессом облаков и резко вычерченным земным горизонтом зажата огромная полоса как будто раскаленного до свечения металла. Всего два цвета на этом шедевре: черный и ярко-оранжевый.

- Что, ёкана, красиввый закатт?

- Да, Коля, в Москве таких не увидишь. Как будто кует там кто-то в огромной кузнице раскаленную полосу железа, какой-то могучий бог.

- Это ваш бог, ёкана, наш Хуткиннюку железа не знал. Бабка моя рассказывала,

что Хутх, ёкана, сидит на небе и играет с нашим корякским чертом, нынгвиттом в кости. Когда проигрывает, однако, нам, коряккам, плохо становится. Много народу умирает.

- А как у вас хоронят, Коля?

- А у нас не хоронят, по обычаю сжигают у нас, ёкана. Хоронить тут трудно, вечная мерзлота. Русские только иногда могилу в земле выдалбливают. - Коля оживляется и начинает один из своих рассказов.

- А вот, ёкана, у нас тут случай был. Умер один русский. Плохой был человек. Пьянствовал очень, однако, жену и детей бил, алыторцев обижал. А жена его, ёкана, очень с местными дружна была, и, когда он умер, сказала: "Он, однако, среди алыторов жил, и, ёкана, в их земле умер, поэтому мы должны похоронить его по их обычаю: сжечь на костре".

У нас были верующие русские люди, стали с ней спорить, но она и слушать ничего не хотела. "Он ведь, - говорит, - ни во что не верил. Водки только напьется, ёкана, и пошел колобродить. К бабам пристаёт, голым по улице бегаёт, один раз в море буксир угнал, едва догнали. Это, правда, в другом месте было".

Ну, делать нечего, упрямая баба - туши свет. И вот, пошла она к его собутыльникам, два у него, ёкана, дружка было, и попросила их помочь его сжечь. Они тоже с ней поспорили, но она, ёкана, на своем стоит и - ни с места. Ну вот, слышь, пошли они в тундру, ёкана, место выбрали, кедрача собрали много, досок туда натаскали и даже на вездеходе пару столбов привезли. А до этого они, ёкана, и не видели, как мертвецов сжигают. Сложили, однако, большой-большой костер, сверху покойника положили.

А на сожжение никто из поселка не пошел. Русские - потому что, ёкана, считали, что это не по обычаю, а алыторцы, однако, - потому что покойника не любили. Только я пошел: мы иногда с ним, ёкана, вместе выпивали, и он меня никогда не обижал. Но я пришел, когда они его уже на костер положили и подожгли. Ну, конечно, ёкана, поддали для храбрости. И вот, кедрач загорелся, ёкана, высоко пламя поднялось и весь костер закрыло. Жена его от костра подальше отошла. Глаза, ёкана, платочком трет, а слез нет.

А эти два дружка, Толя да Коля, опять тут, ёкана, на травке примостились, стаканчики из-за пазухи достали, плачут по пьяному. Разлили на три стакана: два себе и один покойнику. "Давай, - говорят, - ёкана, в последний раз с тобой выпьем, скоро и нам за тобой вслед".

А костер, ёкана, все ярче разгорается. От сырых дров дым пошел. Все заволкло, ёкана. И вдруг что-то там лопнуло, хлопнуло, и из костра, из черного дыма покойник выпрыгнул и прямо возле дружков хлопнулся. Лицо у него страшное, судорогой будто свело, рот в каком-то оскале, зубы наружу, глаза выпучены, одежда на нем вся горит, руки обуглились и синим полыхают. Что тут было, ё-о-о-ка-на-а-а! Туши свет! Баба его как заорет и в тундру так сиганула, что я едва увидеть успел, в какую сторону. Один его дружок, Толя, тут же, ёкана, от разрыва сердца умер. Прямо со стаканом в руке. Так его зажал, что никакими силами потом вытащить нельзя было. Так со стаканом и похоронили его.

А другого, ёкана, сначала будто столбняк хватил. Он как сидел, так под себя и наложил. Зубами стучит, ёкана, и слова вымолвить не может. Но жив, однако, остался, вуттэкалак.

Я тоже от него отскочил как ошпаренный. Конечно, ёкана, перепугался - туши свет! Страшный он был очень, однако! Хлопнулся рядом, напряжился весь и корежится. У нас на сожжениях такого никогда не было. Ну, я, ёкана, потом догадался, почему. Они ему сухожилия не перерезали. Те от огня высохли, натянулись, вот он из костра-то и выпрыгнул. Ох, ёкана, страху было - туши свет!

Коля этот потом мне говорил, что покойник на них рассердился, что они его

сжечь решили. Он теперь на водку смотреть не может и в Бога стал верить. "Я, - говорит, - захочу вот, ёкана, выпить, возьму стакан и сразу покойного Ваську вспоминаю. Лицо у меня его перед глазами стоит. Аж закричу иногда и к людям скорее". А баба Васькина, ёкана, поседела вся. Один я ничего. Как догадался, почему он из костра выпрыгнул, даже смешно стало.

- Ну, что, костер, проголодался уже? Сейчас покормим.

Коля вынимает из рюкзака огромный мачете и идет подрубить немного кедрача. Под треск пахучих хвойных веток я укладываюсь в спальник, но долго не могу заснуть. Перед глазами то и дело возникают страшное оскаленное лицо покойника, Толя с навсегда выпученными от ужаса глазами и зажатым в руке стаканом, а Коля уже похрапывает там на своем зеленом плаще.

Русские глазами корейнки

*Узнала лишь вчера от тети Сони я
Что родина Мимозочки - Япония.
Ах, Бедная! Ты далеко от родины,
И, верно для тебя мы все уродины:
Здесь девочки совсем с другими лицами,
И ходят не в прическах, а с косицами.
Глаза у нас большие, а не щелочки...
Поликсена Соловьева (Allegro)*

Как-то в экспедиции на Сахалин я разговорился с пожилой корейкой, еще помнившей приход русских войск в Карафуту (так японцы называли южную часть Сахалина). Ей тогда было лет десять. Все были страшно напуганы японской пропагандой, рисовавшей русских совершенными изуверами, подробно описывавшей их "зверства" в отношении завоеванного населения. Когда, наконец, стало известно, что в Южно-Сахалинск вошли передовые части наших войск, все попрятались по своим углам, а девочкам не разрешали даже носа показывать из дома. Японцы уверяли, что русские начнут свое заселение острова с массовых изнасилований и мародерства.

Страх притягивает. Маленькая Сун до этого никогда не видела европейцев, и ей было и страшно, и любопытно хоть одним глазком взглянуть на русское чудовище. Она расспрашивала старшего брата, который, проявив недюжинную смелость, пробрался на площадь, где разместились русские, посмотрел на них издали и тут же пустился наутек, опасаясь, что его обнаружат. Но из его рассказов что-нибудь конкретное выудить было трудно. Единственная полезная информация, которую он принес, состояла в том, что на площади стоит огромный котел с едой и солдаты раздают ее местному населению. Со зверствами это не очень вязалось, но родители считали, что русские таким образом выманивают народ из жилищ, а как только выйдут к ним все, так и набросятся на вещи, на девушек, да и старушек не пощадят.

Через два дня стало уже очень голодно. Русские, по слухам, ни к мародерству, ни к изнасилованиям пока не приступали. Все было тихо. В одном из больших домов, где раньше размещалась японская администрация, началась регистрация населения. Процедура эта для взрослых была обязательна, поэтому родители решились все же войти в контакт с победителями.

Когда все ушли, Сун потихоньку вышла из своего укрытия и через щелочку в заборе наблюдала за тем, что происходит в большом мире. И вот страшная мечта ее сбылась. Чудовище появилось! Это был человек огромного роста. Альбинос! (Никогда еще в своей жизни она не видела блондинов). На плечах его развевался

болотного цвета плащ, на голове - странного вида тряпочный пирожок (пилотка), на ногах высокие черные боты. Но больше всего ее поразили глаза страшилища. Они вращались как будто в двух глубоких пещерах, дальний свод которых был где-то у затылка. А вместо обычных темно-коричневых радужных оболочек были... БЕЛЬМА (никогда еще Сун не видела голубоглазых людей)!!! "Они все слепые!!!" - подумала Сун. Но человек шел уверенно, как будто видел все то же, что и она. "Может - он не глазами видит? - с ужасом подумала девочка. - Но зачем же тогда он вращает глазами яблоками? У слепых глаза неподвижные, закатанные вверх". Поразил ее и нос прищельца - огромный, длинный, как перевернутая байдара, выпирающий вовне. Ноздри у него были не круглые, как у людей, а как широкие щели в полу, которые прогрызли мыши. И из каждой ноздри торчал какой-то просто венчик коротких волос. Лицо было узким, как будто его долго держали с боков под прессом, худым, как будто его сто лет не кормили. По мере приближения чудовища ужас ее перед ним все рос и рос, пока ноги, наконец, двигаясь помимо воли, не унесли ее в дом, где она заголосила так, что чуть не снесла криком крышу. Брат быстро зажал ей рот и утащил в подвал.

Когда он вернулся обратно, увидел в комнате с автоматом наперевес русского солдата. Тот что-то стал говорить на своем отрывистом языке, но брат только развел руками. Солдат осмотрел комнаты и, ничего не взяв (!), молча ушел.

А Сун в эту ночь так и не смогла заснуть...

Сексуальный сюжет (Вьетнам, 1979)

Наиболее впечатляющую формулировку мысли о том, чему я и мои коллеги лингвисты столь фанатично отдаемся, мне довелось услышать в деревне Настасьино Зарайского района Московской губернии, куда нас регулярно возили для трудового воспитания наши большевистские гувернеры. Ковыряясь под мелким осенним дождичком в отвратительном месиве сгнившей картошки, мы услышали матерное приветствие, затем вопрос, каких еще выедков прислали ему из нашей гребаной столицы, а затем сентенцию, достойную известного философа и моралиста г. Дулитла, столь удачно описанного Бернардом Шоу: "Лингвисты, блин, што вы изучаете-то, язык? А чо его изучать? Он у всех красный. Жрете только хлеб государственный даром!". Фраза принадлежала бригадиру картофелеводческой бригады Шапкину, нашему тогдашнему непосредственному начальнику, и поэтому была выслушана с большим почтением, при этом демократичный коммунистический этикет позволил нам не вставать и не снимать шапки. Насчет красного языка Шапкин, конечно, не без остроумия, пошутил, он понимал, что дело обстоит еще хуже: мы изучаем язык без всякого цвета, запаха и вкуса, но вот насчет государственного хлеба это он сказал серьезно, имея при этом в виду, что толку от нас в хозяйстве никакого. А, да Бог с ним - с Шапкиным, есть темы и поинтереснее.

Я, лично, слушал захватывающий рассказ своей коллежанки Тани о Вьетнаме: она только что вернулись из экспедиции, где занималась описанием одного малоизученного австразиатского языка. Мы давно с ней дружили, очень доверяли друг другу, поэтому и рассказ был довольно личным - с такими подробностями, которые я вряд ли мог бы еще от кого-нибудь услышать.

- Нас было поровну: десять советских и десять вьетнамских лингвистов.

- А кто там был?

- А ты что, не помнишь?

- Да я как-то не следил за вашими приготовлениями.

- Ну, начальник был Лунин, наш замдиректора, жена его, Елена Селиверстова, серый кардинал, замначальника экспедиции был Хлам, Сашка Трофимов, спец по

языку лаха, Лешка Осинин, историк Юго-восточной Азии, спец по вьетнамскому языку, наш переводчик, Вася Сериков, Сашка Воронин, тоже спец по какому-то из австразиатских, ну, еще Каравелла наша, якобы спец по мяо-яо, маористка Наталья Петровна, и я, как вьетнамистка.

Долетели мы нормально, встретили нас замечательно, отвезли в лучший отель Ханоя. Я в таких отелях еще не останавливалась. Представляешь, он стоит на небольшом озерце, на сваях. Красота неопишуемая. Внизу там такая площадка с бассейном. Можно сесть, ноги в озеро свесить и смотреть, смотреть на воду.

- Небось, лягушки квакают...

- Да, как ты догадался? Только квакают они как-то очень смешно, триолями такими: ква-ква-ква. Первый и последний слоги безударные, а на среднем ударение.

- Смотри-ка, амфибрахийем!

- Ну, если в этом можно увидеть поэзию. Получается у них отвратительно. Знаешь, чем-то похоже на кусок фашистской темы в Ленинградской симфонии. Пам-пам ква-кв?-ква. Пам-пам ква-ква-ква. Пам-пам-пам пам-пам ква-кв?-ква... Ну, слушай дальше. Как только мы разместились, нас повели вниз в ресторан, где мы могли есть сколько захотим, у нас там был открытый счет. Можно было выбрать вьетнамскую или европейскую кухню. К вьетнамской подавали палочки, к европейской - европейские приборы. Я, естественно, заказала себе вьетнамскую еду, чтобы через нее лучше вьетнамский язык в меня входил. Мне подали лягушачьи лапки. Длинные такие, похожие на маленькие куриные. Это были древесные лягушки с какими-то невообразимыми, как у моделей, ногами. Нашим вино подали, а мне - рисовой водки. Хламу сказал, что пить надо обязательно, иначе быстро начнутся проблемы с желудком. Ну, я слегка нахлесталась, как, в общем, и остальные ребята. Так что Хламу пришлось даже как-то нас ограничивать. Прихожу я снова в номер, смотрю: вещи мои перерыты. Я бросилась все пересматривать, пошла жаловаться Хламу, на что он мне преспокойно объяснил, что в вещах рылись вьетнамские кагэбэшники, а завтра они за нами еще и следить будут. Передать тебе не могу, как это было противно. Пошла жаловаться Лешке Осинину, он тоже меня не понял, сказал, что относится к этому, как к наличию тараканов в доме.

Да, кстати, о тараканах. Стала я заталкивать обратно в полиэтиленовый мешочек, пардон, обלאпанное кагэбэшниками белье, из него вдруг выскочил черный, как жук, огромный таракан. Не иначе они мне его туда для смеха затолкали.

- Поубывав бы гадив, - процитировал я известный анекдот.

- Отак и я же ж, - в тон мне гадливой украинской скороговоркой ответила Таня. - Ну, вот. Пошли мы с мальчишками, еще посидели на бетонной площадке с бассейном, полюбовались озером, послушали квакание лягушек. Потом стемнело, и мы пошли спать.

Постель там тоже особая, со специальным пологом от комаров. Разворачиваешь такие длинные планки, оттуда спадает марля, залезаешь в нее и как в марлевом гробике оказываешься.

- Что у тебя за мрачные сравнения, Тань?

- Ну, так уж сравнилось, что мне теперь - пересравнивать?

Утром я проснулась часов в семь, в окно солнышко раннее светит, пронизало лучами мой хрустальный гробик, он весь засветился. Быстро собралась, взяла полотенце, разбудила мальчишек и побежала в бассейн. Какое было прекрасное утро! Я поплавала, посидела на площадке. Хотела уже уходить, как вдруг из-под этой площадки выплывает лодочка, а в ней - солдат с автоматом. Я застыла, он посмотрел на меня и тоже застыл, видимо, никогда не видел рыжих девушек. Вдруг откуда-то сверху раздается приглушенный женский голос:

- Бодой! Бодой!

Я посмотрела вверх... Господи, помилуй! С балкона третьего этажа свесились чьи-то большие сиськи в атласном розовом бюстгалтере, и белая русская женщина в облике пятидесятипятилетней Натальи Петровны призывно замахала руками маленькому вьетнамскому солдатику. Я глазам своим не поверила. А она машет белыми своими лебедиными ручками и зовет его, зовет, да так жалостно:

- Бодой! Бодой!

Я бросила быстрый взгляд на солдата и увидела, что в глазах его стоит неподдельный даже не страх, а ужас. Ведь контакт с иностранкой грозил ему лагерем, страшнее нашей Колымы.

- А откуда там солдатик-то?

- Как мне объяснил Сашка Трофимов, который уже не первый раз во Вьетнаме, солдатики там незаметно охраняют иностранцев, живущих в гостинице, от своих же собратьев, чтобы не попрошайничали и не грабили.

Так вот, солдатик тут же от страха под площадку заполз, а я потом с опаской посмотрела опять на третий этаж, - там все стоит наша Ярославна и зовет, зовет солдата. Фигасе, думаю, она ж мне вчера еще только рассказывала, какой у нее муж замечательный, красавец, доктор наук! А если бы на моем месте Хлам оказался да увидел бы ее в neglige за таким занятием? Завтра же в Москву с оргвыводами отправил бы. Неужели так сильна похоть, что страх отбивает?! Встала я тихонько, чтобы леди меня не заметила, и побежала в номер переодеться, поскольку наступало уже время завтрака. Приходим мы все в ресторан, а Натальи Петровны нет. Хлам всех женщин опросил, не видел ли кто. Я, как все, сказала, что ничего не видела и ничего не знаю. Начальство обеспокоилось и быстрым шагом двинулось в номера: выяснять, в чем дело. Я побежала за ним, чтобы как-то помешать плохим событиям, но не успела. Хлам постучался в дверь. Там тишина, потом в ответ какой-то приглушенный удаленный стук, как будто в стекло. Дверь, к счастью, оказалась открытой, начальник наш робко выдвинулся в номер и обер. На балконе в розовых панталонах и таком же бюстгалтере, как раненая розовая пантера, металась Наталья Петровна. Увидев Вальдемара Яковлевича, она громко забарабанила по стеклу кулачками и протянула к нему свои лебединые ручки. У меня, дуры, в голове все сексуальный сюжет вертится. Думаю, может, я здесь и не вполне скромно присутствую, надо как-то ретироваться. А Вальдемар Яковлевич деликатно так к балкону встал задом, руку за спину завел, открыл балконную дверь и быстрым шагом, так, Хлам, Хлам, Хлам... вышел из номера. Наталья Петровна шмыгнула в комнату, накинула на себя розовый пеньюарчик и скрылась в ванной.

За завтраком все разъяснилось. Оказывается, по утрам Наталья Петровна делает зарядку, как правило, в neglige. Встав в это прекрасное утро так же рано, как и я, она вышла на балкон, посмотрела направо, налево, полюбовалась озером, увидела, что нигде еще не было ни души, и решила быстро сделать зарядку в таком виде прямо на балконе. Помахала ручками, ножками, повертела головой, подставила лицо для поцелуя восходящему солнцу и дернула балконную дверь, чтобы войти обратно в номер, принять душ и идти на завтрак. Дверь не поддавалась. Тут только она поняла свою оплошность. Дверь защелкивалась и снаружи не открывалась. Еще не вполне веря, что попала в западню, бедная женщина еще несколько раз дернула ручку - увы... Ее охватила сначала легкая, потом уже тяжелая паника, она заметалась по балкону в поисках какой-нибудь помощи. Никого не было. Выглянула наружу. Прыгать было высоковато, даже в воду. Тут-то и выплыл из-под площадки маленький вьетнамский солдатик. Еще не зная, как он может ей помочь, Наталья Петровна стала его звать, но тот быстро скрылся опять под площадкой. Положение было ужасное! Известный советский ученый, автор трех мо-

нографий, старший научный сотрудник, старший брат, вернее, сестра по соцлагерю для вьетнамцев, в неглиже мечется по балкону, позоря свою страну и передовой советский строй. Позор! От одной этой мысли можно было сойти с ума. Не то, чтобы Наталья Петровна так действительно думала, она была умной женщиной. Просто так было положено думать советскому человеку за границей. Она впитала это со всем советским образом жизни, а другого не знала. Так обязаны были думать и начальник, и замначальника экспедиции, хотя, конечно же, эти старые циники, на самом деле, так не думали. Таковы были правила жизни. Может быть, перелезть через перегородку в соседний номер? Наталья Петровна представила себе вид снизу, с площадки, на которой стали уже появляться люди, и сразу отринула эту мысль. Боже мой, что же теперь будет? Скоро уже придет в номер убираться прислуга, а ей даже прикрыться нечем! И она в еще большей панике забежала по балкону, чтобы как-то заглушить в себе эти страшные мысли. Прошли кошмарные двадцать минут полной безвестности. Наталья Петровна забилась в угол балкона и дрожала уже всем телом, несмотря на жаркое вьетнамское утро. В этот момент раздался еле слышный стук в дверь. Наталья Петровна выглянула осторожно в окно и, о счастье! Увидела в дверях не вьетнамскую горничную, а заместителя начальника экспедиции Вальдемара Хлама, с которым когда-то вместе училась. Забыв о своем "спортивном наряде", несчастная женщина ринулась к окну и забарабанила в него так, что оно чуть не разбилось. Дальше все было уже известно.

Мне было так стыдно за свои идиотские мысли о Н.П. Ведь я могла ей сразу помочь, если бы хоть немного поразмыслила. Я рассказала ей потом о своих дурацких домыслах и попросила прощения. Она хохотала как сумасшедшая.

- Танечка, милая, не терзайтесь. Это настолько смешно, что Вы подумали по своей молодости. Я в этом мире люблю только одного человека, своего мужа, мне такие греховные мысли даже в голову прийти не могли. Переспать с кем-то из похоти? Да я при одной мысли умираю от омерзения.

И она залилась звонким целомудренным хохотом.

Начальник наш, Хлам, заторопился заняться делом и, не взирая на усталость после долгого перелета из Москвы в Ханой, настоял, чтобы мы в тот же день вылетели на место работы в императорский город Хуэ.

Пининэнг, или Сто минут из жизни одного алюторского мальчугана

На краю земли, в далекой Камчатке, в небольшом якутском поселке Вывенка, на крыльце своего маленького обитого черным толем дома, сидел мальчишка, которого по-якутски звали Пининэнг, что означает "горящая лучина", а по-русски - Андрюшка, что, в общем-то, ничего не означает, кроме того, что это имя. Так вот, сидел этот мальчишка и думал о том, что он - якут. Сопливый подлиза Витька Обух обозвал его сегодня дураком, потом на букву "г", а потом еще националом и косоглазым якутом. Андрюшка в долгу не остался: поставил ему фонарь под глазом, повалил на землю, и когда враг сказал, что сдается, пошел к маме. Он потянул ее за рукав и спросил:

- Мам, а это плохо, что я якут?

Мама вытерла ему слезы и легонько шлепнула по затылку. Это означало у нее, что она чем-то смущена и что он опять что-то не так сделал. Андрюшка обдумал этот ответ и вывел, что то, что он якут, видимо, не плохо, но, на всякий случай, решил во всем разобраться.

Теперь он сидел и рассеянно сравнивал русских и якутов: "У нас лицо широкое, а глаза узкие, и волосы черные, и глаза, а все равно и у нас, и у них тетеньки красивые есть. Про Марину вон все русские говорят, что она красивая, и мама....

...А у бабушки Иппэнг волосы не черные, а желтые, и мне мама говорила, что она очень красивая была.

...У нас женщины многие курят и у них, правда, не многие, а бабушка Кивлингаут табак жуёт, а у них не жуёт. Дядя Егор только его все в нос втягивает. Возьмет щепотку, поднесет к ноздре, потом глаза зажмурит, потянет и ка-ак: "Ач-х-х-х! Слава те Господи!" - говорит".

Андрюшка улыбнулся. В перерыве между мыслями он брал камешек и бросал его в столб, тренируя меткость.

"...Олени, наверное, тоже аляторцы. А лошади - русские. Русские в табун не ходят, только рыбу ловят. Это, наверное, потому, что с оленями разговаривать надо, а с рыбой - нет. А олени только аляторский понимают. А с коровами и лошадьми только русские могут сладить. Наши пробовали, и у них ничего не получается. Они, наверное, по-русски говорят: "Му-у". В русском есть такое слово, а в аляторском - нет.

...А еще аляторцы по-аляторски говорят, но тоже не все, а русские по-аляторски никто не умеет, а у аляторцев только старики по-русски не говорят.

... Дурак Витька, аляторцы хорошие, и русские многие говорят..."

- Андрюшка, эй ты, Мулитка, там какие-то из Москвы приехали, пошли, посмотрим!

- Око-ко! - издал Андрюшка согласный клич и побежал за Генкой, своим закадычным другом. "Еще русские москвичи бывают, а аляторцы не бывают", - додумывал он на ходу.

Генка большой выдумщик. Вчера он придумал какое-то странное, но очень ловкое слово: холдодо. Когда Андрюшка спросил, что это значит, Генка, не задумываясь, ответил: "Холдодо это значит ококо", - и Андрюшка понял, что "холдодо" значит все, к чему оно подходит. Вот, например, холдодо подходит к ококо, значит, оно и его тоже обозначает.

- А ококо значит холдодо? - спросил он у Генки.

- Ага, - важно ответил тот.

Сегодня уже два дня, как мальчишки были больны этими словами.

- Холдодо? - спрашивал Андрюшка, показывая на телеграфный столб.

- Холдодо! - весело орал Генка и атаковал его палкой.

- Ококо, - показывал Генка на толстую тетку из геологической партии, передразнивая ее утиную походку, и приятели заливались хохотом, до того она была похожа на ококо.

"...А еще, - на бегу продолжал думать Андрюшка, - у аляторцев два имени. Вот меня бабушка всегда Пининэнг звала, а мама только когда плачет или жалеет, а то всегда - Андрюшка, а ребята всегда Андрюшкой зовут. Витька даже не знает, что у меня второе имя есть. Бабушка говорит, что так ее отца звали - Пининэнг.

Тут они прибежали к школе, где, по слухам, остановились москвичи, и Андрюшка сразу забыл обо всем, что думал. Перед входом в спальни интерната стояла огромного роста женщина и рубила топором большую кету. Возле нее суетливо прохаживался смешной толстый дядька. Он был в желтой матерчатой куртке. На бедре у него болталась коричневая кожаная планшетка, которую он все время поправлял, занимая этим праздные белые руки. А на голове у дядьки была какая-то плоская, кругленькая, как он сам, желтая шапочка. То и дело к нему подходили другие москвичи, о чем-то спрашивали, и он все им объяснял или чесал в затылке. Таскали рюкзаки, какие-то ящики. Вид у всех был помятый. "Наверное, под волну попали, - подумал Андрюшка, - устье-то замыло".

- А этот, смотри, какой черный, бородатый, у нас таких не бывает, - зашептал он на ухо Генке.

- А этот, смотри, какой длинный, - откликнулся Генка, - на тебя смотрит.

Андрюшка смутился и спрятался за Генкину спину.

- Ребята, - неожиданно обратился к ним толстый, - знаете Татьяну Николаевну Косову?

Генка с Андрюшкой, ожидавшие, что их скорее прогонят, чем будут терпеть их любопытное присутствие, растерянно молчали, явно не подготовленные к контакту еще-не-известно-с-кем. Они вперились глазами оба в один и тот же камешек на земле, будто забыли его здесь, и, потянувшись за ним руками, звонко стукнулись лбами.

- Ну что, никто не знает, где она живет? - спросил снова толстый. Андрюшке вдруг стало почему-то стыдно перед тем длинным, который его рассматривал, и он, глянув в его сторону, неожиданно для себя сказал:

- Я знаю!

И прежде, чем его об этом попросил толстый, побежал за учительницей. На бегу Андрюшка почти не смотрел под ноги. Его босые ступни, казалось, сами выбирали себе дорогу, часто шлепали по сухой глине единственной в Вывенке улицы. Они ловко обогнули лужицу битого стекла, жестяную полосу с гвоздями напротив магазина, ржавый пожарный багор возле клуба. Все эти опасные для босых ног предметы валялись на дороге с тех пор, как Андрюшка себя помнил, и ноги его знали их так же хорошо, как знали руки крючок от входной двери домика, в котором он жил. Тем временем глаза его высматривали по сторонам учительницу, - Татьяну Николаевну Косову, а голова была занята третьим делом. Мальчишке очень понравился длинный. Он был такой веселый, сильный и губастый. А губастые все добрые. То, что он смотрел на него, а не на Генку, польстило Андрюшке. Он мог надеяться, что тоже понравился длинному, можно будет с ним познакомиться. Сейчас он сбегает за Татьяной Николаевной, приведет ее к школе и обязательно заговорит с длинным. Его мучило столько вопросов! И зачем москвичи сюда приехали, и что это за круглая шапочка на толстом, и какой национальности этот черный-бородатый, и что в ящиках, и еще сотни полторы всяких "почему", которые влезли к нему в голову у школы и которые привезли с собой для него эти новые люди и ответы на которые знает длинный, а не знает, кроме Андрюшки, весь поселок.

Все бы, наверное, так и было, как того хотелось Андрюшке, но тут он вдруг увидел, что от сельсовета бегут люди с баграми в сторону дома Татьяны Николаевны, и тут же забыл, зачем бежит к нему он. Андрюшка быстро догнал Витьку Обуха, который бежал в хвосте этой кавалькады и узнал от него, что бегут вытаскивать из колодца поселковую пьяницу тетю Маньку. Она еще с тремя подвыпившими по случаю полочки бабами с рыбозавода сидела на краю колодца и, раскачиваясь всем корпусом, хохотала над каким-то анекдотом. Слишком сильно отклонилась назад, потеряла равновесие и полетела в колодец. Колодец был за домом Татьяны Николаевны. Андрюшка, не задумываясь, пролетел мимо Витьки и занял позицию возле колодца. Так как зевак было много, пришлось залезть на крышу соседнего дома.

Тетя Манька беспомощно торчала из глубины колодца ногами вверх. Ее спасла вечная мерзлота: перед самой водой в колодце была большая наледь, в которую свободно проходило ведро, прошли тети Манькины плечи и не прошел ее толстый зад. Так она и повисла там по уши в воде, но с обратной стороны. От страха у нее, видно, присох к небу язык, а может быть, просто звуки из колодца не могли выйти. Так как ноги ее, застывшие в какой-то некрасивой раскоряке, тоже не двигались, все решили, что она либо мертвая, либо без сознания. Вытаскивал тетю Маньку пожарный дядя Костя, которому помогали еще трое сильных молодых ребят. Оказалось, что дело это нелегкое. Багру было не за что уцепиться: юбка тети Маньки не выдержала и порвалась. Пришлось спуститься в колодец и привязать веревку к ее ногам. Парень, который спустился это сделать, тут же обнаружил, что она живая: как только он стал привязывать веревку, нога дернулась и попала ему в челюсть. А как только тетю Маньку приподняли, ее одушевленность стала очевидна

всем: она орала благим матом в прямом смысле слова.

Народ облегченно вздохнул и даже развеселился.

- Ну, если Манька матом кроет, значит, все нормально.

Когда же из колодца появилась голая ее задница, все схватились за животы. Но вот появилась она вся и стало опять тихо. Зрелище было не из приятных. Лицо тети Маньки было багрово-синим. Из носа и ушей текла кровь, волосы, брови были мокрыми, а глаза - кроваво-красными. Вся она была какая-то растерзанная и очень жалкая. Зубы ее стучали, выпуская прерывающиеся ругательства и проклятья. Прибежала с одеялом сердобольная Андрюшкина мама, что-то бормоча, растерла соседку и прикрыла срамные ее части. И тетя Маня трезво заревела.

Андрюшка тихо слез со своего наблюдательного пункта, и, хлюпая носом, задумчиво побрел домой. Ему было жалко эту несчастную ужасную женщину. Про поручение он так и не вспомнил...

Когда ему надо было что-то обдумать или забыть, он всегда шел на речку Вывенку. Это был как раз тот случай, поэтому через некоторое время Андрюшка сидел уже на корме лодки Навылгыргына и смотрел на воду.

День был тихий, река была гладкой-гладкой, и в воде отражалось небо, ступни босых Андрюшкиных ног, облака, Китовая сопка. Он обнял указательный палец большим. Получилась улитка с маленькой дырочкой посередине. Андрюшка приставил улитку к глазу и посмотрел на ногу. Нога уместилась в дырочке, посмотрел на сопку - в дырочке уместилось полсопки. Он с удивлением отнял улитку от глаза и посмотрел на дырочку. Она была маленькой-маленькой, а туда влезало полсопки, ступня и целое облако, которое сейчас загоразживало солнце. Рядом с лодкой стояла дедушкина сеть. Андрюшка направил улитку на поплавок и туда влезло три. Они плавно покачивались в дырочке, и третий поплавок то влезал, то не влезал в нее.

Вдруг раздался сильный всплеск и все три белых цилиндрика выскочили из дырочки. В сеть попалась горбуша. Возмутив гладкую поверхность, рыба билась, извивалась, старалась вырваться из прочных шелковых ниток и еще больше запутывалась в них. Андрюшка видел ее обезумевшие, ничего не понимающие глаза, страшное напряжение бьющегося рыбьего тела и жалел ее. Через некоторое время горбуша затихла и, еще такая годная к жизни, но смертельно уставшая от страха и отчаяния, как дохлая, повисла на белых шелковых нитках. Вода снова стала гладкой, и на месте, где только что билась рыба, немного померцав расходящимися кругами, спокойно распласталось на склоне синей ямы неба огромное облако.

Андрюшка воровато оглянулся по сторонам, взял в лодке деревянный багор, подтянул сеть и стал выпутывать из нее горбушу, приговаривая тихо: "Ну что, запуталась? Сейчас я тебя спасу. Эх ты, смотреть же надо, куда плывешь. Ты кто, мальчик или девочка?" - он сложил рыби челюсти. Нижняя выступала. - Девочка. Тебе еще нереститься надо. У тебя детки будут".

Он осторожно освободил рыбу из шелковых ниток белой сетки, и она тут же вырвалась из его рук и плюхнулась в воду. "Плыви! А завтра снова сюда приплывай. Я тебе говорить научу. Хвостом". Андрюшка помахал рыбе рукой. Сел опять на лодку и опять надолго задумался. В этот раз о рыбах и о своей затее научить рыбу говорить хвостом.

Храм твоих следов

*Целую тихо камни, по которым
Ступала ты...
Атааллах Арани*

Влажный темный песок океанского берега, вылизанный и утрамбованный раз-

нокалиберными валами соленой, дышащей избытком себя массы, тверд, как хорошая дорога. Волны, словно гонцы, несущие важные известия, торопясь, наскакивая друг на друга, перед самым берегом сворачиваются в прозрачный пенистый свиток, тут же рассыпаются шипящей белой пеной, и, едва дав прочесть, что в них написано, в поклоне спешно убегают назад, выстилаясь темной, упругой гладью под следующую волну, уже вкатывающуюся на прием к Ее Величеству Земле.

Океан ушел в себя. Его могучая спина, сверкающая алмазными блестками солнечных зайчиков, сосредоточенно застыла, распластавшись огромным мармеладным плато.

Сквозь голубую вуаль расстояния угадываются яркие контрасты растянутых на склонах сопки белых шкур снега и темного цвета скал далекого мыса Говена.

Голова, приспособившись к природе, настраивается на приятную ясность. Недавно поднявшееся солнце, еще не вошедшее в раж навязчивой благотворительности, пронизывает тело приятным теплом. Мышцы наливаются энергией, ноги начинают нетерпеливо гудеть и вот уже айтматовским Гюльсары я бегу по упругому песку. Бегу к нашему с тобой заветному месту около заброшенных цехов маленького рыбзавода.

Слева, как декорации, плавно проплывают вытащенные на берег прорези, разостланные для просушки сети, зеленая холка травы, черная, обитая толем будка и этот наш полуразобраный дощатый помост с торчащими в бревнах его скелета ржавыми гвоздями.

Здесь редко кто бывает. А утром - только я.

Вот уже полмесяца, как ты уехала. Но каждое утро я могу смотреть на маленькие песчаные воронки, когда-то ставшие на несколько минут твоими башмачками, и заряжаться энергией, переполнявшей меня всякий раз, когда я смотрел на тебя. И небо, способное здесь поливать землю месяцами, милостиво попустительствовало моей прихоти, распыляя дождь в туман, не вредящий хрупким песчаным формам. Предчувствую, что завтра плотина его благоволения будет прорвана. Что-то неуловимое в воздухе говорит мне: завтра - шторм. Я вооружаюсь подручным непромокаемым материалом и строю над твоими следами прочный деревянный храм. Храм Твоих Следов. До завтра, моя девочка. Завтра я украшу твой храм пестрыми лентами, которые ты так любила собирать на берегу Великого океана, и стеклянными поплавками от сетей, которые, как сувениры рыбацких сейнеров, собирал для тебя.

Примечание. Мыс Говена - северная оконечность залива Корфа на севере Камчатки. Великий океан - второе название Тихого океана. Прорези - при- тапливаемые на время транспортировки живой рыбы лодки.



Настя КРАСНИЦКАЯ

Зацепиться за жизнь

Повесть

Эта небольшая повесть возникла под впечатлением фильма "Сладкий ноябрь", в котором играют лучшие актеры Голливуда Киану Ривз и Шарлиз Тернер.

Изложу краткое содержание фильма для тех, кто его не видел.

Главные герои фильма - Нельсон (Киану Ривз) и Сара (Шарлиз Тернер). Они встречаются случайно в критический для каждого из них момент. Нельсон работает в рекламном бизнесе, добился успеха и признания в виде какой-то премии, но он чувствует, что это не его работа, нервничает, ссорится с важным клиентом и его увольняют. В этот момент он и встречается с Сарой, которая предлагает ему пожить у неё месяц ноябрь, обещая научить его жить по-другому. И Нельсон, хотя и не сразу, но соглашается.

Рядом с Сарой Нельсон сбросил с себя маску карьериста и стал тем, кем был на самом деле: мечтательным романтиком и настоящим мужчиной, который ничего не боится и готов взять на себя ответственность за любимую женщину.

Нельсон и Сара - это родственные души, оказавшиеся в сходной ситуации ожидания катастрофы. Они оба не живут, а играют с жизнью. Родственность их душ в том, что, оказавшись в трудной ситуации, они находят одинаковый способ её решения - начинают играть. Сара играет в спасительницу душ, Нельсон в крутого рекламщика. Разница только в том, что Сарой руководит страх смерти, а Нельсоном страх жизни.

Когда он узнает, что у Сары уже четвертая, безнадежная, степень рака, он предлагает ей помощь, но она отказывается и уезжает к родителям. Сцена их прощания на мосту сыграна Шарлиз Тернер потрясающе, лучше сыграть просто невозможно.

В фильме есть мальчик Абнер, живущий по соседству с Сарой, который растет без отца и привязывается к Нельсону, а также друзья Сары - Чарльз и Чейз. Но, возможно, у них в фильме другие имена, не могу вспомнить точно.

У этого фильма открытый финал: Сара уезжает к родителям, запрещая Нельсону навещать её, потому что хочет, чтобы он запомнил её красивой и сильной. Нельсон остается один.

Смерть Сары оборвала последнюю ниточку, связывающую Нельсона с жизнью. Пока он знал, что она где-то, пусть не рядом, но где-то дышит, борется с болезнью и думает о нем... Он знал, что она думала о нем до последнего мгновения, значит, можно было надеяться на чудо и как-то жить.

Безжалостная смерть от рака поставила точку. Ждать больше стало нечего. У Нельсона было чувство, что он умер вместе с Сарой и не понимал, зачем ему вся эта суета с поисками работы, денег для оплаты многочисленных счетов и кредитов. Он был одинок - у него не было ни семьи, ни друзей. Ему казалось, что он выпал из течения жизни и существует сам по себе. Когда он шел по улице, то его

не отпускало четкое ощущение, что если он сейчас вдруг исчезнет, то никто этого даже не заметит. Он чувствовал себя бесплотным призраком, который бродит среди людей, его удивляло, что они изменяют направление своего движения, обходя его на улице. Ему казалось, что они могли бы запросто проходить сквозь него, как сквозь пустое место. Однажды к нему обратилась с вопросом какая-то женщина. И он был изумлен тем, что она не только видит его, но и разговаривает с ним и даже рассчитывает услышать от него какой-то ответ. Он молча посмотрел на неё и пошёл дальше. Оглянувшись через несколько шагов, он увидел, что она смотрит ему вслед в полном недоумении.

Этот случай стал последней каплей. Нельсон понял, что дошёл до критической точки и надо делать окончательный выбор.

Тогда он принял решение, которое казалось ему единственно верным: уйти вслед за Сарой.

В загробный мир он не верил, но смерть его не пугала, потому что здесь его ничего не держало. Не было ничего такого, чем он мог бы зацепиться за жизнь. Раньше, до появления Сары, он искренне считал, что целью его жизни является карьера, успех. Но она объяснила ему, что это не так, и он ей поверил.

Поверил потому, что Сара стала центром его жизни, её смыслом. И этого было достаточно, пока она была рядом.

Теперь, когда она ушла, у него не было сил начинать всё сначала...

Глава первая

Ошибкой Нельсона было то, что он просто поменял объект цели. Сначала это была карьера, потом - любовь.

Но делать смыслом своей жизни любовь так же опасно, как и карьере. Человек, которого ты любишь, может не ответить на твою любовь или уйти. И хорошо, если он или она уйдут к другому человеку, тогда смыслом жизни может стать ненависть или месть. Но если человек уйдет навсегда туда, откуда еще никто не вернулся, то вслед за ним уйдет и смысл твоей жизни. И что тогда делать? Искать новую любовь?

Но дело даже не в том, что любовь может не состояться или принести страдания.

Жизнь должна быть ценностью сама по себе, независимо от того, есть в ней смысл или нет. Именно это и хотела объяснить Нельсону Сара, но он, ослепленный и оглушенной любовью, её не понял, не услышал.

Нельсон привык всегда действовать по четкому плану, учитывая все мелочи. Готовясь к уходу вслед за Сарой, он тоже составил план действий и постарался всё предусмотреть.

Во-первых, решил, что сделает это на сороковой день после ухода Сары. Он слышал, что души умерших в течение сорока дней после смерти бродят по тем местам, где они жили, окончательно прощаясь с этим миром. Раньше он посмеивался, считая такие разговоры бреднями. Да и сейчас не особо в это верил.

Но надо же было ему зацепиться хоть за что-то, хотя бы на время. На эти сорок дней.

Определившись с днём ухода из жизни, он занялся практическими делами. Уговорил маму Абнера переехать в квартиру, которую они снимали с Сарой, и даже

оплатил её на несколько лет вперед. Потому что для неё даже эта убогая квартирка была не по карману. А ему не хотелось, чтобы там жили посторонние люди. Машину он брал в кредит, поэтому просто вернул её, объяснив, что потерял работу.

Потом он заплатил до нужного ему дня за свою квартиру, в которой жил до того, как познакомился с Сарой и куда вернулся после того, как она уехала к родителям, отказавшись от его помощи. Она решила остаться в его памяти красивой и молодой. Часть оставшихся денег Нельсон отнес в фирму, которая занималась доставкой продуктов на дом. Цены там были такие, что осталось совсем немного - на билет, чтобы доехать до кладбища, где похоронили Сару, и еще чуть-чуть. Прodeлав всё это, он счел подготовительную работу оконченной и засел в квартире за закрытыми шторами.

День его начинался с фотографии Сары. Он подходил к ней и говорил: "Привет", - и тут же по его щекам начинали катиться слезы. Плакать по утрам около её фотографии стало для него привычным ритуалом. Но это его не смущало, потому что его никто не видел. Да если бы кто и видел, для него не имело значение, кто и что мог бы подумать о нем и его слезах.

Затем он забирал из холодильника продукты и шел на кухню открывать бутылку виски. Он никогда не пил в комнате, где стояла её фотография, потому что Сара бы этого не одобрила. Пива еще можно было, но виски он пил только на кухне и там же курил около форточки. Сара и это не приветствовала бы, но выходить на лестничную площадку было выше его сил.

Сначала он, как и все порядочные люди, пил виски только вечером, но потом стал делать это по утрам. Ему очень хотелось увидеть Сару хотя бы во сне, но она ему не снилась. Поэтому он и стал пить по утрам, чтобы протрезветь к вечеру. И каждый вечер он подходил к её фотографии и просил: "Приснись мне, пожалуйста". Но она все равно не снилась. И это было для него тяжелее всего.

Так наступил сороковой день, который он себе назначил. Уходя, он оставил квартиру открытой, потому что не собирался возвращаться. Когда он вышел на улицу, солнечный свет ударил ему по глазам, и он зажмурился. Выглядел он ужасно, несмотря на то, что утром побрился. К тому же он забыл, что уже весна и вышел на улицу в пальто, в котором был на её похоронах, в конце марта. Люди оглядывались на него, но ему это было безразлично, потому что он не видел себя со стороны. Да если бы даже и увидел, то не очень-то бы и расстроился.

После долгого сидения в запертой комнате окружающий мир казался ему каким-то нереальным и чужим. Он видел людей, деревья, машины, но всё это существовало отдельно от него, а он со своим горем был сам по себе. И не было ни одной ниточки, за которую он мог бы зацепиться. Да он и не хотел этого.

Ему надо было перейти через дорогу. Он остановился на переходе. Посмотрел налево... И увидел приближающийся автомобиль...

Что было дальше, он потом никогда не мог вспомнить... Всё вокруг потемнело, его будто накрыло чёрной волной, он ничего не видел и не слышал, он перестал себя ощущать, но какой-то голос шепнул ему прямо в ухо: "Беги, давай, быстрее, беги же". И он побежал, хотя хорошо понимал, что не успеет пробежать перед машиной, что столкновение неминуемо. Из того, что произошло потом, он помнил только, как сделал первый шаг... Потом всё исчезло в чёрном тумане...

Страшный визг тормозов вытащил его из забытья. Темная волна схлынула, и он увидел, что сидит на асфальте перед автомобилем. Белый, как мел, водитель молча сидел, вцепившись в руль, зато его жена, выскочившая из машины, поливала Нельсона матом, утирая слезы. Кто-то подбежал и помог ему подняться. Нельсон сделал несколько шагов и понял, что может идти сам. Он был абсолютно цел, никаких переломов и вывихов, только побаливала ушибленная нога. Водитель, который наконец-то выбрался из машины и стоял, уцепившись за капот, смотрел на него остановившимися глазами. Нельсон, к которому стали возвращаться ощущения и мысли, почувствовал, что тому сейчас еще хуже, и сказал: "Извини, всё в порядке". Услышав его голос, бедный водитель тоже начал оживать, и в его глазах запылала ненависть. "Ладно, ладно, - забормотал Нельсон, хорошо его понимая, - ты уж извини, пожалуйста. Я пойду".

Он перешел-таки через дорогу, добрался до какого-то скверика и сел под деревом.

Ему надо было отдышаться и подумать. Он не понимал, что произошло. У него и в мыслях не было бросаться под эту машину. Почему он вдруг побежал? И как остался жив и даже цел, хотя неминуемо должен был погибнуть? Эти вопросы вихрем крутились в его голове.

На самом деле ему просто повезло, что водитель успел затормозить, а машина была устаревшей марки, с низким и почти горизонтальным капотом.

Он сидел под деревом, закрыв глаза, не зная, что ему делать дальше. И вдруг услышал, как его окликнул нежный голос Сары. "Нельсон", - позвала она, и Нельсон поднял голову. Он прекрасно отдавал себе отчет, что этот голос ему чудится, но он так хотел его услышать еще хотя бы раз... Неважно как, откуда... Просто хотя бы слышать её голос...

"Нельсон, - снова услышал он, и окружающий мир перестал для него существовать, - не надо, Нельсон".

Нельсон вскочил и огляделся. "Где ты, Сара? Где?"

Вокруг стояли деревья, ветки покачивались на ветру, над ними синело небо. И оно молчало.

"Сара! - в отчаянии позвал Нельсон, - Са-а-а-ра!"

Он кричал так громко, как только мог, надеясь, что его услышат там, куда докричаться невозможно. Голос его сорвался, и он замолчал, напряженно вслушиваясь. В надежде услышать еще раз её ласковый голос. Но всё было тихо.

Безнадежная тишина. Пустая и безответная.

Нельсон прислонился к стволу дерева и закрыл глаза. Он ненавидел себя за то, что подсознательный инстинкт самосохранения оказался сильнее его отчаяния. И он чувствовал, что уже не сможет сделать второй попытки. Вот просто не сможет - и всё тут.

Надо было жить дальше. Он пока не понимал, как и зачем. Но мысли о самоубийстве покинули его. Также как и надежда еще раз услышать голос Сары.

"Прощай, Сара", - мысленно сказал он и вытер слезу, выкатившуюся из-под сомкнутых ресниц при упоминании её имени.

Надо было жить дальше. И Нельсон начал прикидывать свои жизненные средства.

С квартиры придется съехать, она обходилась слишком дорого. Надо было ис-

кать работу. Но его передернуло уже на слове "реклама". Нет, этим он больше заниматься не будет.

И тут он вспомнил про родительский дом. Там вполне можно жить. И там ему почти ничто не будет напоминать о Саре. Кроме этого танца... Он так и не научил её танцевать... Нельсон провел рукой по глазам, которые вновь наполнились слезами.

Надо было жить дальше.

Нельсон встал, отряхнул пальто от травинок. И почувствовал, что ему жарко. Он огляделся. Вдохнул теплого воздуха, увидел молодую листву на деревьях, проснувшихся от зимней спячки, и увидел, что наступила весна. Окружающий мир с его запахами, цветом, шумом постепенно возвращался к нему. Нельсон снял пальто, аккуратно сложил его и повесил на руку.

Надо было жить дальше.

Глава вторая

... Прошло несколько лет.

В большом супермаркете около стеклянной стены, которая огораживает игровую комнату, где мамы оставляют детей, уходя за покупками, стоит Чейз и смотрит, как за стеклом играет с детьми высокий мужчина, одетый в костюм медведя. Он так увлекся наблюдением за тем, как малыши с криком и хохотом бегают вокруг этого медведя, что не услышал, как подошел Чарли.

- Что это тебя там так заинтересовало? - удивился Чарли.

- Смотри ... Этот медведь... он тебе никого не напоминает? - спросил его Чейз.

- Например?

- Да ты посмотри внимательнее. У тебя много знакомых такого роста?

В это время медведь поднял руки вверх, показывая, что сдаётся. И этот характерный жест заставил Чарли присмотреться к мужчине за стеклом повнимательнее.

- Нельсон?! Ты хочешь сказать, что это Нельсон?!

- А что? Похож, - ответил ему Чейз.

- Чтобы такой парень, как Нельсон, работал аниматором в игровой комнате супермаркета? Да я скорее поверю, что он улетел на Луну.

- Ты забываешь, что он почти месяц жил с Сарой. А это всё равно, что побывать в центре землетрясения.

- Нет, просто похож. Костюм медведя и детская комната - это слишком даже для парня, побывавшего в руках Сары.

И Чейз с Чарли ушли.

А тем временем к медведю подошел маленький мальчик и посмотрел на него снизу вверх. Аниматор нагнулся и спросил:

- В чём дело, малыш?

- А ты медведь или медведица?

Нельсон (это был он) присел на карточки и снял маску.

- А тебе кто нужен?

- Если ты медведь, то отведи меня, пожалуйста, пописать. Только побыстрее, пожалуйста.

- Понял, - сказал Нельсон, беря малыша на руки.

Когда он вернулся, в комнате уже был Джек, его напарник, пришедший его сменить.

- Как дела? - спросил он Нельсона.

- Тебе сегодня повезло - Мейсена уже забрали, - ответил Нельсон.

Мейсен был мальчик, семья которого жила рядом с супермаркетом. И его мама, когда уставала от его проказ и вопросов, просто приводила озорника к ним и удалялась. Нельсон с ним еще как-то ладил, а вот его напарник, едва увидев хитрую физиономию маленького хулигана, просто зеленел от злости.

Попрошавшись с Джеком, Нельсон отправился переодеваться. Когда он подошел к раздевалке, то его заметил рыжий Джонни, который о чем-то разговаривал в коридоре с Уэсли, девушкой из бухгалтерии.

- Нельсон! - радостно воскликнул Джонни. - Вот кто это сделает! - сказал он взволнованной чем-то Уэсли, устремляясь навстречу Нельсону.

"Слишком радостно он меня приветствует", - отметил про себя Нельсон, сворачивая в раздевалку.

- Нельсон, ты единственный, кто может это сделать! - горячо заверил его Джон, вбежав вслед за ним.

- Что именно? Передвинуть мебель? Снять со шкафа папки? - поинтересовался Нельсон, снимая костюм медведя и вешая его в шкаф. - У меня есть время принять душ? Или это срочно?

- Не то чтобы срочно, но чем скорее, тем лучше.

- Ты не можешь просто и коротко сказать, что надо сделать?

- Надо сходить в бухгалтерию и посмотреть на нашу Горгону.

- Просто посмотреть? И всё?

- Да, просто посмотреть. Ты сам всё поймешь.

- Ладно, схожу, посмотрю. Надеюсь, что не окаменею.

И, взяв полотенце, Нельсон отправился в душ, а Джон выскочил в коридор. Было слышно, как он радостно закричал Уэсли: "Нельсон ходит и посмотрит".

Через несколько минут Нельсон вошел в бухгалтерию и подошел к столу, за которым сидела женщина, которую за глаза называли Горгоной за её леденящий взгляд. Поговаривали, будто её побаивается и сам генеральный директор, не говоря уже о менеджерах помельче. А уж молодые девочки, работавшие в бухгалтерии, просто трепетали под её взглядом, как осиновые листья, хотя она редко прибегала к штрафам, и никогда не придиралась просто так. Но стоило кому-то из них допустить ошибку, как она тут же требовала для проверки именно ту бумагу, с которой что-то не так. Им казалось, что она обладает какими-то сверхъестественными способностями, умеет читать их мысли и сканирует документацию быстрее компьютера. На самом деле она просто умела наблюдать за ними, сразу замечая то выражение растерянности или задумчивости, которое появлялось на их лицах в случае промаха.

Посмотрев на неё, Нельсон сразу понял, в чем дело. У Горгоны было хорошее зрение, но, работая за компьютером, она надевала очки, экранирующие излучение экрана. Однако сегодня одно стеклышко выпало из оправы, и она выглядела, как одноглазый пират. Вид у неё был уморительный, Нельсон с трудом сдержал улыбку и проникся сочувствием к тем, кому пришлось общаться с ней. Сказать о том,

что у неё выпало стекло, никто не решался, а смотреть на неё, сохраняя серьезное выражение лица, было непросто. Нельсон видел, что все, кто сидел в комнате, следят за ним, ожидая, что он будет делать. В дверях появился Джонни, у него было умоляющее выражение лица, он смотрел на него с надеждой. Горгона, продолжая печатать, строго спросила: "В чём дело?", - и слегка приостановилась, вспоминая его имя, но не вспомнила. У неё была плохая память на имена. Все затаились, исподтишка наблюдая за ними. Нельсон сел на стул и огляделся: стеклышка от очков нигде не было видно.

- А что, эти очки действительно экранируют излучение? - спросил он.

- Надеюсь, - сухо ответила женщина, не отрываясь от клавиш.

- А можно я посмотрю их поближе? - сделал первую попытку Нельсон. Но Горгона только метнула на него недовольный взгляд, не переставая печатать. Нельсон нагнулся к ней поближе и тихо сказал. - У вас стеклышко выпало.

- Какое стеклышко? - возмутилась его фамильярности Медуза Горгона.

- Которое должно быть в оправе, - и, так как женщина продолжала смотреть на него возмущенно, добавил. - Да вы снимите очки и посмотрите сами.

Горгона сняла очки, осмотрела их, поняла, наконец, в чём дело, огляделась вокруг и начала медленно краснеть. Нельсон понял, что назревает катастрофа.

- Давайте посмотрим, оно, наверное, затерялось среди бумаг, - сказал он.

Женщина растерянно перебирала бумаги, чувствуя, что на неё все смотрят.

- Оно упало, - прошелестела девушка из-за соседнего стола. - Вот, - и она положила на стол начальницы стеклышко.

- Спасибо... - Горгона замаялась, вспоминая её имя. - Спасибо, Шелли.

Нельсон взял стекло, вставил его в оправу и попытался ногтем подкрутить разболтавшийся винтик, но у него не получилось.

- Здесь нужна очень маленькая отвертка, - сказал он. - У вас нет отвертки?

- Нет, - покачала головой женщина, к которой постепенно возвращался прежний, обычный цвет лица.

- Ничего страшного. В любой аптеке вам всё подкрутят за несколько секунд. И они будут, как новенькие.

- Нельсон посмотрел на Горгону. И та кивнула ему в ответ, соглашаясь. Да, это сделают в любой аптеке за секунду.

- До свидания, - сказал Нельсон и пошел к двери.

Девочки восхищенно смотрели вслед человеку, который разговаривал с Горгоной и остался жив. В дверях Джонни пожал ему руку и тоже смотрел на него с почтением. Он страшно переживал за Уэсли, в которую был влюблен. И, хотя он работал в другом отделе и мог бы не бояться Горгоны, но подойти к ней и сообщить, что у той выпало из оправы стекло, даже не пришло ему в голову. Теперь он был горд, что догадался попросить об этом Нельсона и смотрел на него с благодарностью.

Слегка улыбаясь воспоминаниям об этой маленькой сценке, Нельсон шёл по коридору, здороваясь на ходу с коллегами. Он вышел через служебный выход, перешел через дорогу, купил газету, дождался своего автобуса, сел и развернул газету.

* * *

Через полчаса он вышел из автобуса и направился домой. Несколько лет назад

он отремонтировал родительский дом и теперь жил в нём. Не потому, что у него не было денег на съёмную квартиру. Просто ему так было легче.

Этот дом почти не напоминал ему о Саре, лишь иногда он вспоминал, как они танцевали, и она наступала ему на ноги.

Когда он открыл дверь, навстречу ему вышел Эрни. Он постарел и уже не так яростно крутил хвостом, как раньше. Нельсон, присев, потрепал его по лохматой голове и спросил: как дела? Эрни твякнул и облизал ему лицо теплым язычком. Нельсон рассмеялся, встал, насыпал ему корма и занялся будничными делами.

Дверь открылась, и вбежал Абнер.

- Привет! - радостно закричал он, бросая сумку куда-то в угол. - О! Виноград!

- Сначала вымой руки, - наставительно сказал Нельсон.

- Я ртом, - пробормотал Абнер, наклонился, откусил виноградинку и побежал мыть руки.

Нельсон покачал головой, улыбнулся и поставил на стол еще одну тарелку. Абнер часто забегал к нему поговорить о своих мальчишеских делах. Вот и теперь он пришёл посоветоваться с ним.

- Нельсон, а как ты, когда учился в школе, ухаживал за девочками? - спросил Абнер, усевшись за стол.

Нельсон задумался, вспоминая.

- Оказывается, это было так давно, что я даже затрудняюсь вспомнить, - удивился он. - Кажется, мы начинали с приглашения в кино.

- А что? Хорошая идея. Ты думаешь, она согласится?

- Ну, это как повезет.

- А вдруг она откажется? И будет потом надо мной смеяться.

- Зачем ты сразу думаешь, что будешь делать в случае поражения? Ты сначала подумай, как победить.

- А вот моя русская бабушка говорила, что надо всегда подстилать соломку.

- Что такое солома?

- Ну, это что-то типа сухой травы.

- Знаешь, пусть женщины занимаются соломой, а мы, мужчины, должны всегда идти вперед.

Абнер посмотрел на Нельсона с восхищением.

- Да, мы пойдем вперед, - воскликнул он, - а они пусть стелют свою соломку.

- Кстати, как там твоя мама?

- Нормально. А на какой фильм её пригласить?

- Только не на боевик.

Абнер взглянул на Нельсона с удивлением.

- Им не нравятся боевики, - пояснил Нельсон.

- Да? А что же им тогда нравится?

- Какая-нибудь мелодрама про любовь.

- Может быть, сводить её на порно? - задумчиво спросил Абнер.

Нельсон с трудом удержал серьезное выражение лица и сказал:

- Я бы не советовал.

- Да, для первого раза это будет слишком, - согласился Абнер.

Звонок телефона прерывал их разговор. Нельсон взял трубку и услышал голос Джека, своего напарника.

- Привет, Нельсон. Тут тебя спрашивают два каких-то мужика.

- Кто бы это мог быть? Они назвали свои имена?

- Да, Чарли и Чейз.

Нельсон замер. "Пусть это будет сон, и я сейчас проснусь", - подумал он, закрыв глаза. Но проснуться не получилось.

- Алло, Нельсон. Ты где? Я тебя не слышу, - звенел в трубке молодой голос Джека.

- Я здесь, - ответил Нельсон, тщательно выговаривая слова. - Ты можешь передать им трубку?

- Да, сейчас.

- Привет, Нельсон. Это ты? - спросил его голос Чарли.

- Привет, Чарли. Это я, - ответил Нельсон, переводя дух. Это оказалось не так страшно, как он ожидал.

- Неужели это ты работаешь медведем в детской комнате супермаркета?

- Да, я.

- С ума сойти. Ты сможешь подъехать завтра к нам в офис, к четырем часам?

- К четырем не могу. У меня в четыре как раз начинается смена.

- О господи! Ладно, подъезжай к трем.

- Честно говоря... Ладно, давайте договоримся на четырнадцать часов.

- Хорошо. В два часа. До встречи, Нельсон.

- До встречи, - сказал Нельсон и положил трубку. Он стоял, задумавшись, пока его не растормошил голос Абнера.

- Нельсон, Нельсон!

Нельсон повернулся и посмотрел на мальчика тёмным взглядом, медленно выплывая из своих раздумий.

- Я могу узнать, кто это был? - детские глаза смотрели на него с тревогой и отважной решимостью защитить. - Что-нибудь случилось?

- Всё в порядке. Это звонили Чарли и Чейз.

- Нельсон, с трудом передвигая ноги, подошел к столу, сел и взял кружку с чаем.

- Ты их помнишь? - спросил он мальчика.

- Это те, что жили на нижнем этаже? Они съехали сразу после Сары.

Темная тень прошла по лицу Нельсону, когда мальчик назвал её имя. Они никогда не разговаривали о Саре. Мальчик мысленно обругал себя идиотом и решил побыстрее сменить тему.

- Они сообщили плохие новости?

- Нет. Пригласили к себе в офис.

- В офис? У них есть свой офис?!

- Да. Они крутые парни, большие шишки в рекламном бизнесе.

- Здорово! Может быть, они предложат тебе работу?

- Вполне может быть, - Нельсон медленно пил свой чай. Абнер понял, что ему хочется побыть одному.

- Я, пожалуй, пойду, - сказал он и вопросительно посмотрел на Нельсона: попросит остаться или нет?

Но Нельсон не стал его задерживать и сказал:

- Тебе пора? Спасибо, что зашёл.

Подросток пошёл к выходу. У двери он обернулся. Он чувствовал, что Нельсо-

ну тяжело, но не знал, как ему помочь. Немного потоптавшись около двери, он сказал.

- Я позвоню тебе завтра.

- Да, конечно, - Нельсон почувствовал, что мальчик хочет его поддержать, нашёл в себе силы улыбнуться и вымолвить. - Я буду ждать твоего звонка.

Абнер радостно улыбнулся, вскинул на плечо сумку и убежал.

Нельсон остался один.

Он сидел за столом, сгорбившись над кружкой и не видя её. Он ни о чём ни думал, ничего не вспоминал, просто сидел, всё глубже и глубже погружаясь в темноту своей боли.

На короткое время из этого состояния его вывел Эрни. Собака постарела, и у неё не было прежних сил, чтобы вспрыгнуть на колени Нельсона. Поэтому он просто стоял рядом и поскуливал, ожидая, когда ушедший в себя хозяин вспомнит о нем.

Нельсон наклонился и поднял его. Эрни облизал его мокрые от слёз щеки и посмотрел ему в глаза, взволновано дыша.

- Эрни... - прошептал Нельсон, опустив лицо в его шерстку, - Эрни...

Все эти годы Нельсон старался жить так, будто Сара ... просто уехала далеко-далеко... и вернется... вернется не скоро.

И вот теперь звонок Чарльза вдруг разрушил эту иллюзию, вернув ту страшную боль, которую он пережил после... После того, как Сара ушла... Нельсон вновь погрузился в чёрную мглу своей боли...

* * *

За окном начало темнеть, когда Нельсон наконец очнулся и посмотрел вокруг себя. Эрни, прикорнувший у него на коленях, встрепенулся и засуетился. Нельсон вспомнил, что собаку надо покормить. На столе стояла неубранная посуда, которую надо было вымыть. Жизнь с её будничными заботами звала его и требовала действий. Нельсон встал, насыпал Эрни корма и начал убирать со стола. Но в голове у него крутилось: надо что-то сделать, я должен что-то сделать... Как будто у него где-то была назначена встреча с кем-то, кого он не видел так давно, что уже даже и не может вспомнить...

Прислушиваясь к этому тянущему его куда-то чувству, Нельсон прошелся по комнате. Взгляд его упал на книжный шкаф, он подошел к нему, глаза его пробежали по корешкам книг, и он тот час вздрогнул: «Дуглас». Нельсон взял в руки одну из книг и провел ладонью по её обложке.

"Вино из одуванчиков" Рея Брэдбери, - книга о мальчике Дугласе, который в 1929 году выбежал навстречу жизни в таких замечательно легких теннисных туфлях...

Нельсон вспомнил постаревшего Дугласа, его лицо, измученное смертельной болезнью, услышал его тихий голос: "Передай добро по кругу... Знаешь, Нельсон, мне кажется, это и есть та истина, которая всегда верна, что бы ни случилось". Нельсон открыл обложку и увидел корявую надпись: "Нельсону от Дугласа". Каждый раз, когда он видел эти расплывающиеся буквы, его глаза туманили слёзы. Потому что он знал, с каким трудом, через какую боль они писались. Пальцы Дугласа были скрючены болезнью, и, когда начинался очередной приступ боли, он начинался именно с них: "Хоспис!"

Вот куда он поедет, чтобы провести время до завтрашней встречи с Чарли и

Чейзом. Нельсон перелистал записную книжку и набрал номер. "Хоть бы она была на месте", - подумал он и посмотрел на часы. Было уже поздно. В обычных больницах главного врача в такое время уже не застанешь. Но это была не обычная больница, а "прихожая смерти", как её называла Мэриям. Да и сама она не была обычным руководителем. Она жила этим хосписом, который сама и основала после того, как у неё умерла дочь.

- Алло. Я слушаю, - услышал Нельсон в телефонной трубке низкий, прокуренный голос.

- Здравствуйте, - сказал он, - меня зовут Нельсон Мосс, я работал у вас несколько лет назад.

- Минутку, я сейчас найду нужный файл в компьютере, - ответила Мэриям. - Да, вижу. Что вы хотите?

- Я бы хотел поработать у вас сегодня ночью.

- Только одну ночь?

- Да.

- Хорошо, приезжайте, я буду вас ждать.

И она положила трубку. Да, это было в духе Мэриям - не задавать лишних вопросов. Нельсон улыбнулся и начал собираться.

Через полчаса он уже сидел в троллейбусе, глядя в темноту за окнами, и думал, как же ему повезло тогда, что он попал в этот хоспис, к Мэриям.

Чёрная волна, которая толкнула его тогда под автомобиль, схлынула и унесла вместе с собой все его мысли о самоубийстве. Раз и навсегда. И больше он никогда не возвращался к этой идее самовольного ухода из этого мира. Но он не мог вот так, сразу, вернуться в жизнь, где его никто не ждал. Он чувствовал, что пока не готов нырнуть в этот водоворот буден и редких праздников. Да и будут ли у него теперь эти, пусть даже редкие, мгновения, наполняющие нас радостью жизни? И что тогда будет двигать и толкать его по этой жизни?

Что является движущей силой современного человека, которая утром поднимает его с кровати? Борьба за успех! Успех, который должен принести деньги, позволяющие купить все эти свидетельства успеха: дом в престижном районе, автомобиль последней марки, сотовый телефон с десятком другим функций, большая часть которых его владельцу не очень-то и нужна, и сотни других вещей, ни одна из которых не сможет заменить ласкового взгляда, теплой руки, скользящей по уставшей за день макушке, нежных слов утешения и горячих слов любви.

Нельсона больше не интересовал успех. И больше не было рядом с ним человека, от которого он хотел бы услышать слова участия и поддержки. Ему никто не был нужен. Он привык всегда и во всем рассчитывать только на себя. Так он жил до встречи с Сарой. И так ему предстояло жить теперь, когда она ушла.

Тогда, несколько лет назад, Нельсон вышел из парка и вошёл в метро. Он шёл медленно, погруженный в свои мысли, а вокруг все торопились и бежали по своим делам. Его толкнули раз, другой, он разозлился, и со всей силой своего прорвавшегося раздражения ударил парня, который на него налетел. Тот не остался в долгу, началась потасовка, прибежали полицейские и забрали его в участок. Оказалось, что он, находясь в незнакомом месте, вошел не в ту дверь. Он перепутал "Вход" и "Выход" и оказался во встречном потоке людей, которые выходили из метро.

Суд приговорил его к десяти часам общественных работ.

Сержант полиции предложил ему на выбор несколько мест: уборка мусора, покраска и работа санитаром в хосписе. "Хоспис?! - переспросил его Нельсон. - Сара!" - прозвучало у него в голове, и он сказал. - Я буду работать в хосписе". Когда Сара узнала, что у неё уже четвертая, безнадежная стадия рака и что приближается страшный финал её трагедии, она уехала к родителям, запретив Нельсону даже навещать её. Её хотелось остаться в его памяти молодой, красивой и веселой. И он не стал с ней спорить, ведь это была Сара.

- Ты хорошо подумал? - переспросил его сержант, удивленный выбором Нельсона.

"Я должен знать, через что пришлось пройти Саре", - сказал себе Нельсон и посмотрел на сержанта взглядом оживающего человека.

Через час они были в хосписе. Мэриам окинула его взглядом и решила прояснить ситуацию, спросив:

- Вы выбрали работу в хосписе... Есть какие-то личные причины?

- Это имеет значение? - ошетинился тогда Нельсон.

- Просто я подумала, может, у вас есть навык ухода за такими больными? - спокойно ответила ему уже давно немолодая женщина. И Нельсон понял, что её не интересуют личные обстоятельства его биографии, она просто решает, как его лучше использовать. Он успокоился и сказал:

- Нет, у меня нет таких навыков.

- Тогда я сейчас вызову Джейн, и она покажет вам, где у нас швабра и вёдра, - сказала Мэриам.

Так началась его работа в хосписе.

Он проработал там полгода. И понял, почему Сара отказалась от его помощи. Смерть от рака - это тяжелое зрелище. Самым трудным для Нельсона оказалось менять памперсы и вытирать рвоту. Он так и не смог побороть своей брезгливости, у него всегда было очень чувствительное обоняние. Зато у него оказалась легкая на уколы рука. И Мэриам перевела его из санитаров в "сиделки".

Больные люди вообще капризны, но когда ты знаешь, что человек скоро выздоровеет, то можно строго на него посмотреть, даже слегка прикрикнуть. Но как взывать к мужеству смертельно больного человека? Сказать ему: потерпи, ты все рано скоро умрешь, так не мучай меня понапрасну, ведь я ничем тебе помочь не могу?

Вот это и есть самое трудное в работе санитаров и врачей хосписа: они знают, что ничем уже помочь не могут. И единственное, что им остается - это ждать. Хоспис - это страшный конвейер смерти, поэтому там редко кто задерживался больше, чем на полгода. Кроме Мэриам, которая называла свое заведение "прихожей смерти".

После того, как Нельсон проработал в хосписе полгода, Мэриам пригласила его в свой кабинет.

- Вы работаете у нас уже полгода. Я знаю, что вы практически отсюда не выходите, отсыпаясь после ночных дежурств в комнате санитаров.

Нельсон посмотрел на неё, отвернулся и стал смотреть в окно. Ему не хотелось говорить. Да, он жил в этом хосписе и уже не мог представить себе, что когда-нибудь выйдет отсюда. Не то чтобы он по-прежнему боялся жизни, просто не хотел об этом даже думать.

В комнате было тихо, два человека сидели и ждали, кто же заговорит первым. И

им обоим было всё равно, что скажет тот - сидящий напротив. У каждого из них была своя боль, с которой они не хотели расстаться. Не потому, что считали это предательством памяти ушедшего человека, а потому, что не ждали больше от жизни ничего хорошего. Вот эта боль и стала основным содержанием их существования, и им этого было достаточно.

Молчание затянулось. Мэриям сидела, постукивая карандашиком по столу, и ждала, когда он ей, наконец, ответит. Вообще-то судьба Нельсона ей была безразлична, но она понимала, что это не дело, когда молодой, тридцатилетний мужчина живет в хосписе. Поэтому и решила поговорить с ним, чтобы подтолкнуть к окончательному выбору.

Когда Нельсон понял, что Мэриям так и будет сидеть в ожидании его ответа, он решил перейти в наступление и сказал:

- Но вы ведь тоже живете здесь.

- Мне уже шестьдесят, - сказала Мэриям, - тебе в два раза меньше.

Нельсон пожал плечами: мол, ну и что?

- Это существенная разница, - проговорила Мэриям, которая уже начала досадовать на себя за эту напрасную трату времени, но решила довести разговор до конца, раз уж начала его. Она посмотрела на Нельсона, который ответил ей насмешливым взглядом.

- Я прошла свой путь, а ты нет.

На этот раз она попала туда, куда и метила: Нельсон помрачнел. Помрачнел и замкнулся. Мэриям поняла, что больше он не скажет ни слова, вздохнула и сказала:

- Вы очень хорошо работаете, пациенты вас любят, можете оставаться здесь сколько хотите.

Она взглянула на молодого мужчину, который годился ей в сыновья. Нельсон отвел взгляд, поднялся и пошел к двери.

- Но вы все-таки подумайте над моими словами, - Мэриям решила-таки добить его. Нельсон обернулся, бросил на неё мрачный взгляд человека, ужаленного змеей, и вышел из кабинета. А Мэриям осталась сидеть, по-прежнему постукивая карандашиком по столу...

Через несколько дней она направила Нельсона в палату к Дугласу.

Глава третья

Дугласу было уже за семьдесят, и он был необыкновенным стариком. Это признавали все, кому довелось поговорить с ним хотя бы пять минут. Знакомясь с человеком, он окидывал его внимательным взглядом доброжелательных глаз, как бы спрашивая: я могу тебе чем-то помочь? И на душе сразу становилось светлей и спокойней.

Его родители обожали Рэя Брэдбери, особенно повесть "Вино из одуванчиков", поэтому и назвали своего сына Дугласом и внушили ему мысль, что главным законом жизни является принцип "Передай добро по кругу".

У постаревшего Дугласа начисто отсутствовали какие-либо амбиции и то, что в Библии называется "гордыней". Он не стремился произвести на собеседника какое-либо впечатление. Ему было все равно, что думает о нём окружающие.

Конечно, когда-то, в молодости, он тоже хотел стать лучше всех. Но однажды он понял, что этого же - стать лучше всех - хотят и все остальные. Это открытие

поразило его в самое сердце. Он тогда долго думал, как же ему теперь жить дальше? И пришел к выводу, что не стоит тратить время своей жизни на соревнования с тем, кто бежит рядом. Особенно, если это твой друг. Соревноваться надо с самим собой. И Дуглас успокоился. Хотя и не сразу. Ему понадобилось некоторое время, чтобы справиться со своим самолюбием.

Нельсон был поражен его искренней, спокойной добротой и мудростью. Они подружились с ним сразу же и говорили обо всем. Пользуясь каждой минутой, когда болезнь отпускала измученного старика.

Дуглас верил в Бога, и это удивляло Нельсона, который был убежденным атеистом.

- Но у тебя же нет никаких доказательств, что он действительно существует, - сказал он однажды Дугласу. - Как можно верить в то, что невозможно доказать?

- Нельсон, это не надо доказывать. Понимаешь? Бог есть, я это точно знаю.

- Откуда?!

- Просто знаю. Я с этим родился и никогда в этой истине не сомневался.

Нельсон помолчал, колеблясь, но потом всё-таки решил спросить:

- Ты веришь в Бога. Почему Он не помог тебе вылечиться? За что он тебя наказал? Мне кажется, за тобой нет таких грехов, которые надо искупать такой жестокой ценой.

- Нельсон, моя болезнь - это не наказание. Это случайность.

- Случайность? А Сара? Сара - тоже случайность? За что? Почему? Почему именно она? Дуглас, ты не представляешь, как меня мучает этот вопрос: почему именно она?

Дуглас ласково посмотрел на сжавшего кулаки Нельсона.

- Нельсон, рак - это страшная болезнь. И это не наказание, мы сами создали эту болезнь. Это последствия того, что мы так жестоко обходимся с Природой, живем в суете, беспокоясь о пустяках. Каждый надеется, что расплачиваться за это придется кому-то другому. Ведь никто не знает, кого выберет эта болезнь. И Бог здесь ни причём, это не Его выбор.

- Но почему именно Сара? Дуглас, почему?!

- Нельсон, нас у него так много. Он просто не успевает присмотреть за всеми. Мы совершаем так много ошибок. Он просто не успевает их исправлять. Понимаешь, он просто не успевает...

Была тихая ночь. Нельсон сидел около кровати Дуглас, закрыв лицо руками, иногда вытирая слезы, которые каждый раз не мог сдерживать, вспоминая Сару.

- Знаешь, Нельсон, - сказал Дуглас, положив холодную ладонь на его мокрую от слёз руку. - Саре действительно повезло, что она встретила тебя в такой момент. Умирать страшно в любом возрасте.

Дуглас на мгновение закрыл глаза. Нельсон посмотрел на его усталое лицо, измученное болезнью, и неизбежность их расставания пронзила его сердце острой болью. "Он устал, а я мучаю его разговорами", - мелькнуло у него в голове, но он чувствовал, что они нужны Дугласу не меньше, чем ему. Нельсон поднял руку Дугласа и прижал её к своей щеке, усилием воли сдержав слёзы. "Не плакать, - сказал он себе, - только не плакать".

Дуглас вздохнул и открыл глаза, увидел внимательный взгляд Нельсона, глядевшего на него с тревогой и сочувствием, и улыбнулся своему полуночному другу.

Он был благодарен Нельсону за то, что тот скрашивает его ночи. Дуглас старался не огорчать родственников и персонал хосписа, делая вид, что всё в порядке, но на самом деле он боялся ночей. Днём он бодрился, но темнота ночи его страшила: он боялся засыпать в одиночестве. Присутствие Нельсона успокаивало его, к тому же ему очень нравился этот молодой человек, и ему очень хотелось помочь ему.

- Да, умирать страшно в любом возрасте, - сказал Дуглас, глядя на Нельсона с сочувствием, - но меня утешает то, что у меня есть дети, внуки, а у твоей Сары этого не было. И ей повезло, что она встретила тебя, и что ты её полюбил. Потому что того, кого любишь, не забудешь никогда. Ты можешь забыть имя, голос, лицо, но человек, которого ты любил, всё равно будет жить в тебе. Всегда! В каждом твоём слове, взгляде, в каждом твоём поступке. Любовь не умирает. Это знает каждый, кто любил по-настоящему. Когда любишь другого человека, то однажды наступает такой момент, когда ты понимаешь, что твоя любовь стала вечной и она уже не исчезнет из этого мира. Разрушится церковь, в которой вы обвенчались, высохнет море, на берегу которого вы любовались закатом, ветер времени занесет пирамиды египетских царей, а ваша любовь будет жить.

И такая завораживающая уверенность была в его голосе, что Нельсон замер.

- Ты думаешь, это возможно? - прошептал он.

- Конечно. Только мало кто может так любить. Не всем это дано. Мне кажется, и ты знаешь, что такую любовь может дать только Он. - Благоговейный трепет Дугласа подсказал Нельсану, кого тот имел в виду. - Ведь любовь это чувство, над которым мы не властны. И это единственное чувство, которое приходит неизвестно откуда. Оно может быть светлым, как летний рассвет, а может быть тёмным, как одинокая ночь, а может быть похотливым... Никто не знает, какая любовь достанется ему. И достанется ли вообще. И только Он решает, будет ли она карой или наградой.

Нельсон вспомнил, как он тогда, еще не зная о её страшном диагнозе, стоял на перекрестке, и вдруг почувствовал, как его коснулось на миг дыхание вечности. И ему захотелось, чтобы так было всегда - он, Сара, эти убогие домишки, трамвай...

Да, Дуглас прав, это и был тот миг, когда любовь становится вечностью. Поэтому он и не может забыть Сару. И пусть он её потерял, но эта любовь была их наградой. И она будет теперь жить вечно, даже если он вдруг забудет Сару, даже после того, как он сам уйдет из этого беспокойного мира.

Дуглас посмотрел на молодого человека, сидевшего около его кровати, и подумал, что Нельсон сможет справиться со своим горем.

- Да, вам с Сарой повезло, что вам выпала такая любовь. Но ведь те, кому повезло так любить, должны знать, что состояние это тоже не всегда может длиться вечно. Суета жизни растворяет святое чувство. Вот как ты думаешь: долго бы вы прожили с Сарой, если бы она не заболела? Мне кажется, характер у неё был не такой уж простой. Она ведь хотела, чтобы всё всегда было так, как она хочет?

- Да, - кивнул Нельсон, и легкая улыбка промелькнула по его лицу.

- А с такой женщиной трудно договориться. Тебе бы было с ней нелегко.

- Ну и что, - сказал Нельсон, - я бы уж как-нибудь справился.

Дуглас тоже улыбнулся.

- Я в этом не сомневаюсь, - ласково сказал он, хотя, было видно, думал по-другому. - Но знаешь, мне кажется, тебе совсем необязательно посвящать свою

жизнь только воспоминаниям о вашей любви. Ты хоронишь в этом хосписе не только себя, но и вашу любовь. Тебе пора уходить отсюда.

Он посмотрел на Нельсона и сказал:

- Дай мне слово, что покинешь хоспис, после того как я уйду... - Дуглас замялся, подбирая слова, и процитировал Шекспира. - ... "в неведомую страну, из которой не возвращался ни один путник".

Они посмотрели друг другу в глаза, и Нельсон сказал: "Хорошо, Дуглас, я обещаю".

Через неделю Дуглас умер. И Нельсон покинул хоспис.

Он долго не мог подобрать себе работу, которая бы устроила его, пока - совершенно случайно - не набрел на эту должность медведя в игровой детской комнате.

Глава четвертая

Когда Нельсон вошел в кабинет, Мэриям посмотрела на него внимательным взглядом и сказала:

- А! Я вас вспомнила. Это вы помогли Дугласу?

- Вы помните Дугласа? - удивился Нельсон.

- Разве можно забыть такого человека, как Дуглас? - сказала Мэриям и достала сигарету.

- Как вы поживаете? - спросила она, закуривая. - Извините, я забыла спросить, вы курите, вам не мешает мой дым?

- Я не курю, но ваш дым мне не мешает, - ответил Нельсон.

- Так как вы поживаете? - снова спросила Мэриям.

- Спасибо, всё нормально, - Нельсон решил не говорить ей, что работает аниматором в детской комнате супермаркета. Это могло удивить даже Мэриям.

- Да? Что ж, я рада, что вы смогли тогда вырваться из хосписа. Дуглас всё-таки сумел вас убедить.

"Так вы специально направили меня именно к нему? Чтобы он помог мне выйти из хосписа?" - хотел спросить Нельсон, но, посмотрев на курящую женщину с высохшим от старости лицом и покрасневшими от усталости глазами, промолчал. Ей не нужна была его благодарность. Она жила в "прихожей смерти", где такие пустяки, как слова благодарности, уже не имеют значения. Она делала то, что считала нужным, у неё получилось, она сумела помочь ему вернуться к жизни. Она сделала больше - она помогла не только ему, но и Дугласу, последние дни которого были согреты заботой о нем, о Нельсоне. Она это видела, понимала, и этого ей было достаточно.

- Да, - сказал ей Нельсон, - Дуглас помог мне снова зацепиться за жизнь. Хотя это и было трудно.

«Он пожаловался мне совершенно случайно, он уже давно никогда и никому не жаловался. Да у него и повода для этого не было. Кроме того, особого случая, который неожиданно выбил его из колеи, из привычного течения жизни», - подумала Мэриям.

- Ну, ничего, - вслух сказала она, - ведь у вас получилось.

- Да, теперь всё в порядке, - подтвердил её слова Нельсон.

- Так вы к нам на одну ночь? - спросила она.

- Да, на одну.

Нельсон не стал объяснять, что именно его привело в хоспис. А Мэриям даже и не подумала расспрашивать.

- Вы появились вовремя, - сказала она. - Нам предстоит тяжелая ночь.

"Тяжелая ночь" - это значит, что в хоспise кто-то должен умереть. Она всегда угадывала этот момент безошибочно. И предупреждала: сегодня у нас будет тяжелая ночь или тяжелый день. Вот почему в такой поздний час она была здесь.

- А санитары все неопытные...

Это значит, они еще ни разу не видели умирающего человека, не закрывали его широко распахнутых глаз, не обмывали его иссохшего от болезни тела, не звонили его родственникам с горестным сообщением. Впрочем, родственникам усопших Мэриям всегда звонила сама. Это был её крест.

- Раз вы пришли, я немного отдохну. Пойдемте, познакомлю вас с персоналом.

Она положила сигарету в пепельницу, и они вышли знакомиться с персоналом.

Да, ночь действительно выдалась тяжелой. Нельсон замучился и с умирающим мужчиной, и с обеими санитарками - молоденькими девочками, которые смотрели на происходящее с ужасом, даже не замечая своих слёз. Нельсону время от времени приходилось протягивать им салфетку, чтобы они вытерли свои лица. Они были студентками первого курса медицинского колледжа и ещё ни разу не видели покойников. В хоспис пришли, движимые юношеским энтузиазмом и любопытством. Да, Мэриям очень повезло, что Нельсон появился именно в эту ночь. Без него ей было бы трудновато...

Домой Нельсон вернулся только утром и рухнул в кровать, практически не раздеваясь. А когда проснулся, то часы показывали уже полдень. Он едва успел побриться и чуть-чуть привести себя в порядок. Ему пришлось вызвать такси, оплата которого пробила значительную брешь в его бюджете. Услышав сигнал подъехавшей машины, он выбежал из дома с бутербродом в зубах, одетый в свою обычную одежду. У него был костюм, так сказать, для торжественных выходов, но уже не было времени его доставать и разглаживать, поэтому он быстро схватил то, в чём каждый день ездил на работу. В троллейбусе, на котором он добирался до своего супермаркета, она смотрелась вполне прилично и даже неплохо. А вообще-то он уже давно не задумывался о том, что ему надеть и как он смотрится со стороны. Он жил среди людей, которые знали его уже несколько лет, и Нельсон был уверен в том, что их отношение к нему не зависело ни от цвета его костюма, ни от его цены. И ему самому тоже было абсолютно фиолетово, во что одеты окружающие его люди.

Но когда он сквозь крутящиеся стеклянные двери вошел в вестибюль здания, где друзья Сары снимали офис, то сразу почувствовал, как нелепо и жалко он выглядит в этом сверкающем мире.

Охранник, сидевший на входе, увидев его, немедленно встал и вышел из-за своего стола, чтобы преградить ему проход к лифту.

- Мне надо в офис Чарльза и Чейза, - сказал ему Нельсон, остановившись.

Охранник, слегка удивленный тем, что мужчина, одетый в дешевый костюм, с неухоженным лицом без малейших признаков ботокса, знает имена людей, офис которых занимал два этажа. Они предупредили, что ждут какого-то Нельсона Мосса. Об этом еще вчера была сделана соответствующая запись в журнале, а сегодня утром Чарльз и Чейз, когда проходили мимо, оба напомнили ему об этом еще раз и

просили позвонить им, как только он появится. Но охраннику и в голову не пришло, что человек, которого так озабоченно ждут важные "шишки" с восьмого этажа, и есть вот этот самый мужчина в простой одежде, с усталым и рассеянным взглядом.

Дремлющее самолюбие Нельсона, о существовании которого он уже и подзабыл, начало оживать под пренебрежительным взглядом охранника, который решил, что перед ним стоит заблудившийся коммивояжёр. Нельсон понял, что охранник принял его за какого-то обнаглевшего бродягу, и в нём стало закипать раздражение, усиленное бессонной ночью. Он распрямил плечи, посмотрел на охранника сверху вниз, вытащил из глубин подсознания выражение лица "Я - начальник, ты - дурак" и тоном приказа сказал: " Меня зовут Нельсон Мосс. Позвоните и наведите справки". Он посмотрел охраннику прямо в глаза, и тот привычно оробел, признав в нем того, кто имеет право повелевать.

- Минутку, - сказал он и вернулся за свой столик, - я сейчас позвоню, и за вами спустятся.

Охранник под строгим взглядом Нельсона быстренько набрал номер телефона, и через несколько минут из лифта вышла длинноногая секретарша Чарльза и Чейза. Эта была самая красивая и самая стройная секретарша в этом здании. Заметив, что охранник перестал дышать, даже Нельсон сказал себе: "Ого! Вот это да! Вот это девушка..."

Юная фея скользнула по нему небрежным взглядом и повернулась к охраннику.

- А где Нельсон Мосс?

Охранник сглотнул, начал дышать и кивнул на мужчину. Секретарша посмотрела на Нельсона с недоумением, но быстро с ним справилась, подумав: "Что ж, бывают и такие посетители".

- Пойдемте, вас уже ждут, - сказала она своим нежным голосом и прошла к лифту. Нельсон пошёл за ней.

Давно он не чувствовал себя таким идиотом! Эта секретарша его просто добила. Он снова сник и помрачнел, успокоившееся было самолюбие вновь злобно захихикало над ним, над его дурацкой походкой в старых кроссовках, над клетчатой рубашечкой, купленной на распродаже. Как он ненавидел в эти мгновения Чарльза и Чейза! За то, что они вытащили его из привычного уюта обычного существования и вернули в эту раздражающую суету бега на месте.

Однако, вместе с самолюбием, проснулась и его привычка держать удар и побеждать, что бы это ему ни стоило. В его голове мелькнуло воспоминание, как он однажды сказал Саре: "Может, ты не заметила, но я ничего не боюсь". И эта память подсознательно распрямил его плечи, подняла подбородок повыше, придала его взгляду уверенную снисходительность. Само собой вспомнилась мантра, которую раньше он использовал в трудные моменты, когда ему надо было проломить ситуацию. Он представил себе, что на нём дорогой костюм, что его только вчера постриг дорогой парикмахер, а кожа пропитана кремом, который стоит не меньше сотни долларов.

Секретарша Чарльза и Чейза не сразу заметила эти изменения, занятая своим удивлением по поводу того, зачем её крутым боссам понадобился этот человек, у которого даже не было часов. "Интересно, на какой машине он ездит?", - подумала она. Ей даже и в голову не пришло, что у Нельсона вообще нет машины. Человек

из троллейбуса не мог быть другом её боссов! По определению!!!

Выйдя из лифта, она взглянула на Нельсона и произнесла: "Нам до конца коридора". Нельсон ответил ей снисходительным взглядом уверенного в себе человека. Ей даже показалось, что это от него пахнет дорогим, изысканным парфюмом. Хотя на самом деле это был обычный аромат их офиса. "А он симпатичный", - неожиданно для себя подумала она, и ей вдруг захотелось произвести на него приятное впечатление. Так, на всякий случай.

- У нас завтра сдача важного проекта, - доверительно сообщила она Нельсону, мягко улыбаясь синими глазами.

- А! Понятно, - коротко ответил он ей и огляделся. Да, вокруг царил знакомая суэта, сопровождающая подготовку к встрече с богатым рекламодателем. Мимо них прошли юноша и девушка. "Красный", - настаивал парень. "Нет, розовый", - не уступала девушка. Из двери кабинета выскочил солидный мужчина с ужасно озабоченным и виноватым лицом. Вслед ему неслось: "И чтобы через пять минут всё было готово!".

Как это всё было знакомо Нельсону! Когда-то и он вот так же мучительно выбирал между розовым и красным и гонял своих подчиненных. Только он в таких случаях требовал, чтобы всё было готово не через пять, а уже через три минуты.

Они подошли к кабинету Чарльза и Чейза, девушка открыла ему дверь и улыбнулась, взглянув ему в глаза, Нельсон ответил ей всё той же снисходительной усмешкой и вошёл в кабинет.

Глава пятая

Нельсон вошёл в кабинет и слегка задержался на пороге, давая возможность Чарльзу и Чейзу рассмотреть его и оценить, так сказать, его материальный уровень. Он не собирался "выпендриваться" перед ними. Это были друзья Сары, она ценила их дружбу, дорожила ею.

Честно говоря, когда они с Сарой жили в её маленькой квартирке на третьем этаже, её друзья его страшно раздражали, появляясь всегда некстати. Но они заботились о Саре, помогали ей до последней минуты. Нельсон понимал, что теперь они хотят позаботиться и о нём. Ему это было не нужно, но он решил потерпеть.

Увидев Нельсона и оценив стоимость его одежды, Чейз просто обалдел, его глаза округлились от удивления. Но Чарльз успел бросить на него предостерегающий взгляд, и Чейз в последнюю минуту сумел притормозить свой вопль. Но он был в шоке!

Нельсон, взглянув на него, усмехнулся, прошел и сел за стол. Удивление Чейза не задело его самолюбия. Он чувствовал себя спокойно и свободно. Он уже сбросил с себя маску самоуверенности и стал тем Нельсоном, которого они когда-то знали. Нельсоном, который любил Сару и отказался ради неё от денежной работы, сулившей блестящие перспективы, и согласился жить в её убогой, малюсенькой квартирке из двух комнат. Но Чарльз и Чейз были уверены, что, похоронив Сару, он вернулся в мир рекламного бизнеса, сделал блестящую карьеру. И теперь хотели понять, почему этого не произошло.

Трое мужчин посмотрели друг на друга, не зная, с чего начать разговор.

- Знаешь, Нельсон, ты появился очень вовремя, - заговорил Чейз, самый общительный из них, - мы начинаем новый проект и нам нужен такой человек, как ты.

- Спасибо, но я откажусь, - спокойно ответил Нельсон.

- Почему? Это очень интересный проект и сулит очень хорошие деньги, - воодушевился Чейз.

Нельсон слегка поморщился и сказал:

- Мне нравится моя работа.

- Тебе нравится работа аниматора в детской комнате супермаркета, расположенного у чёрта на куличках? - не сдержался Чейз.

Нельсон улыбнулся и сказал:

- Ты не поверишь, но это очень интересная работа.

- И сколько копеек тебе платят за эту "интересную работу"?

- Мне хватает, - Нельсон вздохнул и, посмотрев на ошарашенных собеседников, решил добавить. - На самом деле, для того, чтобы жить нормально, требуется не так уж и много денег.

- Я смотрю, у тебя на руке нет кольца, - вступил в разговор Чарльз,

- Да, у меня нет семьи, поэтому мне и достаточно зарплаты аниматора, - Нельсон посмотрел ему прямо в глаза.

"Чёрт побери! - подумал Чарльз. - Неужели это тот самый Нельсон Мосс? Неужели это Сара сумела так его перевернуть?"

- Так, может быть, тебе стоит жениться и завести своих бэби, раз уж тебе так нравится с ними возиться, а самому заняться настоящей работой? - не мог успокоиться Чейз.

Нельсон поморщился, ему лень было отвечать на этот вопрос, который он очень часто видел в глазах окружающих его людей.

- Не можешь найти девушку, которая смогла бы переплюнуть Сару? - спросил Чарльз.

И все трое, даже Нельсон, улыбнулись. Да уж, Сара была такой женщиной, которую не так-то просто... переплюнуть.

Так трудно было поверить, что её больше нет с ними. На мгновение им показалось, что она присела рядом, положив локти на стол и глядя на них смеющимися глазами. Как будто не было крематория, рыдающих родителей, священника...

Но это всё было... Было...

Но видение Сары растаяло, оставив на их лицах только печаль воспоминаний.

Трое мужчин сидели в кабинете, осматривая друг друга. Между ними не было ничего общего, кроме воспоминаний о Саре. Но этого было достаточно.

- Может быть, мы обменяемся телефонами? - сказал Чарльз, протягивая Нельсону свою визитку. Тот взял её и механически положил в карман, и Чарльз понял, что Нельсон выбросит её в первую же мусорную урну, которую увидит в коридоре его офиса.

- Родители Сары спрашивали о тебе, - сказал Чарльз.

- Мы встречаемся с ними каждый раз в день Поминовения. Может быть, ты присоединишься к нам? - предложил Чейз.

- Как они? - спросил Нельсон.

- Сейчас лучше, - ответил Чейз. - Они так и остались жить на той ферме. Они же тогда продали свою квартиру и купили ферму, чтобы Сара могла гулять в лесу. Представляешь, она купила поросят и гуляла там с ними.

- Сейчас это уже огромные свиньи, - добавил Чарльз.

- Я их боюсь, они так страшно хрюкают, - пожаловался Чейз.

- А что, Сара запретила делать из них бифштекс? - улыбнувшись, спросил Нельсон.

- Конечно! - ответил Чарльз.

И они опять, все трое, улыгнулись.

- У меня визитки нет, - сказал Нельсон, - давай я тебе сейчас просто позвоню и сохраню твой номер телефона, а ты мой.

И он достал свой телефон, увидев который, Чейз чуть не расплакался.

Набрав номер, Нельсон взглянул на циферблат дисплея и понял, что ему пора уходить. Он вышел из кабинета, даже не взглянув на красивую секретаршу и устремился к лифту почти бегом. Он практически не выезжал за пределы района, в котором жил и работал, и теперь понятия не имел, как до него добраться. А брать такси еще раз было для него расточительством, которое он не мог себе позволить.

Но ему повезло, и он добрался до своего супермаркета вовремя. Когда он уже подъезжал к нему, ему позвонил Абнер.

- Привет, Нельсон, как твои дела?

- Всё в порядке. А как ты?

- Нормально. Знаешь, я, оказывается, неправильно вчера тебе сказал про солому.

- Какую солому? - не сразу вспомнил Нельсон. - А, которую стелют? И что там с этой соломой?

- Там совсем другой смысл: надо заранее угадать, куда её постелить.

- Понятно, - улынулся Нельсон. - Слушай, Абнер, ты не мог бы зайти ко мне, покормить Эрни, а то я не успеваю.

- Ладно, зайду.

Нельсон отключил телефон и выскочил из троллейбуса. Но телефон зазвонил снова, и Абнер спросил:

- А можно я зайду к тебе вместе с Молли?

Бедный Нельсон чуть не споткнулся, настолько отчетливо перед ним встало видение матери Абнера с грозно нахмуренными бровями. Нельсон замер на месте, бросил на видение успокаивающий взгляд и сказал:

- Хорошо, приходи с Молли...

Мама Абнера погрозила ему кулаком, и Нельсону захотелось прочитать Абнеру какую-нибудь нотацию. Что-нибудь типа "Правила поведения на первом свидании". Он не стал этого делать, но далось ему это с трудом. "Оказывается, вот как родители превращаются в унылых зануд", - сделал он для себя маленькое открытие и вздохнул. Нельсон уже давно осознал свою ответственность за формирование характера Абнера. Он чувствовал, что каждое его слово прямо-таки впечатывается в мозг подростка. Он понимал, что стоит у истоков юной, расцветающей личности, и от него зависит, как будет происходить её развитие.

Нельсон снова вздохнул и сказал себе, что обязательно додумает эту мысль вечером и вошёл в свой супермаркет.

Джек уже ждал его, поглядывая на часы.

- Нельсон, - закричал он, увидев напарника, - ты почему так поздно? Я сегодня как раз тороплюсь.

Насчёт "сегодня" Джек слегка преувеличил, уйти с работы он торопился всегда.

- Между прочим, у меня есть еще пять минут, - усмехнулся Нельсон.

- Но тебе еще надо переодеться, - Джек чуть ли не подпрыгивал от нетерпе-

ния. - Давай быстрее, я опаздываю.

- Успокойся, я сегодня не буду переодеваться, - сказал Нельсон.

Честно говоря, работать в костюме медведя - это была его идея. Первое время он все-таки немного смутился тем, что работает аниматором в детской комнате. Эта работа подвернулась ему случайно, он согласился на неё, потому что ему нравилось общаться с Абнером, помогать ему. И он решил попробовать. Временно. Пока не найдет чего-нибудь другого.

Костюм медведя помогал ему не только скрыть своё лицо от знакомых, но и свои чувства. Первое время ему всё-таки трудно было улыбаться, и взгляд у него был мрачноватый для человека, играющего с детьми.

Но эта работа помогла ему выйти из того ступора, в котором он находился, и снова зацепиться за жизнь.

Он еще в троллейбусе, когда возвращался из офиса Чарльза и Чейза, решил, что пришло время, когда он сможет обойтись без костюма медведя.

- Ты больше не будешь надевать костюм медведя? - удивился Джек.

- Но ты же работаешь, не переодеваясь. И потом... летом в нём ужасно жарко.

Вдруг лицо Джека изменилось, он уставился на что-то, находившееся сзади Нельсона, и глаза его наливались яростью. Нельсон обернулся посмотреть, что там так его разволновало.

Мейсен!

Ну, конечно же, это был Мейсен, который стоял, уцепившись за мамину юбку, и глядя на них своими бедовыми глазами.

- Мисс, - сказал Джек, зеленея от злости, - сколько раз мы вам говорили, что наша детская комната только для тех, кто приходит сюда за покупками.

- А разве ваша смена еще не закончилась? - ответила ему вопросом мама Мейсена.

"О! Она даже выучила моё расписание! Я становлюсь популярным", - подумал Нельсон.

- Да, - звонким голосом проверещал Мейсен, - ваша смена кончилась. Где медведь?

- Сегодня я вместо него, - Нельсон присел на корточки и посмотрел на мальчугана.

- Ты? Ты будешь вместо медведя?

- Тебя что-то не устраивает?

- Да. Меня не устраиваешь ты. Медведь лучше.

"Да, законы жанра! Придется снова надевать этот костюм", - подумал Нельсон и сказал Джеку:

- Пойду, переоденусь.

- Давай быстрее, - ответил ему Джек, не сводя глаз с Мейсена.

Нельсон отправился переодеваться, но как только он вышел из комнаты, за спиной его раздался грохот и яростный вопль Джека: "Мейсен!".

"Ну, сегодня тут будет весело" - подумал Нельсон, ускоряя шаги...

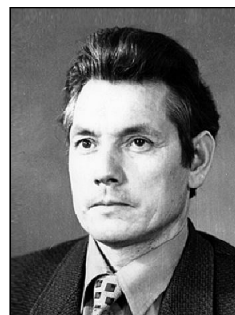


Владимир ЧЕКУШКИН

Песенные похождения Мадьярского чуваша

Чекушкин Владимир Иванович (р. 21.07.1936, д. Полевые Шигали Батыревского района) - доктор философских наук, профессор (1986). Автор около 100 научных и публицистических работ, в т.ч. 6 монографий по философским проблемам личности. Исполнитель и популяризатор чувашских песен.

Заслуженный работник культуры Чувашской АССР (1977), заслуженный работник культуры РСФСР (1984). Награжден медалью ордена «За заслуги перед Чувашской Республикой». Лауреат премии Комсомола Чувашии им. М.Сеспеля (1984).



*ЧЕКУШКИНУ В.И.
советнику Президента Чувашской
Республики, г.Чебоксары*

Уважаемый Владимир Иванович!

Позвольте поблагодарить Вас за Вашу книгу, присланную мне в подарок. Мне приятно, что Венгрия и ее народ стали для Вас близки и дороги, спасибо за теплые слова о моей и ее культуре.

Особенно приятно, что Вы не понаслышке знакомы с Венгрией, а сами побывали нашим гостем и увидели страну изнутри, познакомились с повседневной жизнью и богатыми традициями нашего народа, выучили и включили в свой концертный репертуар не только венгерские народные песни, но и образцы венгерской оперной классики, дорогие сердцу каждого венгра. Примите пожелания дальнейших успехов в Вашей разносторонней деятельности, здоровья, семейного счастья и благополучия.

Москва, 10 декабря 2001 года.

С уважением -
д-р Эрнё, Кешкенё, Чрезвычайный и Полномочный Посол
Венгерской Республики.

В дальних поездках с чувашскими песнями меня всегда сопровождают два Человека с большой буквы - Н.В.Никольский и Сеспель Мишши. "В своей песне, - писал первый редактор ключевой чувашской газеты "Хыпар", известный ученый Н.В.Никольский, - чуваш поднимается до истинно гуманных взглядов на жизнь, углубляется в себя самого, в свой внутренний мир и рассматривает философски то, что его окружает".

Когда пою чувашские песни за рубежом, я всегда думаю: не про меня ли это сказано? Ведь я неизменно так и поступаю, как Никольский постигал миропонимание чувашского певца. Знаю и о том, что он собирал чувашские народные песни. Его научный архив составляет аж 290 томов. В каждом из них 200-300 страниц! В любой народной песне, которую я пою, есть и моя душа, окрыленная

славными словами Н.В.Никольского. Они мои друзья и в горе, и в радости. Крылья в жизненных полетах, эмел* исцеления в невзгодах. Через них стараюсь раскрывать судьбу своего народа.

Как завещал Михаил Сеспель, пересек я океаны, чтобы "чуваш с его песней с земли широкой не исчез".

...15 июня 1922 года... Жители деревни Старгородок, что под уездным городком Остер, наверное, в этот вечер легли поздно. Потому что на следующий день они, как христиане, должны были следовать народному предписанию: "...Ложись спать рано, а приглядывайся, откуда ветер дует: тянет ветер с востока - яровому хороший рост; и южный приносит рост яровых хлебов; с северной стороны - будет день ясный; холодноватый ветер - может быть градовый дождь; с юга или запада - ненастье надолго..." А ветер, наверное, был теплый - с самой Волги, с земли чувашской... Утром вышел пожилой мужчина из дома, осмотрелся вокруг и засеменил в рощу проверить: не поспели ли липовые цветочки для целебного чая. И неожиданно увидел: на первой ветке старой липы висело тело исхудалого юноши в старой вышитой рубашке. Побежал к односельчанам. По-христианскому поверью, нельзя было руками трогать повесившего человека. Кто-то принес лопату. Вырыли яму. Кто-то сбегал за длинными ножницами. Чуть выше головы срезали веревку. Как упало тело, так и зарыли его сырой землей... Это был Сеспель Мишши...

У могилы Михаила Сеспеля пел я чувашскую народную песню:

"...Ах ты, липа, липа вековая,
Что хранишь молчанье, сердце разрывая?"

Он же просил:

"Вы друзья мои, придите
К насыпи моей,
Надо мною песни спойте,
Песни новых дней..."

Чувашские народные песни исполнял перед родным народом многие годы. Пел на Украине и в Белоруссии, в Латвии и Эстонии, в Грузии и Киргизии, во многих городах России, перед неисчислимыми слушателями Венгрии и Чехии, Польши и Словакии, Ирландии и Германии, Испании и Моравии, Америки и Индии...

А венгерские песни я пел без акцента. "Проверялся" самими венграми, будучи командиром строительного отряда чувашских студентов. Наш студотряд был первым, выезжавшим из Чувашии за рубеж. Комиссаром отряда был Алексей Кряжинов, ныне известный журналист. Он так перестарался, что по его "вине" мы в Будапешт прибыли на сутки раньше и глубокой ночью. Что было делать? Не знаем, как и на чем добираться в город Эгер. Не зная ни единого венгерского слова, без знакомых, с тяжелыми чемоданами да сумками блуждаем по ночному Будапешту. Конечно же, не до его красот. Еле-еле волоча ноги, дошли до вокзала, с которого можно было доехать до заветного центра Хевешской области - в город Эгер. В три часа ночи с горем пополам мы втиснулись в вагон и стоя ехали до восьми часов утра.

Нашей работой и жизнью постоянно интересовались ответственные работники Хевешской области. О каждом из нас было рассказано в областной газете, вен-

*Эмел (чув.) - лекарство.

герское телевидение организовало специальную передачу о нашем строительном отряде. Работа чувашских студентов нашла свое отражение и в газете "Правда", материал об этом был прислан нам из Будапешта.

Жили мы в Эгере. Это - старинный и очень красивый город. Его имя связано с героической и славной историей венгерской нации, ее борьбой за свободу и независимость. Бессмертные стены Эгерской крепости свидетельствуют, как еще в начале двенадцатого века горстка мадьяр героически отражала натиск многотысячной армии турецкого султана. Эгерцы свято берегут старинные памятники и достопримечательности. Кстати, в Эгере впервые в мире было создано общество по охране исторических памятников.

Первая группа стройотрядовцев работала на бетономешалке, выполняла монтажные работы и организовывала подачу цементного раствора на строительные объекты. Этой группой руководил бригадир бетонщиков Карой. Он опытный специалист, уже 17-й год работает на различных стройках. Кроме того, очень хорошо играет на скрипке. В перерывах на обед он развлекал нас венгерскими мелодиями. Другим нашим "начальником" был Йожеф. Он с группой студентов доставлял на тракторе бетон, разные стройматериалы и тем самым обеспечивал бесперебойную работу строителей. Однажды Йожеф поведал, как его, малыша, обогревали, "катали на танке советские солдаты..." Или оттого, что еще в раннем детстве наши воины заронили в его душу большую человеческую любовь и теплоту, или он просто, как наставник-строитель, был особенно привязан к нам, он стал самым дорогим другом для каждого из нас.

Конечно, мы не знали венгерского языка, наши наставники плохо понимали по-русски, но трудолюбие и ответственность, непосредственность и простота наших студентов помогли быстро завоевать симпатию рабочих. На помощь приходили и душевные русские, венгерские, чувашские песни. Они меня научили петь венгерские народные песни, которые впоследствии вошли в мой неременный репертуар. К отъезду я без акцента пел венгерские "Таваси сел", "А каради", "Модарка" и другие. На прощальном вечере, где мы были приняты в почетные строители Венгрии, я уже выступил с сольным концертом из чувашских, русских и венгерских песен.

Мне улыбнулась удача работать с венгерскими студентами на сооружении Чебоксарского завода промышленных тракторов. Студенческий строительный отряд имени Мате Залки возглавлял на Тракторострое ассистент Эгерского пединститута Тивадор Вайс. А я выступал в роли их чувашского наставника-куратора.

...Прессово-сварочно-сборочный корпус. Самый крупный и самый ответственный объект стройки. Чем скорее он будет сдан в эксплуатацию, тем быстрее страна получит промышленные тракторы. Это хорошо понимали и венгерские ребята. В отряде трудилось 20 человек. За смену надо было уложить сорок кубометров бетона. Работа нелегкая. Не всегда послушен бетон, особенно нежным девичьим рукам...

Были трудности. Нежданно, негаданно возникала неразбериха. Своевременно не привозили бетон. Мои уговоры не помогали. И вот приглашает меня опытный строитель и говорит: "Сынок, ты свои требования прикрывай матом, тогда все будет в ажуре". В общем-то я знал народную присказку о том, что жизнь – как шахматы: в правительстве регулярные рокировки, в народе - сплошной мат. Но

все-таки около суток тренировался. С утра стал "бомбить" диспетчерскую: "Вы, что там ...(м), хотите...(м) международного скандала...(м)?" Через часа полтора-два вереницей подъехали самосвалы... Пришлось даже некоторые отправлять обратно незгруженными...

По итогам соревнования венгерский строительный отряд среди одиннадцати студенческих отрядов, работавших на Тракторострое, занял третье место, а на лагерном фестивале дружбы - первое место. Они пели не только свои песни и показывали танцы. Удивили всех тем, что почти без акцента исполняли чувашские народные песни: "Зачем выйти на улицу, коль ты не целуешься", "Пока пиво не поьем, не уедем". Чувашским песням их учил петь автор этих строк, а они "дрессировали" меня венгерскими мелодиями.

...Красный уголок интернациональной дружбы в лагере "Тракторострой". Букеты цветов. Пожелтевшие от времени исторические документы. Здесь собрались студенты Чувашского госуниверситета и Эгерского пединститута на торжественный вечер памяти пребывания в Чувашии Мате Залки - замечательного сына венгерского народа.

Бела Франк - настоящее имя Мате Залки, погибшего в Испании в бою с франкистами как генерал Лукач. Учился он в деревне Матесалка. Заменяя порядок слов для писательского псевдонима, он и стал Мате Залка. В 1915 году, будучи на курсах офицеров запаса, в городе Эгер встретился со своей первой любовью - Региной, сыгравшей исключительно важную роль на его жизненном пути.

Первая мировая война. Хабаровский лагерь для военнопленных. 14 апреля 1918 года в 5 часов вечера Мате Залка, еще 29 офицеров Венгрии и два денщика погрузились в вагоны и едут на родину. "Едем домой, - записывает он в дневнике. - Глубоки и трогательны чувства, которые влекут меня к тебе..."

Путь длинный. Поезд идет медленно. Есть время для дневника. Позади Урал, покинули Азию. 8 мая уже в Самаре. И тут появляется запись: "Отчизне не нужны ее сыновья! Родина отказывает в приюте, братья отворачиваются друг от друга..."

Все надежды рушатся. Домой нельзя. Монархия не принимает военнопленных. Эгерскую возлюбленную Регину больше никогда он не увидит. Второй его родиной становится Россия. Первым важным делом явилось то, что он со своими земляками-бойцами доставил из Красноярска в Казань многомиллионное сокровище - золотой фонд Русского Государственного банка, отобранное у адмирала Колчака... "Мы - интернационалисты, - писал тогда Мате Залка, - но любовь к родной земле живет в наших сердцах, как первая любовь. Если не любишь свою родину, землю, которая тебя взрастила, небо, село, родную отчизну - ты не можешь по-настоящему понять интернационализм, отношения с другими народами. Без этого интернационализм - пустое слово".

Я на родине Мате Залки с песней. Вдали от Родины. Вот лесной массив в окрестностях города Эгера. Усталые лучи уходящего солнца прощаются с одинокой могилой на маленькой поляночке. Минута молчания. Возлагаю цветы. Беру горсточку чужой земли, политой кровью минувшей войны. За освобождение венгерской земли от фашистских завоевателей погибло 202 тысячи наших воинов. Из них только 80 тысяч имеют могильные плиты...

Могила одна на двоих. Рядом с прахом юноши находится тело немецкого офи-

цера. Две смерти вместе. На чужой земле. Первый пришел спасти эту израненную землю, отдал ей все, что смог... Другой хотел поработить, растоптать ее. О нем позаботились сами немцы. Висит памятная надпись с вычеканенными буквами. А на сторону праха нашего солдата легли только мои лесные цветы...

Недалеко, в домике лесника, доживал свой век дед Ференц. Он очевидец боя "местного значения". Выкопал могилу и похоронил врагов вместе, "сама земля их помирила..."

Может, молодые следопыты, родственники, друзья давно ищут этого рядового солдата. Он умер от тяжелых ран на руках венгерского старика. Успел сказать свое имя: "... Никита Лебедев, 22 года, радист..."

Моя минута молчания. Думаю о родной земле, о тех состарившихся матерях и поседевших невестах, до сих пор ждущих своих сыновей и любимых. С болью в душе говорю мысленно последние слова: "Спи спокойно, Никита Лебедев, воин-освободитель! Жизнь твоя не прошла даром, кровь твоя пролита не напрасно. Я, твой соотечественник, пришел по твоей же бессмертной дороге. Только не с винтовкой, а с песней"...

Перед венграми пою чувашскую солдатскую песню. Ее посвящаю Никите Лебедеву...

На поляне стоит старая липа,
Подумалось: "Это же моя мама",
Но она все промолчала,
Меня "сыном" не звала...

Думаю о Никите Лебедеве и вспоминаю отца, также погибшего на войне. Мама собралась умереть. Говорю ей: "Не умирай, мама, не умирай, вот разыщу могилу отца, доставлю землю, политую его кровью, и положу на крышку твоего гроба..." Но мама этого не дождалась. Я сам заболел тяжелым инсультом... Сын Сергей нашел могилу деда и поставил ему памятник в селе Широкое Воронежской области... Освободили село, а села-то нет. Оно сожжено. На виселицах сельчане. На обгоревшей и политой людской кровью земле расцвел первый цветок... Никто его не посмел сорвать. Стоял и провожал бойцов на запад, охраняя покой погибших Освободителей. Среди них был мой отец... Когда думаю о нем, невольно сердцем воспринимаю сокровенные слова Расула Гамзатова:

...Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей...

...Будапешт. По-моему, я забыл, что в гостях у венгров. Да, думаю, устроился ты, Чекушкин, неплохо. Хорошо поешь, но вот где сядешь сегодня? Пора бы и вставать. Но не хочется. Кажется, я зазнался после бурных аплодисментов на вчерашнем концерте. Однако ослабляться негоже, раз ты навеки подружился с песней. В раздумьях, как лучше петь, так и не смог заснуть. Конечно же, не выпался. Как же мне встретить новый день вдали от Отечества? Так, прежде всего везде встречают по одежке. Наряжусь в национальный костюм. Белые брюки, белый халат (не медицинский, а чувашский), белые сапоги с национальным орнаментом. Красная рубашка и пояс с вышивкой. Шобор и гармошка при себе. Эта так называемая внешняя форма. А само пение? Когда учился в аспирантуре ин-

ститута философии АН СССР, с большим рвением посещал занятия вокального коллектива Дома ученых. Страстно хотел учиться пению. Нашим шефом был великий певец Сергей Яковлевич Лемешев. Он утверждал, что образ песни выше голосоведения. Певец спел три-четыре куплета, и вся жизнь человека предстает пред тобой. Вот некоторые его другие советы: "Фантазия - лучший друг певца", - говорил он мне и учил создавать образы песни. "Совершенно закалять певческий аппарат невозможно, придерживайся строго режима". Соблюдал. "Надо оставить неважных педагогов пения". Уходил от таковых. "Чтобы хорошо петь, надо иметь доброе сердце". Старался никому не причинять зла. Мне делают зло, а я отвечаю добром, нельзя же приумножать зло.

Чтобы стать хорошим певцом, надо согласиться и с высказыванием К.С. Станиславского: "Если... слово не связано с жизнью и произносится формально, механически, вяло, бездушно, пусто, то оно подобно трупу, в котором не бьется пульс..." Сергей Яковлевич Лемешев говорил мне: "Володя, вроде правильно поешь, но неверно". И я пытался точно реагировать на замечания великого певца.

Вот ведущая объявляет: "Уважаемые зрители, для вас приготовлен сюрприз. На сцену приглашаю того-то и такого-то". Это про меня. Ну, думаю, знай наших! А у самого - душа в пятках. Хорошо, что шобор со мной. Сколько раз ты меня окрылял на возвышенные поступки во имя родной песни! Сколько раз возвеличивал мой древний народ своим чарующим звучанием, идущим из глубины столетий! А давненько ль это было, что я впервые тебя вынес на главную сцену Кремлевского дворца? Как же воспримут добрые венгры чувашскую песню? При поддержке друга-шобора спел "Нет ничего дороже моей песни". Может, потому, что я гость сцены, слушатели с восторгом принимают мою песню. Не зря прошел конкурсный этап. Вспоминаю. Идет строгий отбор участников, выступающих на концертах за рубежом. Чуть не провалился перед высокой комиссией. Генеральная репетиция, лучше сказать, сдача программы. Я готовил "венок" из чувашских народных песен. Завершал его свадебной песней с высокой красивой ферматой на ноте "ля". Есть что показать. Начал хорошо. Краем глаза вижу: комиссии нравится. Вот перешел на завершение - звук надо тянуть. Но тут-то случилось непредвиденное. Пропал голос. Кто-то меня надумил перед этим, что для звучания голоса очень полезен лимон. Я уже "со знанием дела" купил в буфете лимон и без остатка его съел. И высосанный цитрус к концу пения высушил мои голосовые связки. Ну, я "перехитрил" членов комиссии за секунду. Вместо длинной ферматы нашел междометие-выручалочку: "Эх!" Оно отразило как мое огорчение, так и финал своего номера.

Какие же песни я привез в Венгрию? О чем пою?

Вот колыбельная. Всегда пою старинную чувашскую колыбельную с большой взволнованностью и трепетом. Всесоюзная фирма "Мелодия" в моей обработке и исполнении выпустила гигант-грампластинку с 16-ю чувашскими народными песнями. Одна из них - колыбельная. В Шаймурзинской средней школе Батыревского района мне было приятно слышать о том, что на уроках музыки первоклассники засыпают под мелодию этой песни.

В Белоруссии пел "Спи, дачушка", а в Испании - колыбельную "Дуэрме миньо дуэрме". Мне не дает покоя колыбельная, услышанная от индийской матери. Недалеко от гостиницы рядом с тротуаром и днем и ночью сидела измученная моло-

дая женщина: кожа да кости. Ослабевший от недоедания ее малыш, который не умел еще говорить, увидев проходящего мимо человека, протягивал маленькую ручонку. А дочка, четырех-пяти годиков, повзрослевшая от беды, босая бегала рядом с туристами до самой гостиницы, показывая на свой ротик, умоляла подать что-нибудь поесть... Ах! Мало кто обращал на них внимание. Таких несчастных на каждой улице десятками... Взял я свою буханку чувашского хлеба и пошел к ним. Положил на обрывки газеты. Мать дремала. Девочка радостно вскрикнула. Женщина очнулась. Со слезами потянулась к моим ногам... Утром, когда уезжал, со стороны неприметно наблюдал: хлеб еще чуть-чуть оставался. От жары стал сухариться. Малыш ручонками собирал крошки хлеба с ладони матери и постепенно засыпал. А она тихонько для своего ребенка пела индийскую колыбельную...

1 июня - День защиты детей. В этот день в 1979 году я отважился выступить с сольным концертом в деревне Чуваши-Сугуты Батыревского района в Фонд помощи детям-сиротам, пострадавшим во время войн и стихийных бедствий. С песнями в защиту детей и мира я побывал во всех районах республики. Дал более 400 концертов. За эти благотворительные концерты не брал ни одной копейки. Все отдавалось сиротам. Тогда меня от Чувашии избрали членом Фонда мира СССР и в разное время вручали всякие награды, в том числе серебряную и золотую медали. В журнале "Век XX и мир", выходящем на русском, английском, французском, испанском и немецком языках, было рассказано о моих чувашских песнях, да и сам в восьмом номере журнала (1981) опубликовал статью под названием "Минута молчания". А в "Настольном календаре", выпущенном издательством политической литературы тиражом 750000 экземпляров в связи с 40-летием Победы над фашизмом, опубликовали мою статью "Пою о мире". Вот выдержка из нее: "...Пишу эти строки, а рядом лежит пожелтевшая от времени открытка с солдатским штемпелем "бесплатно". Дата - 30 августа 1942 года. Это - последнее письмо отца.

К письму деда тянется маленькими ручонками моя дочка. Нет, никак нельзя допустить, чтобы детство ровесников дочери было последним детством человечества!.. Своим личным оружием я считаю песню..."

В моем репертуаре: трудовые, лесные, солдатские, свадебные и другие песни, рассказывающие о жизни своего народа. Чувашские профессиональные композиторы мне говорили: "Народные песни пойте, когда находитесь в гостях, а не на сцене..." Выступал и в прессе, защищая народную песню. В мае 1982 года в журнале "Ялав" (№5-631) опубликовал статью "Где же народная песня, где же наш шобор?". В 2002 году Василий Максимов выпустил основательную книгу под названием: "Как ты хороша, родная Шемурша". В предисловии перепечатана моя статья. Через 15 лет... Стало быть, она и со временем не потеряла свою жизненность.

...Вечер дружбы в студенческом лагере под Будапештом. Я уже исполнил "музыкальную радугу" из чувашских песен. С неподдельным (так мне самому привиделось) юмором пою венгерскую народную песню "У околицы".

Просят петь второй раз. Ну что ж? Это меня только подзадорило. Изменяю чуть мимику, сценическое движение и давай... Что такое? Публика меня не отпускает. Я начинаю петь третий раз. На ходу ухитряюсь переставлять куплеты. А там такие слова: у околицы открылся базар. На продажу выставлены были женщины. За одну просят сто форинтов. По нашему - около семи рублей. Но, если бы

запросили тысячу форинтов, женщины все равно были нарасхват. В следующий раз продаются мужчины. Одного можно поменять на жареную картошку. Но кому они нужны? Все валяются без спроса у околицы... И вот я меняю слова "леань" (женщина) на "лэгэн" (мужчина), и песня приобретает иной шуточный смысл. Думаю, исчерпал свои творческие возможности. Но зал, как бы это сказать поскромнее, ну, вообще, опять на «бис»... Наверное, зрительницы помышляют, что же я еще выкину. Пою четвертый раз. О женщинах - с украдкой, на пианиссимо, мол, мне они недоступны, а мужчин персонифицирую - как последнего деревенского алкаша.

Кончилось тем, что студентки меня «умыкнули». Они держали меня в своем "девишнике", где мне было очень уютно и весело. Члены оргкомитета фестиваля искали меня долго. А нашел незабвенный друг Ласло Немет и вытащил меня на "божий свет". Да... Веселился я с венгерскими красавицами, забывая о печали. А печальная статистика говорит о том, что из 27 партизанок и подпольщиц, присвоенных звания Героя Советского Союза, 22 награждены посмертно, из 16 представительниц сухопутных войск - 13 посмертно. Всего за подвиги в годы Великой Отечественной войны 90 женщин стали Героями Советского Союза, более половины из них были удостоены этого почетного звания посмертно. Среди них есть и те, кто освобождал Венгрию от фашизма... Единственная среди Героев иностранка - стрелок роты автоматчиков 1-й Польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко Анеля Кживонь. Она погибла 12 октября 1943 г., спасая раненых бойцов. 11 ноября 1943 г. ей посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Последний раз в истории СССР 5 мая 1990 г. "Золотой Звездой" была награждена Екатерина Демина (Михайлова) - санинструктор 369-го отдельного батальона морской пехоты. Как-то она рассказывала о том, что их поезд около Бреста был разбомблен в день начала войны 22 июня 1941 года вражеской авиацией. Ей запомнилась навсегда, как женщина, спасая своего ребенка, погибла, а дитя осталось жить, и сосала окровавленную грудь погибшей матери...

Я - участник международного фестиваля в Венгрии. А центром подготовки делегации нашей страны был город Львов. Для львовчан был организован большой концерт в оперном театре. Мне до сих пор кажется непонятным тот факт, что в программе была единственная украинская песня. Она называлась "Нич яка місячна". И исполнял ее чуваш. Сегодня Львов - центр "украинизации" всего дозволенного и недозволенного, а тогда концерт состоялся по сценарию львовчанина, а украинскую песню спел только я. Участники фестиваля были приглашены в гости в венгерские семьи. Автору этих строк посчастливилось быть гостем в семье Имре Дравицки. Он работает преподавателем философии в Дьендешском филиале Будапештского университета. Доктор философии. Редактор ежемесячного общественно-политического журнала. Между нами потом установилась переписка. В своем журнале напечатал мою статью об истории Чувашии.

Вечером в городском парке состоялся концерт дружбы представителей двух народов. Мы встретились со своими добрыми знакомыми - участниками ансамбля "Видроцки", который выступал в Чувашии. До глубокой ночи лились чувашские, венгерские, русские песни, плавные чувашские пляски сменялись венгерскими хороводными танцами.

Направляемся в столицу Хевешской области - Эгер. Автобус набирает высоту,

начинается возвышенная часть Венгрии - гора Матра. Подъезжаем к самой вершине страны - горе Кекеш. Она поднимается над уровнем моря на 1015 метров. Здесь прощаемся с дзеньдешскими друзьями. У вершины горы, посреди девственного букового и дубового леса, расположены дома отдыха и санатории. Эти места знамениты не только прекрасными курортами. Здесь был центр партизанского движения в годы минувшей войны.

Напротив Матры расположена гора Бюкк (здесь была найдена стоянка первобытного человека). Между этими горами раскинулся на редкость богатый архитектурными, историческими и культурными ценностями город Эгер. Направляемся к памятнику нашим воинам. На главной площади города собрались тысячи горожан. Духовой оркестр играет траурный марш Ференца Эркеля. К памятнику погибшим возлагается венок от чувашской делегации.

Недалеко от памятника - зеленая поляна. Здесь будет роща имени Воина-освободителя. Устремилась ввысь молодая березка, посаженная нами и венгерскими друзьями в честь первого фестиваля дружбы. Мирно шепчет зеленое дерево над павшими героями...

У меня состоялась интересная встреча с одним из почетных гостей фестиваля Василием Смысловым. В памятной книжке экс-чемпион мира по шахматам написал: "Рад встретиться на гостеприимной земле Венгрии. Я с большой любовью вспоминаю о своем пребывании в Чувашии и желаю вновь встретиться с молодежью республики, которая достойно представляет Родину на фестивале дружбы. С любовью В.Смыслов". Познакомились с помощью песни. У него великолепный баритон, а я тенор. Судя по аплодисментам, мы хорошо с ним исполнили дуэт Михаила Глинки "Не искушай меня без нужды" и венгерскую песню "Таваси сел".

Финансовые чиновники из оргкомитета фестиваля нас предупредили: "Обменные гроши будете бросать с поезда. Спешите их отоваривать!" В городе Эгере нам дали час свободного времени. А обед состоится в подземном ресторане в 14 часов. Уверенный в знании города и похваставшись этим перед своими товарищами, я побежал в дальние магазины. Ничего путного, естественно, не нашел. Купил два семейных одеяла. Оказалось, в своем отечестве они стоят два раза дешевле. Скоро наступает время обеда. Аппетит разогрелся аж до пятки. Утром, узнав, что ожидается плотный обед в ресторане, ограничился бутербродом и чашкой кофе. Но что это такое? Уже проходят 15, 25, 40 минут. Никак не могу найти указанное место. Ошалело кручусь по центру города. Ну вот он - заветный вход в подземелье. По лестнице вразвалочку поднимаются довольные отличным обедом мои товарищи. И команда: "По автобусам!" Не солоно хлебавши, голодный, сажусь в "Икарус". Трогаемся. Направляемся на свадьбу в деревню Микофалга Фузешабоньского района. Путь неблизкий, но голодный желудок утихомирился. Там-то уж покормят зазнавшегося чуваша. Однако надо терпеть еще целых два часа.

Приехали. Национальными ритуалами нас приветствует вся деревня. Но опять двадцать пять! Никто нас не приглашает за стол. Злюсь: что за это такая традиция? Все гости должны пройти пешком до дома невесты. Идем полтора километра по улице. Дошли. У входа в дом преподносят только палинку. Это то, что к градусам нашей водки еще необходимо было бы прибавить 20 градусов: считай, чистый спирт! И никакой закуски, кроме соломинки. Если выпью, тут же упаду... Вот и здесь, среди всех приглашенных, конечно же, я самый "несчастный". Поче-

му? Не могу хотя бы капельки спиртного глотнуть. Пение для меня это - святое в жизни. Выступаю ли я в Мадриде или перед работниками Сундырского райпо Моргаушского района, в Трехбалтаевской животноводческой ферме Шемуршинского района или же в Берлинском Дворце нации, в санатории "Кечхоби" Грузии или на арене стадиона в Будапеште, среди строителей транссибирской магистрали или сенаторов Америки - никогда перед выступлением в рот не брал ни капли алкоголя. Жаль, что этого не делают многие талантливые профессионалы. И рано уходят со сцены...

Терпи, Чекушкин, казак чувашский, успокаиваю себя, атаманом не станешь, так хорошо будешь петь. Терпи и жди, вот скоро пригласят за стол... Да, дождешься! Народ поворачивается обратно. Плечусь сзади. Идем уже к жениху. Вот, думаю, у него уж обязательно напоят и накормят. Наоборот, еще больше расстроился. Снова та же "змея"-палинка! Ну сколько можно испытать мой желудок? "Ничего, ничего, - говорю себе с лютою обидой на жениха, - вот скоро узнаешь все прелести нашей народной мудрости: "До свадьбы думал, что знаю невесту как пять пальцев. Но после оказалось, что все они у нее указательные".

Народ опять направляется к дому невесты. И там снова нас встречают этой проклятой палинкой... Шествуем обратно к жениху и оттуда - к невесте. Истоптали всю улицу своими фестивальными сапогами. То сюда, то туда. Сколько же можно? Неужели никому непонятно, что у меня от голода потемнело в глазах. Я потерял ориентир: на какой стороне невеста, на какой - жених. Про себе стал мурлыкать старинный романс: "Левая, правая, где сторона? Улица, улица, ты, брат, пьяна..."

Наконец то ли у невесты, то ли у жениха нас торжественно посадили за праздничный стол. И что же? Дали суп вроде бы с вермишелью. Через нее, как говорится, Чебоксары видать... Тарелку опустошил за какие-то секунды, вызвав невольный смех у соседа. Им оказался председатель кооператива. И он предложил свою порцию, что было воспринято с большой благодарностью и съедена. Такая же участь ожидала и тарелку вермишелевого супа соотечественника. Ну, вот подоспело следующее блюдо. Съел. Все. Ожил. Больше не осталось пустого места. Ах, какой конфуз? Оказывается, это было только начало показа кулинарного мастерства невесты. Вот новое блюдо, еще, еще...

Пишу эти строки, и вот меня позвали к внучке Соне. Тяжело больна. Вторые сутки ничего не ест. Как-то стараясь, чтобы у нее возбудить хотя бы чуть-чуть интерес к еде, я ей рассказываю о каверзном случае в Венгрии. А она мне: "А я зимой дружила с Русланом, сейчас весна - и мы поссорились. Как лето придет, соберу цветы и ему подарю..." Через час с небольшим внучку увезли на "Скорой помощи"... А давно ли она заставляла меня здороваться с любым встречным человеком?

Потешного в Венгрии было еще не раз. Но тогда у свадебного костра во втором часу летней ночи, на главной улице села состоялся наш концерт в честь венгерской невесты. После чувашской свадебной песни "Ой, милый Чудигас" я тихонько начал петь:

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж пойти теперь солдату,

Кому нести печаль свою?
...Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только летний теплый ветер
Траву могильную качал...

Пою со слезами на глазах... Однако же на сцене всегда держу в памяти высказывание великого Федора Ивановича. "Я пою и слушаю, действую и наблюдаю, - писал он. - Я никогда не бываю на сцене один... На сцене два Шалапина. Один поет, другой контролирует..." Песня завершается в тиши летней венгерской ночи:

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слез не сбывшихся надежд,
А на груди его светилась
Медаль за город Будапешт...

В Венгрии я пел и другие песни военных лет. Песня И. Дунаевского "Ехал я из Берлина". Пою, и как бы со мной те три с половиной тысячи сынов и дочерей чувашского народа, которые были награждены боевой медалью "За взятие Берлина". И командир пулеметного расчета старший сержант В.В. Васильев из Красноармейского района, и командир саперного взвода старшина А.И. Воробьев из Моргаушского района. Они за штурм фашистского логова были удостоены звания Героя Советского Союза...

И песня В. Соловьева-Седого "На солнечной поляночке" мне очень по душе. Когда хожу за белыми грибами за Волгу (неизменно хвастаюсь перед друзьями, что именно я - лучший грибник округа), нередко останавливаюсь на полянах. Ведь автор слов этой песни Алексей Фатьянов в 1941 году был здесь со своей частью и готовился к предстоящим боям с врагом. Не тут ли он написал проникновенные слова этой популярной песни?

Пел я и знаменитую Катюшу" М. Блантера вместе с венгерскими благодарными зрителями. Ту "Катюшу", которая неведомыми путями разошлась по всему миру: горячо подхватывалась то героями Итальянского сопротивления, то неграми на хлопковых полях Америки, то "поющими голосами" трудовой Японии. Ту "Катюшу", упоминание о которой наводило ужас на фашистских захватчиков.

...Поселок Муртыгит на Байкало-Амурской магистрали. Шел мой концерт. Вижу, как вразвалочку, в кирзовых сапогах, шапке-ушанке заходит в зал мальчик и "в спокойствии чинном" усаживается рядом с председателем поселкового Совета. Ему шесть лет. Так сказать, коренной житель. Миша подошел ко мне и сказал: "Хочу спеть "Катюшу". Поднял я Мишу над собой, и он запел: "Выходила на берег Катюша..." И весь зал ему подпевал.

...Наш прощальный концерт в Ирландии. И вот мы запели родную "Катюшу". Нами овладевало упоение, перед глазами стояла Родина. Мы думали о ней и пели про нее. И когда зазвучали: "Пусть он землю бережет родную, а любовь Катюша сбережет", - весь зал встал, и четыре тысячи зрителей, не зная ни слов песни, ни языка, с каким-то трудноописуемым воодушевлением стали вторить нам. Наш руководитель А. Г. Орлов-Шузьм повернулся и стал дирижировать всем залом.

А старый полотер, работающий при доме городского Совета, стоял в проходе и рыдал, целуя подаренные нами чувашские значки. Петь с нами "Катюшу" он не мог. Он был немым...

Я подготовил к фестивалю сольный концерт из чувашских и венгерских народных песен. Скрипач Сергей Кассиров создал трио музыкантов: скрипка, баян и гобой. С вдохновением занимались преподаватель музыкального училища имени Ф.П.Павлова Юрий Егоров и гобоист тетра оперы и балета Петр Кошкин. Они высокопрофессионально играли и произведения венгерских композиторов. Мы выступали не только в Чувашии. Но руководство республики в Венгрию нас не пустило: мол, "слишком дорого обходитесь"... Через некоторое время я выехал как гость эгерского кинофестиваля один. В Венгрии меня по договоренности ждали как певца. Приехал в Будапешт. Никто меня не встречает. Дежурный мою фамилию объявляет по вокзалу. Никто не подходит. Зато тут как тут появляется таксист: "Не расстраивайтесь, вам же недалеко ехать. Мигом подброшу!" Этот «миг» длился с обеда до вечера. Я проехал всю Венгрию, а в кармане ни форинта. Организаторы фестиваля в шоке. Что делать? Все средства на культурное обслуживание участников кинофестиваля отдают неугомонному таксисту, а я вынужден дать сольный концерт. И выступаю перед представителями 57 стран...

Меня пригласили с концертом в международный детский лагерь "Чиллеберц". Здесь отдыхают дети из 20 стран. Меня окружает ватага ребят. Завязывается дружеский разговор на разных языках мира. Дети есть дети, ни на минуту не оставляют меня в покое. Учат танцевать югославский танец и вводят в венгерский хоровод, изо всех сил, на все голоса стараются спеть нашу "Катюшу". Но вот диктор объявляет об открытии манифестации солидарности с чилийскими патриотами. Звучит песня пламенного певца Чили Виктора Хары, зверски убитого фашистами. "Песня - это как вода, омывающая камни, как очистительный ветер, - писал Виктор Хара в своей последней статье перед гибелью. - Но песня и пламя, объединяющее для борьбы, остающееся в нас, чтобы сделать нас лучше..."

Мне показалось, что выступил успешно и привлек интерес ребят. Но вот беда. Вечером за мной не прислали машину. Меня уложили спать в комнату с надписью "Гладильная". Две медсестры из Чебоксар предложили мазь от комаров. Я с признаками зазнайства: "Стоит ли обратить внимание на такие мелочи в жизни..." Вся комарилья была очень рада моим словам, и в отместку ночью на теле не осталось «живого» места. В этой "камере хранения" комаров надо коротать еще 5-6 часов. Что делать? Решено - найти чувашских медиков и взять у них эту спасительную мазь. Света нет. Все спят. Тихонько, кошачьим шагом пробираюсь к палатам. Была ни была, захожу в крайнюю. С края лежит вроде наша. Бужу. Батюшки! Она, увидев "насилльника", закричала, и вся ватага венгерских вожатых моментально проснулась и набросилась на меня. Моя дрожащая русская речь о "мази" несколько не действовала на венгерских красавиц, и я был прогнан с позором. Не солоно хлебавши, трусливо озираясь в темноту, добрел до родной "гладильной". Лежу. Уже не до бессердечных комаров. На них никакого внимания. Дай, думаю, помоюсь холодной водой на улице. Иду. А там две венгерские девушки шарахаются от меня и бегут в палату. Оказалось, залетел в дамский туалет. А утром уехал в город на автобусе вместе с венгерскими вожатыми. Но никто не здоровался, никто не разговаривал с "бабником". После обеда я должен был выступить с чувашскими и венгерскими песнями перед городским активом. Знаю много венгерских песен. Если чувашские народные песни являются для меня спутниками жизни, то венгерские мелодии - надежными попутчиками. У меня целых семь сборников с вен-

герскими народными песнями. Свою любовь Венгрии, ее людям я выразил в арии Банк Банка - из произведения основоположника национальной оперы Ференца Эркеля:

...Hazam, hazam, te tindenem,
tudom, hogy eletem
neket koszonhe tem.
Arany mezo k zust foluok...

Чувашские национальные инструменты, которые сопровождали мои песни, подарил историческому музею города. Руководитель Хевешской области Карой Вираг крепко обнял меня и в ответ подарил книжечку размером со спичечный коробок. В нем сердце Шандора Петефи, его бессмертные стихи. А вот и строки из стихотворения "Национальная песня":

Встань, мадьяр! Зовет отчизна!..
Где умрем - там холм всхолмится,
Внуки будут там молиться,
Имена наши помянут,
И они святыми станут.
Богом венгров покланяемся
Навсегда -
Никогда не быть рабами,
Никогда!

Поэт и национальный герой венгерского народа погиб в ходе битвы при Шегешваре (ныне Сигишоара) в Трансильвании 31 июля 1849 г. в стычке с казаками царской армии Паскевича. Общепринятое мнение о смерти Петёфи в сражении основывается на записи в дневнике русского полевого врача. Тем не менее, точные обстоятельства его смерти неясны по сей день, поэтому существует теория о его пленении и смерти в русском плену в Сибири.

С Карою Вирагом мы пели венгерские песни и в Чувашии. Как же это было?

...Капитан милиции меня строгой важностью предупредил: "Опаздывать нельзя!" Отвечаю: "Я - человек везучий. У меня же вот приглашение правительственное с печатью Верховного Совета республики по случаю юбилея Чувашии! В сию минуту сбегаю в университет, отпущу студентов и прибуду немедленно". Прибежал. Раздеваюсь. Горделиво и снисходительно протягиваю дежурному капитану милиции пригласительный билет: читайте, мол, завидуйте. Приводя волосы в порядок, высокомерно поднимаюсь в зал. Нежданно-негаданно на второй лестничной площадке меня останавливает лишенный улыбки мужчина и приказывает: "Вон, видите в конце коридора человека, напротив - комната. Вам следует идти туда!" Размахивание с гостевым свидетельством да печатью высшего органа власти республики только злило повелевающего. И я потопал к своему месту предназначения, ругая себя: "Тебе так и надо, будешь знать, как не надо опаздывать на правительственные приемы!" А наверху издевательски звенели бокалы...

Батюшки! Что это такое? В маленькой комнате теснятся ведущие певцы Чувашии во главе с самим Мефодием Ивановичем Денисовым. На столе тарелка с пирожками и две пустые бутылки из-под минералки. Вот так правительственный прием! Елки-палки! Все ждут момента "сугрева" руководителей и званых гостей - и тогда начнется их выступление. По очереди, установленной какими-то

высшими чиновниками. Гнетущая обстановка. Мужики не выдержали: собрали по три рубля и в магазин - за бутылкой...

Вызвали народного артиста России Мефодия Денисова. Спел и вернулся. Тут же его приглашают. Думаю, его-то уж посадят за юбилейный стол, как-никак - знаменитый певец, ветеран минувшей войны. Но нет же. Он опять ворочается в комнатушку. Добрая мать Космонавта-3 Андрияна Николаева догадалась пригласить выдающегося певца в коридор и вручить ему свои цветы. Все равно Мефодий Иванович ушел домой со скверным настроением. Он острее переживал такое унижение...

...Профессиональные певцы выходили друг за другом по знаку церемониймейстера и своим пением угождали подвыпивших высоких хозяев и дорогих гостей. Они стояли вдали от изысканной публики - между колоннами на сценке для ресторанных музыкантов - и пели. Ну, это не для меня. Вот слово держит первое «лицо» Хевешской области Карой Вираг. Не успели стихнуть аплодисменты, я выхожу со своим шобором и иду прямо к гостевым столам. Начинается чувашская свадебная песня. Не дав присутствующим времени на аплодисменты, прошу у Председателя Верховного Совета республики Семена Матвеевича Ислукова микрофон: "Я не раз был в Венгрии и сейчас в честь гостей из этой страны спою их песню о родине. Вот краткий перевод". И начал было переводить, тут Илья Павлович Прокопьев - видимо, страхуясь, кабы чего ни вышло - перебивает: "Не надо перевода". Я, естественно, не сдаюсь. Говорю: "Действительно, прав наш первый секретарь обкома КПСС, вообще-то в Чувашии почти каждый понимает по-венгерски". Начинаю петь венгерскую песню: "Ха кердик ки кюльте..." Карой Вираг дарит мне цветы, лежащие у его стола, и тоже запекает родную песню. Андриян Григорьевич искренне улыбается и аплодирует. Думаю, хоть теперь-то партийные хозяева наверняка посадят меня за юбилейный стол, куда я и был приглашен высоким венгерским гостем. Ан нет! Хорошо, что в кармане национального костюма всегда в запасе шохлич. Наспех вытащил его и с птичьим щебетом ушел из праздничного зала...

Уже в конце торжества мы с ведущей солисткой оперы и балета Зоей Андреевой медленно спускались по лестнице. Нас увидели Карой Вираг, разработчик космической техники, дважды Герой Соцтруда академик Владимир Челомей и Андриян Николаев. Поблагодарили нас за песни. Андриян Григорьевич подошел ко мне, и, обняв, с какой-то грустью сказал: "Таланты вы наши, таланты..." Это, прежде всего, видимо, касалось народной артистки России Зои Андреевой, так рано трагически ушедшей из жизни...

В Венгрии я был четырежды. Исколесил ее вдоль и поперек. Много песен знаю у этого замечательного народа. Венгрия как бы стала моей второй Родиной.



Атнер ХУЗАНГАЙ

Япония через призму Айги и дзэн

Окончил Восточный факультет Ленинградского государственного университета им. А.А.Жданова по специальности арабская филология и аспирантуру Института востоковедения Академии наук СССР. Кандидат филологических наук (1977). Преподавал в ЧГУ им. Ульянова, заведовал отделом языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук. Член Союза писателей СССР (1987).

Депутат Верховного Совета Чувашской Республики и председатель постоянной Комиссии по культуре. Кандидат в Президенты Чувашской Республики в 1991-1993 гг. В 1992-1997 г. - президент Чувашского национального конгресса (ныне его почетный Президент), с 1997-2002 гг. - первый вице-председатель Генеральной Ассамблеи Организации непредставленных народов и наций.



*Бывает, прислушиваясь к голосу
бамбука, слышишь и шепот сосны,
хотя она бамбуку не родня.*

Ясунари Кавабата

В Японии поражает все. Или почти все. Немного перефразируя Геннадия Айги, можно сказать: "Есть этот свет, есть тот, а есть Япония".

У этой японской поездки есть своя небольшая предыстория. В 2010 году в Чебоксарах стажировался сотрудник Центра славянских исследований университета Хоккайдо Масанори Гото. Осенью перед своим отъездом на родину он обратился ко мне с просьбой предоставить некоторые материалы об Айги с тем, чтобы использовать их при организации экспозиции выставки "Границы языка" или "Язык вне границ". Выставка должна была представить творчество авторов, пишущих на двух (билингвов) или более языках, то есть вышедших за границы своего родного языка. Ведь преодолевая пределы собственного языка, автор (поэт) выходит в



■ Чувашский парне директору центра.

иные миры (семантика возможных миров). Масанори уехал и через некоторое время попросил меня дать пояснение к тому, как соотносятся между собой поэтики чувашских стихов Айги и его русских текстов, чувашский Айги versus русский Айги. Я изложил свои соображения, отослал ему, а позже получил приглашение выступить на тему двуязычия (двойственной

ментальности) Айги с публичной лекцией в Центре славянских исследований университета Хоккайдо в Саппоро, а также в Токийском университете.

Сам Г. Айги был в Японии дважды. Первый раз в декабре 1997 г. вместе с композитором Софьей Губайдулиной. Помимо встреч, бесед и т.д. исполнялось ее сочинение на слова Айги "Теперь всегда снега". Побывал тогда поэт и в Саппоро. Второй раз Геннадий Айги попал в Японию в 2002 году для участия в работе Летнего токийского фестиваля.

... А потом случилась трагедия в Фукусиме: землетрясение, цунами. И я думал, что поездка уже не состоится. Но японцы никогда, как мне кажется, не отказываются от поставленных целей. А стихийные бедствия и их последствия они издавна привыкли переживать мужественно и достойно.

Словом, как бы с благословения самого Геннадия Айги мы со своей супругой Гаждимой оказались в Японии в июне 2011 года. Вечером 23 июня вылетели из Шереметьева и через 9 часов приземлились в токийском аэропорту Narita. Но нам нужно лететь дальше на север - в Саппоро. Окраинами города едем на автобусе в аэропорт Haneda. Два с половиной часа полета - и нас встречает Масанори, который во время всего нашего пребывания в Японии был нашим проводником и интерпретатором японских реалий. Устраиваемся в гостинице "Aspen", и из окна я успеваю "поймать" последний закатный луч солнца из-за гряды гор. А назавтра уже лекция... и я, честное слово, не знаю, как и о чем говорить. Масанори заранее предупредил, что слушатели будут самые разные, и помимо сотрудников Центра и университетских преподавателей, это могут быть простые горожане. В Университете Хоккайдо есть такая традиция - несколько раз в год проводить открытые публичные лекции для всех желающих. Поэтому мы с Масанори обговариваем примерный сюжет моего выступления (ему же придется все это синхронно переводить на японский для людей, многие из которых, может быть, имя Айги слышат в первый раз, при этом у меня под рукой только простые тезисы). Читать подготовленный заранее доклад всегда скучно и неинтересно. В ходе говорения возникают новые мысли, и потому надо оставлять место для импровизации. О чем я и предупреждаю Масанори.



■ Во время лекции.

Утром мы осматриваем место предстоящего действия. Вступаем на территорию университета Хоккайдо, который находится в двух шагах от нашего отеля. Университетские корпуса расположены в парке, где кругом цветы, течет речка, растут вязы, липы и наша родная ветла (йамра). Парк открыт для посещения, там и сям на траве - кучки людей. Была суббота, и студенты тоже

предавались отдыху: расстилали на траве полиэтиленовые коврики и скатерти, жарили мясо на гриле, пили пиво.

Выставка "Границы языка" была организована в рамках общего университетского музея. Экспозиция была представлена публикациями, афишами, переводами книг на разные языки двух двуязычных авторов: Геннадия Айги и Владимира Набокова,



■ Буддийский квартал Kaminari - mon.

причем в экспозиции Айги был помещен монитор, на котором шел текст японского перевода и звучал голос Айги, читающего свои стихи.

И был некий знак, когда мы прогуливались по парку перед началом лекции. Пролетела стая ворон и прокаркала: "А-а-а..." Оказывается, в Японии и вороны кричат по другому (рус. кар-кар..., чув. кӑранк-кӑранк...). Это был символический знак, потому что у Айги есть стихотворение "Спокойствие гласного", которое состоит из одного звука-фонемы **а**. Оно должно было прозвучать в исполнении автора перед началом моего выступления (запись в CD). Японские вороны просто процитировали этот самый краткий текст поэта. Сам поэт артикулирует звук **а** спокойно и твердо.

Начался разговор об Айги. Масанори переводит, поэтому мне приходится делать паузы, что весьма уместно, ибо у Айги строчки, слова в тексте часто отделены друг от друга паузами - местами "у-молчания и тишины". Аудитория внимательна и восприимчива, что вообще характерно для японцев в общении. Параллельно словам на экране идет видеоряд: фотографии отца и матери, эпизоды из жизни: Айги в детстве, в кругу друзей, с детьми и т.д. (Пригодился CD, подготовленный в свое время нашей Национальной библиотекой). Какое-то впечатление мой рассказ, очевидно, произвел на слушателей, так как они стали задавать вопросы о Чувашии, об отце Айги, о причинах выбора русского языка, почему Айги называют "Стефан Малларме с Волги" и др. И произошел один сюрприз. Подошла женщина по имени Миёко, которая 14 лет назад (!) присутствовала на встрече с Айги, и он тогда надписал ей свою японскую книжку. Она попросила перевести надпись и еще раз надписать как бы от его имени. Что я и сделал на чувашском языке.

Есть определенный набор стереотипов, связанных с Японией: кимоно, гейша, Фудзияма, сумо, икебана, саке, карате, самурай и т.д. Об этих стереотипах нам напомнил Тецуо Мочидзуки, директор Центра славянских исследований. Что-то из этого существует и сейчас (гора Фудзи на месте, саке тоже наливается), что-то стало редким явлением, что-то ушло в глубину сознания и поведения. Но главное сохранилось: в отношениях людей предельная вежливость, внимательность, четкость исполнения порученного дела, радушие. И сохранился особый японский эс-

тетизм. Японцы культивируют в себе чувство прекрасного, видя его прежде всего в природе и, конечно, в искусстве. Француз Робер Гийен в свое время писал об "эстетическом объяснении Японии". Философия, религия и даже отчасти официальная идеология были прежде всего эстетикой. Моно-но aware (очарование вещей) - то есть умение видеть и чувствовать красоту в каждой вещи: отдельном цветке, замшелом камне, ухоженном клочке земли, неказистом дереве. Эстетизация быта, будничной жизни до сих пор определяет мировосприятие японцев. Воспринимать вещи, как они есть (arino-nomata). Красота естества и красота простоты - вот основной принцип такого жизнечувствования. Но проявляется он тихо и незаметно. Японец не будет громко восторгаться каким-либо пейзажем, он сохранит это ощущение внутри себя. Недоговоренность, искусство молчания - это и есть высшая степень созерцания, где вещи обретают самость и происходит свободное общение всего со всем. Говоря об обостренном чувстве прекрасного, восходящего корнями к эпохе Хейан (IX-XII вв.), Ясунари Кавабата определял это просто Nihon no bi (красота Японии).

... После лекции в офисе Центра мы познакомились со славной "троицей". Это Казухиса Ивамото, профессор колледжа из самого северного японского города Вакканай, где он преподает русский язык и литературу (в свое время учился в Москве, защитил кандидатскую диссертацию по творчеству Юрия Олеши, сейчас переводит роман В. Пелевина "Желтая стрела"), научные сотрудники Го Косино (занимается Достоевским) и Адати Дайске (изучает русский романтизм XIX века через Гоголя). Они пригласили нас пообщаться неформально. Масанори, наш верный спутник, "троица" и мы отправились бродить по Саппоро, имея целью посетить простой и непритязательный, но настоящий японский ресторан. Трапезу и возлияния описывать не стану, ибо просто не знаю названий тех блюд, которыми нас потчевали. В основном, это были, конечно, дары моря и местная хоккайдская



■ В музее современного искусства.

рыба хокке ("Я пишу хокку, // вспоминая вкус рыбы // с именем хокке"). Потом был ночной Саппоро с его морем огней, простирающихся до самых отлогих гор, которые полукольцом охватывают город.

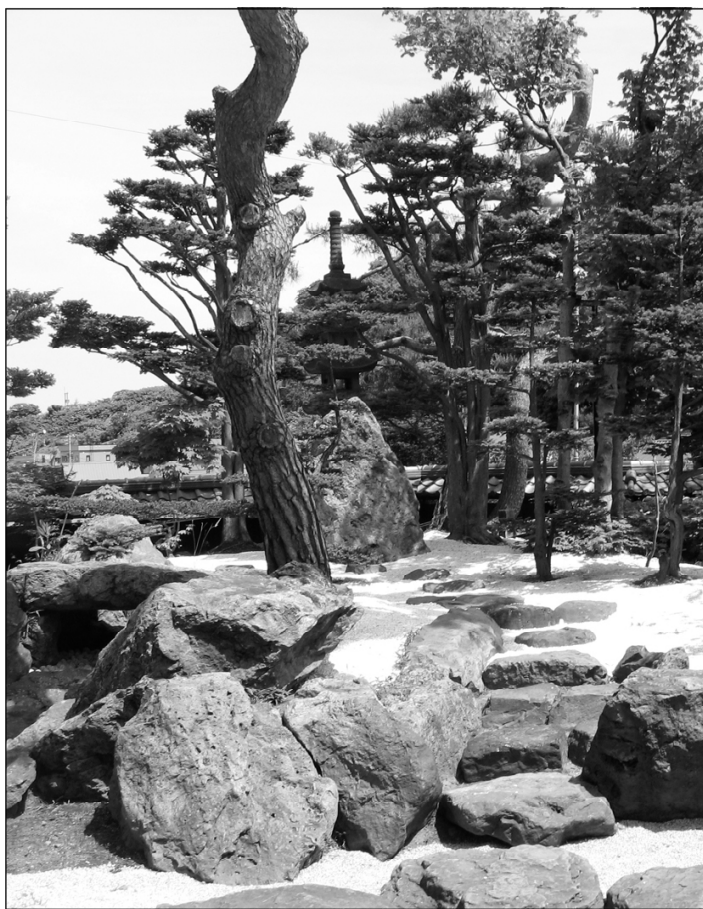
В воскресенье мы поехали в Отару, небольшой портовый город на берегу Японского моря (в былые времена у этого города были хорошие связи с нашим портом Находка). На подступах к городу мы поднялись в гору и посетили Gohyakurakan - буддийский храм 500 будд. Это словно "дом - в роще мира" (Айги). Статуи, статуи внутри храма и снаружи, обилие трав и цветов, шелест листвы деревьев и ни одного человека вокруг. Словно шепчет Доген (1200-1253): "Разве не в шорохе листьев путь к просветлению?" И откликается Айги: "... шорох - Его разговор... - через нас здесь: с Миром".

Затем мы спустились к берегу моря и побывали в Доме Аоямы, знаменитого рыбака, который в начале XX века разбогател на ловле сельди. В 1913

году в один день его улов составил семь с половиной тонн (огромный по тем временам). Масакичи Аояма решил построить для своей дочери Масае роскошный дом со множеством комнат и, имея эстетические наклонности, пожелал превратить его в некое произведение искусства, используя резьбу по дереву, традиционную японскую живопись и графику, каллиграфию. Дом окружает сад с трех сторон и с одной стороны - сад камней, где белый песок, асимметрично и беспорядочно положенные серо-бурые камни и искривленные сосны образуют статичную и объединенную композицию, содержащую древне-изящный (ko:ga) и сокровенный (yugen) смысл. Теперь Дом Аояма - музей, одна из достопримечательностей Огару.

В бухте Shukutsu мы окунулись в Японском море, тем самым соединив в единое целое ландшафт (яп. sansuу = горы + вода). До этого мы миновали горы, а теперь совершили омовение. Зелено-голубая красота Японии и определяется зелеными горами и гладью морских заливов. Горы тянутся к небу, и потому это и священные места, бескрайний океан, моря - как некая всеохватывающая Истина - окружают все острова, из которых состоит Страна восходящего солнца (< кит. ji - beb - go 'солнце + корень + страна').

После прохладного Саппоро южный Токио показался нам влажным и душным. К тому же моросил мелкий дождь. Но так как самурай не боится дождя, мы смело потопали от станции метро Shinagawa к гостинице с причудливым названием Grand Prince Hotel New Takanawa. Вокруг громоздятся пики небоскребов, тут же



■ Сад камней.

строятся новые. И в то же время в Токио, мегаполисе масштабом побольше, чем Москва, никаких пробок на дорогах. Так разумно спланирован подземный общественный транспорт: метро, электрички, скоростные поезда, а также наземные пути. Гостиница невероятных размеров, наверное, в ней могло бы поселиться население небольшой чувашской деревни. Мы жили на шестом этаже. Какие-то деревья с узкими листочками доходят да самого нашего балкона и только потом, спустившись вниз и выйдя в сад, я увидел, что это был бамбук - такой невероятной высоты. Этот бамбук из всего японского поразил меня более все-



■ Императорский сад.

го. Оказывается, не даром. Всеволод Овчинников, журналист, проживший много лет в Японии, писал: "Японцы иногда сравнивают свою страну со стволом бамбука, окованным в сталь и завернутым в пластик (...) Легко подметить новые черты на лице этой страны. Но куда труднее заглянуть в ее душу, прикоснуться к скрытому от посторонних глаз

бамбуковому стволу, почувствовать его упругость". К этому следует добавить, что бамбук олицетворяет стойкость, а сосна (более близкая нам) - долголетие. Дзен-поэт, великий Басё (1644-1694) говорил: "Уходи от самого себя. Эту науку не постигнешь, если будешь идти вслед за собой. Учись у сосны, что такое сосна. Учись у бамбука, что такое бамбук..." То есть - надо жить, ощутив себя единым со всем сущим - деревом, травинкой, цветком, камнем, "жить через самого себя", уходя от "я" и возвращаясь к изначальной природе. Несколько иначе у Айги:

сосны сосны хоралы хоралы бесшумные
(...)
вы - корня касающиеся
Огромности я-человека
(...)
вы Отчие! -

(Мир-Сосны, 1976)

Токийский университет - один из старейших и престижных вузов страны. Сохранились старинные деревянные ворота того времени (1877 г.). Перед лекцией буквально минут пять общаемся с Юки Йошиока, которая является переводчиком-профессионалом высочайшего класса и может переводить любой текст сходу, синхронно. Кстати, именно она переводила выступления Айги в 1997 и 2002 годах. Масанори подготовил переводы нескольких стихов Айги на чувашском языке и такие листы (hand-out'ы - текст на чувашском и тут же японский подстрочный перевод) мы раздали слушателям. Я же должен был озвучить стихи на чувашском. Принимал нас профессор Мицуёси Нумано-сан (так же как и Айги в 1997, 2002 годах). Он преподает на отделении современной литературы филологического факультета (Faculty of Letters). Аудитория - это его студенты и аспиранты, специализирующиеся на славянских литературах. Можно сказать, подготовленная и знакомая в какой-то степени с поэзией Айги, что было видно и по вопросам, которые они задавали. И мы услышали и увидели самого Айги, Софию Губайдулину, просмотрев видеозапись 1997 года. Тогда, как я уже сказал, позвучало ее сочине-

ние - кантата для камерного хора и камерного оркестра "Теперь всегда снега" (тогда, в декабре это было особенно уместно, ведь японцы, одушевляя природу, стремятся жить в согласии с ней).

есть так что есть и нет
и только этим есть
но есть что только есть

есть вихрь как чудом в миг
нет Мертвости-Страны
о Бог опять снега
душа снега́ и свет

о Бог опять снега

а будь что есть их нет
снега мой друг снега
душа и свет и снег

о Бог опять снега
и есть что снег что есть

(Теперь всегда снега, 1978)

Само это стихотворение, построенное на взаимопроникновении утверждения ("есть") и отрицания ("нет") вполне соответствует четырехступенчатой негативной диалектике суждений дзен: 1) есть (или А); 2) не есть (не-А); 3) и "есть" и "не есть" (А и не-А одновременно); 4) ни "есть", ни "не есть" (ни А, ни не-А одновременно). И в то же время японцу, наверное, нелегко воспринять этот текст, потому что в обыденной речи они старательно избегают слова "нет", зато охотно повторяют "hai, hai, hai..." (да, да, да...).



■ Возле маленького Будды в Gohyakuvakan.

ют "hai, hai, hai..." (да, да, да...).

Это стихотворение в свое время было переведено японским переводчиком-айгистом Акимичу Танака, а сейчас в своем переводе его прочел Нумано-сан.

Можно подумать, что душа Айги сопровождала нас в поездке по Японии. Да и то сказать, его поэтическая теория (метапоэтика) и практика, то



■ Экспозиция Г.Айги в музее.

есть понимание сути поэтического творчества и самого назначения поэта, при абсолютно внешнем различии с лаконичными и строго выдержанными формами японской поэзии (трехстрочная хокку=хайку - 5 слогов + 7 слогов + 5 слогов, или пятистрочная танка: 5-7-5-7-7, а у Айги каждое стихотворение имеет свой особый ритм и графический рисунок), очень близки внутренней сути дзенской поэзии и искусства, которые исходят из критериев: wabi

(прелесть обыденного), sabi (естественность, неподдельность, архаическое несовершенство), sibu (простота), hosomi (хрупкость), yugen (сокровенная красота, намек, недосказанность). Все это есть и у Айги, а кроме того он почти всегда соединяет вечное и текущее, от "здесь и сейчас", этого "места-мгновения" уходит в далекое воспоминание детства, конкретный, осязаемый план сопрягает с небесно-божественным*. То же самое находят у Мацуо Басё: принцип fueki rük. Словом, точки схождения есть, хотя сам Айги, может быть, и не признал бы это внутреннее, глубинное сродство. Источники, наверное, здесь различны. У Айги своя философская подоплека, свое апофатическое вопрошание о Боге, в Японии это многовековая традиция природосообразности исконной религии японцев синто (букв. "путь богов") и ответвление буддизма - дзен. Но в обоих случаях ощущается негативная, потаенная красота, сокрытая от постороннего взора и такое отрицание (созерцание) порой эстетически (и этически) более честно и выразительнее декларативного утверждения. В идеале эта красота достигает своего предела - в молчании, в тишине. Знаменитое хокку Басё (о котором пишут целые трактаты):

Старый пруд.
Прыгнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине.

Пер. В. Марковой.

И еще:

Тишина вокруг.
Тонким звоном пронизаны камни -
голос цикады.

Пер. А. Долина.

У Айги:

(Тихие места - опоры наивысшей силы пения.

* У Айги все это (земля, небо, вещи, цветы, деревья...) составляет некое Единство и сам он частица этого единого: (...) безвинность земли! - и блистала страна Простотою // будто звенела: в ее небеса восходили // смыслозвания // Бедных Вещей - (Горя - во время жатвы, 1984). Ср. у М. Хайдеггера: «Вещь веществует. Веществуя, она удерживает в их пребывании землю и небо, божественных и смертных; удерживая их в их пребывании, вещь сближает эту четверицу - каждая сторона в своей дали» (Das Ding, 1950). Перевод А.В. Михайлова.

Она отменяет там слышимость, не выдержав себя.
Места не-мысли, - если понято "нет")
(Из стихотворения "Без названия", 1965)

Или:

я забываюсь: отсутствие видимости
все больше становится
отсутствием слышимости: музыкой самой свободной!
нет - это знавшей души! -
(Лес - после поля, 1985)

...Во время токийской встречи прозвучали стихи Айги на чувашском, японском и русском языках, и таким образом он как бы присутствовал, говорил нам свои слова. Эту встречу можно было бы завершить мини-хайку, где представлены главные персонажи (написано почти по правилам: 6-7-5. Кстати, в русских переводах японской поэзии силлабика, как правило, не выдерживается):

Yuki Yoshioka
Mitsuesi Numano
Aigi poet - hay!

Потом была просто Япония: быстро спешащие люди по утрам (походка женщин и мужчин различается), абсолютно чистые улицы - ни клочка бумажки, ни окурка (курить на улице можно только в специально отведенных местах - smoking areas), куда бы ты не зашел, везде тебя встречают и провожают с улыбкой и поклоном**, словно ты самый желанный гость. ("И звучит их речь // как птичье щебетанье // приятно слышать"). Императорский сад, каким-то образом цветущий во всем разнообразии цветов и деревьев среди громад небоскребов, национальный музей современного искусства с выставкой швейцарского художника Пауля Клее, который своей нефигуративностью и умением изображать пустоты на холсте, своим недоговариванием, почти инфантильными каракулями (= иероглифы?) близок японскому восприятию живописи, буддийский квартал Каминаги-мон с лавочками, храмом, статуями Будды и, наконец, сверкающая огнями вечерняя Ginza.

Семь дней это, конечно, слишком малый срок, чтобы научиться стойкости у бамбука. Но что-то запало в душу, и Nihon no bi будет еще долго манить и вспоминаться.

Arigato Gozaimashita!

*Шубашкар-Мускав-Токио-Саппоро-Отару-
Токио-Мускав-Коломна-Шубашкар,
Июнь, 2011*

Агнер П. ХУЗАНГАЙ.

**Вербальный и жестовый этикет японцев - это особая статья. Ср. «Наш этикет начинается с изучения того, как предлагать человеку веер, и заканчивается правильными жестами для самоубийства» (Какудзо Окакура, 1906).



Василий ДИМИТРИЕВ,
доктор исторических наук,
профессор

Татары-мишари живут в России уже 560 лет

В последнее время в газетах Чувашии были опубликованы статьи, недостоверно сообщающие, что проживающие в нашей республике татары-мишари прибыли сюда из города Болгар, существовавшего в Волжской Болгарии с X века и разгромленного в 1431 году.

В нашей печати, к сожалению, очень мало писали о реальной истории татар-мишарей, проживающих, в частности, в Комсомольском, Яльчикском, Батыревском и Шемуршинском районах Чувашской Республики. История мишарской группы татар хорошо отражена в сохранившихся письменных источниках и обстоятельно исследована учеными.

Наукой установлено, что единая многочисленная татарская народность - высококультурная, мужественная, сплоченная - сформировалась в Золотой Орде в XIII - начале XV веков из прибывших в Восточную Европу тюркоязычных татар, известных в Тюркском каганате еще с 552 года, и родственных татарам по языку и культуре западных кыпчаков, которых русские называли половцами. Кочевники-кыпчаки вторглись в степи Восточной Европы в середине XI века: в 1054 году они достигли Днепра и начали тревожить Киевскую Русь непрерывными нападениями. С образованием в 1243 году Золотой Орды западные кыпчаки составили основу ее военной силы и в начале XIV века стали себя называть татарами.

До образования Казанского ханства татары не ассимилировали болгаро-чувашей. Происхождение татарского народа не связано с болгаро-чувашами.

Происхождение мишарей не связано с казанскими татарами.

У бывшего золотоордынского хана, основателя Казанского ханства Улуг-Мухаммеда, были сыновья Махмутек, ставший в 1445 году казанским ханом, Касим и Якуб. В битве под Суздалем в 1445 году Улуг-Мухаммедом был пленен московский великий князь Василий II (Темный) и доставлен в город Курмыш. С условием выплаты большой дани Казанскому ханству Василий II был возвращен в Москву. Касим и Якуб были направлены в Москву для наблюдения за выполнением Василием II условий выплаты дани. Но после смерти отца Касим в 1447 году со своим татарским войском перешел на русскую службу, в 1447-1453 годах воевал на стороне Василия II с Дмитрием Шемякой за московский престол, а в 1449 году разбил на реке Пахра золотоордынское войско Сейид-Ахмада. В 1452 году Василий II выделил Касиму и его войску Мещерскую землю на Средней Оке и Городец Мещерский, основанный еще Юрием Долгоруким. На территории Мещерской земли обитали финское племя мещера и часть мордвы. Касим основал здесь вассальное (то есть зависимое от Москвы) Касимовское ханство и пригласил в него из центра Золотой Орды, из района города Сарая, другие группы татар.

Видный востоковед академик В.В.Вельяминов-Зернов в 1863-1887 годах опубликовал книгу "Исследование о касимовских царях и царевичах" в четырех частях, в которых освещена вся история Касимовского ханства с 1452 года до прекращения его существования. О мишарях, их истории, языке и культуре опубликовано множество исследований. В.К.Магницким в 1898 году был издан ценный труд "Не-что о чувашах, татарах и мишарях (мещера, мещеряки, "можары")".

В Касимовском ханстве Городец Мещерский, ставший столицей ханства, был переименован в Городец Касимов, позднее - в город Касимов. В документах XVI-XVII веков служилых татар этого ханства часто именовали городецкими татарами. Касим царствовал до 1471 года. Его сменил сын Данияр, правивший ханством в 1471-1486 годах. В 1486 году династия сменилась: московский великий князь Иван III ханом назначил сына крымского хана Хаджи-Гирея-Нурдуалета, перешедшего со своим отрядом из Литвы на московскую службу еще в 1480 году. В 1491-1512 годах касимовскими ханами были его сыновья Сатылган и Джанай (Янай). В 1512 году ханом стал астраханский ханыч Шейх-Аулияр (сын Бахтияр-султана), прибывший на московскую службу также со своим отрядом. Сын Шейх-Аулияра Шах-Али царствовал в Касимове с 1516-го по 1567 годы. За это время он Василием III и Иваном IV три раза назначался казанским ханом (в 1519-1521, 1532, 1551-1552 годах). В 1567 году ханом в Касимове был назначен Саин-Булат, сын ногайского ханыча Бик-Булата, потомка золотоордынских ханов. Вероятно, и Саин-Булат поступил на русскую службу вместе со своим ногайским отрядом. В 1573 году Саин-Булат, приняв христианство, был назван Семионом Бикбулатовичем. Во время опричнины Иван IV назначил его московским царем, а сам управлял только областью опричнины. Касимовское ханство просуществовало до 1681 года. После Саин-Булата им управляли еще шесть ханов.

В Касимовском ханстве мещера и мордва занимались земледелием, скотоводством, бортничеством, охотой и рыболовством, исповедовали языческую (народную) религию. Они платили ясак хану, татарским князьям и мурзам. Служилые татары имели земельные участки и получали государево жалованье, никаких налогов не платили. По-видимому, многие из татарских воинов, прибывших в ханство, не имели семьи и женились на мещерских и мордовских девушках. Лет за двести вся мещера была ассимилирована сначала татарами, затем - русскими. *Сами же татары Касимовского ханства вместе с темниковскими татарами (на территории Мордовии) стали называть себя мещерой - мишарями. По религии они были мусульманами-суннитами.*

Заметим, что в отношении к другим государством монголо-татары и русские вели прямо противоположную политику. Золотая Орда, а после ее распада Крымское, Казанское, Астраханское ханства и Ногайская орда, постоянно угоняли мирное русское, украинское, болгаро-чувашское, мордовское, марийское, удмуртское население в плен, превращали его в рабов, продавали в юго-восточные страны. Во второй четверти XVI века в Казанском ханстве томились 100 тысяч русских пленников, тысячи из них были проданы в южные страны.

Русские поступали наоборот. Войска русских княжеств брали в плен только воинов на поле боя и превращали их в княжеских дружинников, имевших уже русские семьи. В начале XVI века, с образованием централизованного Российского госу-

дарства, эти дружинники всех князей поступили в распоряжение Московского великого князя и стали дворянами-землевладельцами, опорой самодержавной власти. Московское великое княжество, затем Российское государство охотно принимали на службу татарских ханычей, эмиров, князей и мурз, жалую их званиями, положением и правами русских князей и дворян, большими площадями земли и крепостными крестьянами. К XVIII веку в России около 500 княжеских и дворянских родов были татарского происхождения (Абашевы, Апраксины, Ахматовы, Беклемишевы, Булатовы, Булгаковы, Бутурлины, Гиреевы, Горчаковы, Державины, Корсаковы, Нарышкины, Рахмановы, Ромодановские, Сабуровы, Татищевы, Тенишевы, Тимирязевы, Тургеневы, Уваровы, Ушаковы, Шереметьевы, Юсуповы и многие другие). Некоторые из них - выходцы из мишар (например, Урусовы, Мещерские, Мещериновы, Мещеряковы и др.).

Известно, что в XVII веке город Касимов делился на три части: 1) удел касимовских ханов и князей (беков) - Татарская слобода и Старый Посад; 2) Ямская слобода, управляемая Москвой; 3) Марфина слобода, управляемая русским воеводой в Касимове. Достопримечательностями Касимова до сих пор являются мечеть с минаретом (1467 г.), мавзолеем Шах-Али (1567 г.) и Агван-Мухаммада (1658 г.).

Касимовское мишарское войско, подчиненное Москве, во второй половине XV - первой половине XVI веков постоянно участвовало в отражении вторжений в русские земли войск Крымского и Казанского ханов, в походах против крымцев и на Казань, включая поход 1552 года, в борьбе России против Литовского великого княжества, Польши, Ливонии, Швеции. В XVI-XIX веках служилые мишари в составе русских войск принимали активное участие в борьбе против крымских татар, ливонцев, польско-шведских интервентов в многочисленных русско-турецких и русско-шведских войнах, Северной войне, Семилетней войне, Отечественной войне 1812 года. Мишари были отважными, храбрыми воинами.

Мишарское население в Касимовском ханстве росло быстрыми темпами. В первой половине XVI века часть мишарей стали направлять на несение пограничной службы. Их большая группа была переселена в Сергач, затем - в район Курмыша. С основанием города Алатырь (в обнаруженных мною документах Алатырь впервые упоминается в 1555 году) туда для несения пограничной службы также была переведена из Касимовского ханства значительная группа мишарей.

Ко времени вхождения Чувашского края в состав России юго-восточная часть нынешней территории республики, юго-западная и закамская части Татарстана, территории Ульяновской, Самарской, Саратовской, Пензенской областей и земли южнее представляли собой дикое поле - пространство без обжитых населенных пунктов - место кочевья ногайцев, астраханских татар и других племен.

Частые грабительские набеги крымских татар и ногайцев на российские земли во время Ливонской войны (1558-1583 гг.) вынудили российское правительство строить засечные черты. В том числе и на территории Чувашии. *В третьей четверти XVI века была построена Кубнинская засечная черта. На несение засечки, то есть пограничной службы, сюда перевели значительное количество мишарей. Так появились мишарские селения, ныне входящие в Комсомольский и Яльчикский районы.*

В 1578 году было начато и за несколько лет завершено строительство укрепленной линии Темников - Алатырь - Тетюши. Линия между Алатырем и Тетюшами состояли из Алатырской, Карлинской и Тетюшской засечных черт. Для несения пограничной службы сюда также перевели большое число мишарей. Здесь возникли мишарские селения, ныне расположенные в Батыревском и Шемуршинском районах, в юго-западной части Татарстана. *Вслед за возведением засечных черт чувашки возвращались на свои земли, оставленные ими в конце XIV - начале XV веков.*

В 1648-1654 годах была построена Симбирская укрепленная линия, которая тянулась от Симбирска через Саранск до Тамбова, где соединялась с Белгородской линией. Кстати, кроме мишарей, сюда переселяли и служилых чувашей (их к началу XVIII века числилось 2500 человек).

В 1652-1656 годах от города Белый Яр на Волге до вновь построенного города Мензелинска была проведена Закамская укрепленная черта. Сюда тоже поселили часть мишарей. Мишари были переведены и на южные границы Башкортостана, где их называли мещеряками.

По всеобщей переписи населения 1897 года, в Российской империи числилось 622600 мишарей, то есть немногим меньше численности чувашей (их в России насчитывалось тогда 843800 человек). *В советское время в ходе переписи населения, начиная с 1926 года, мишарей включали в число татар.*

В Чувашской Республике, в Порецком и Алатырском районах, проживает и мордва. До середины XVI века вся территория этих районов была занята мордвой. Мордовские земли вошли в состав русских княжеств (Рязанского, Нижегородского) еще в XIV-XV веках. Часть мордвы, проживавшая на территории нынешних Алатырского и Порецкого районов, вошла в состав России вместе с чувашами и горными марийцами в 1551 году. Мордовское войско принимало участие в походе на Казань в 1552 году.



Михаил ЮХМА

Народный писатель Чувашии, академик Международной академии информатизации, почетный академик Чувашской академии наук и искусств, историк, поэт, драматург, автор более 200 книг.

Родился 10 апреля 1936 года в деревне Сугуты (Сăкӑт) Батыревского района Чувашии.

Известен как автор многих талантливых исторических романов и повестей, сборников легенд и рассказов, очерков, драматических и поэтических книг, исследований по древней и средневековой истории, также по фольклору и мифологии чувашского народа.



Чуваши - потомки волжских болгар

Об истории народов Российской Федерации и всего Евразийского пространства сейчас пишут много. Пишут ученые, пишут краеведы, пишут просто любители. Пишут разное, иногда исследуя тему, иногда просто, не зная, о чем пишут. Особенно много публикаций стало появляться в последнее время о истории Волжской Болгарии, крупнейшего средневекового государства на Евразийском пространстве. Земли Волжской Болгарии простирались от Северного Ледовитого океана до Каспийского моря на юге. В те годы, как пишет прославленный ученый XI века Махмуд Кашгари, даже Каспийское море называлось Болгарским.

На западе земли Волжской Болгарии доходили до Оки. Болгары ее называли *Хура Атӑл - Черная Волга*. Воды реки, протекая через чернозем того края, казались на самом деле чуть чернее. А на Востоке земли великой державы простирались до бескрайних просторов Сибири.

Волжская Болгария имела высокую, самобытную культуру, и была известна всему миру как процветающее государство, с которыми выгодно было и дружить, и торговать. Волжская Болгария, как могущественная держава, одной из первых приняла удары татаро-монголов и спасла Европу от их нашествия.

Наследниками волжских болгар, хранителями их языка и культуры, их исторической памяти являются современные чувашаи.

Несколько лет назад я посетил Болгарскую Республику, побывал у своих единокровных братьев, у дунайских болгар. Участвовал на Международном симпозиуме "История болгар в контексте всемирной истории". Будучи в Болгарии, я понял, что интеллектуалы этой страны часто спорят на темы:

"Кто же является потомками волжских болгар?"

"Какая историческая связь между волжскими и дунайскими болгарами?"

"Сохранился ли язык и культура волжских болгар?"

"Есть ли исследователи наследия волжских болгар?"

Учитывая большой интерес к этим вопросам читателей не только Болгарии, но и многих других стран, мы с *Галей Колевой*, известным исследователем древней и средневековой истории болгар, решили предельно ясно и коротко ответить на все эти вопросы. И для этого выбрали форму вопросов и ответов, то есть, форму интервью. А потом все это издать в виде отдельной книги.

Кто является потомками волжских болгар?

Гая Колева: Кто является потомками волжских болгар? Можно ли прямо ответить на этот вопрос?

Михаил Юхма: Можно. Потомками волжских болгар являются современные чувашаи. Один из самых авторитетных ученых Поволжья и Урала, доктор исторических наук, профессор В.Д.Димитриев прямо подчеркивает: "Болгары говорили на чувашском языке, в Волжской Болгарии государственным языком был чувашский язык". И я, как историк, исследователь народов Поволжья и Урала, полностью согласен с ним.

Гая Колева: Известно, что в Российской империи, затем и в Советском Союзе изучение истории Волжской Болгарии не поощрялось. С какого времени и кто начал изучать историю и культуру волжских болгар?

Михаил Юхма: Да, вы правы, Российская Империя была колониальной державой. Властям империи история нерусских народов была не нужна. Но, несмотря на это, находились честные ученые, которые пытались раскрыть подлинную историю Волжской Болгарии. Одним из таких был выдающийся историк XVIII века Василий Никитич Татищев /1686-1750/, автор большого исследования "История Российская с самых древнейших времен". Он впервые высказал мысль о родстве чуваш с болгарами: "Вниз по реке Волге, писал В.Н.Татищев, - чуваш, древние болгары, наполняли весь уезд Казанский и Симбирский".

Гая Колева: И он же научно обосновал *болгарство современных чуваш?*

Михаил Юхма: Да, он во многом способствовал этому. А научно обосновал языковую, культурно-историческую преемственность волжских болгар и чуваш талантливый профессор Казанского университета Иван Николаевич Смирнов /1856-1904/. Он прекрасно знал историю, быт, культуру и языки народов Поволжья и Урала. "Древнечувашский язык был языком болгар", - подчеркивает он в своем исследовании "Волжские болгары". Оно опубликовано в книге "Русская история в очерках и статьях" в 1910 году под редакцией М.В. Давнар-Запольского".

Далее в своем исследовании И.Н.Смирнов пишет: "Установивши этот факт, мы пойдем древние чувашизмы в угро-финских наречиях и одновременно определим место болгар в Урало-алтайском мире: народом, оказавшим могущественное культурное влияние на угро-финский мир в бассейне Волги и Камы и оставившим следы этого влияния в его наречиях виде чувашизмов, и были болгары; памятники языка древних болгар, уцелевшие в угро-финских наречиях, свидетельствуют совершенно ясно, что язык этот - древняя форма нынешнего чувашско-тюркского". Свое исследование о болгаро-чуваших И.Н. Смирнов делит на главы: "Национальность волжских болгар", "Источники для изучения истории болгар", "Быт болгар", "Земледелие", "Торговля", "Жилища", "Утварь", "Скандинавское влияние", "Керамика", "Металлические изделия", "Одежда", "Восточное влияние", "Социальный и политический строй", "Суд", "Религия".

И.Н.Смирнов особо подчеркивает, что болгары-чуваш, появившись на Волге-Камье, полностью изменили быт и земледелие, весь образ жизни угро-финских племен: "Слова, заимствованные финнами в области земледелия у болгар, позволяют предположить, что внесли в развитие волжского земледелия болгары: черемисы /марийцы. - Ред./ и вотяки /удмурты. - Ред./ заимствовали у болгаро-чуваш слова для обозначения борозды, пахотного поля... полосы, пашни, межи, другими словами - термины, относящиеся к такой ступени земледелия, когда ручная, мотыжная обработка почвы уступает место обработке плугом и возникают более или менее обширные правильно возделанные поля".

Он также подчеркивает, что болгаро-чуваших "железодельная промышленность" знакома была еще в Азии, и ее они принесли на новую родину. И.Н.Смирнов пишет, что "чуваш-болгары являются законодателями и учителями для финских народностей Волжско-Камского края". Также он подчеркивает, что болгаро-чуваш оказывали

известное влияние на социально-культурные отношения на Волжско-Камском крае. Он считает, что болгаро-чуваши умело пользовались и своим древним календарем. И скотоводство, и земледелие, и огородничество у болгаро-чуваши было на самом высоком для того времени уровне. Развиты были и ремесла, и промыслы, и торговое дело. Быт и культура, военное дело, зодчество, в том числе и каменное, тоже были на высоком уровне. *Все это хорошо изучил И.Н.Смирнов и впервые волжских болгар назвал древнечувашиским народом.* Он же ввел в историографию термин "*болгарская цивилизация*" и широко показал ее роль в развитии всех народов Поволжья и Урала.

Галя Колева: Кто поддержал учение И.Н.Смирнова?

Михаил Юхма: Всемирно известный ученый Николай Иванович Ашмарин /1970-1934/, мировой авторитет в языкознании. Он создал 17 томный словарь чувашского языка, богатейшее наследие языка и культуры волжских болгар. "Тезаурус Лингве Чувашорум" - так называется этот монументальный труд самоотверженного ученого. Это - по латыни, торжественно-академическое название переводится - "Сокровищница чувашских слов". Да, словарь Н.И.Ашмарина - подлинное сокровище, это величайшее богатство нашего болгаро-чувашского народа. Более тридцати лет упорно и самоотверженно работал ученый над составлением словаря, на страницах которой собрано около 40 тысяч болгаро-чувашских слов. В нем объясняется этимология слов. Многие из них переводятся на русский, арабский и латинские языки.

"Словарь чувашского языка" - энциклопедия чувашской жизни, своеобразная многотомная история народа с древнейших времен до наших дней, удивительное исследование народных обычаев, традиций, богатейших россыпей названий населенных пунктов, урочищ, личных имен. В нем содержатся алмазные крупы богатейшего наследия древней чувашской медицины, природоведения, космогонии.

Словарь Н.И.Ашмарина - своеобразный свод правил общественной жизни чувашей. В нем собраны все ценности из древней чувашской мифологии.

В своей книге "Болгары и чуваши" /1902, Казань/ Н.И.Ашмарин подчеркивает, что чуваши являются прямыми потомками волжских болгар, что именно они сохранили не только язык, но и все культурные ценности своих предков.

Продолжатели исследования

Галя Колева: Кто продолжил исследование этой темы?

Михаил Юхма: Финские ученые А.Э.Альквист, Х.Пассонен, Ю.Вихман, А.М.Рясянен, венгерские исследователи Б. Мункачи, К.Томсен, З.Гомбоц, А.Рона-Таш, Г.Берецки, Ш.Фодор, К.Редси, турецкий ученый Т.Текин, американские ученые К.Менгес и П.Гольден, О.Прицак, Й.Бендинц.

А.М.Рясянен подчеркивает: "Чувашский язык, который так сильно отличается от остальных тюрко-татарских языков, принадлежит народу, который со всей уверенностью следует рассматривать в качестве наследника волжских болгар".

Галя Колева: А есть среди них ученые народов Поволжья и Урала? Скажем башкирские, марийские, удмуртские, коми...

Михаил Юхма: Известный марийский ученый Ким Васин, удмуртские исследователи И.В.Тараканов и Р.Ш.Насибуллин, известный исследователь истории коми народа Вадим Понарядов. Башкирские ученые с ними полностью согласны. Крупнейший специалист по истории башкирского народа Р.Г.Кузеев в своей книге "Происхождение башкирского народа", изданной в Москве в 1974 году, подчеркивает, что поволжские татары сформировались в XIII-XVI вв. в основном от кыпчаков, а происхождение чуваш он полностью связывает с болгарами. То же самое пишут известные башкирские ученые Н.Мажитов и А.Султанова в своей книге "История Башкортостана с древнейших времен до XVI века" /Уфа, 1994/.

Самые известные московские и ленинградские ученые, в их числе татары Э.Н.Наджиб и Ш.Ф.Мухамедьяров, а также зарубежные тюркологи считают правильной и обоснованной теорию болгаро-чувашской этнической и языковой преемственности.

Ныне, как подчеркивают все эти ученые, обнаружены в марийском языке около 1500 болгаро-чувашских слов, удмуртском - 500, мордовском - более 100, в коми - свыше 300, венгерском - около 600, восточнославянских языках - до 2000 слов. Все эти слова вошли в языки этих народов в эпоху Волжской Болгарии. Волжские болгары, как народ с высокой культурой, благотворно влияли на развитие соседей.

Особенно сильно было влияние болгаро-чувашского языка на соседние языки в VII-XIV веках, до опустошения болгарской земли варварами Золотой Орды и бандами ушкуйников с верховий Волги. Чувашизмы свидетельствуют не только о влиянии болгаро-чуваш на соседние народы, но и об уровне социально-экономического, политического и культурного развития самого этого великого народа.

Очень интересную, важнейшую работу проделал профессор Харьковского университета, известный востоковед-арбист А.П.Ковалевский /1895-1969/, изучая Мешхедскую рукопись Ахмеда ибн-Фадлана. Он документально доказал, что имеющиеся болгаризмы в рукописи Ахмеда ибн-Фадлана полностью соответствуют современному чувашскому языку. В результате всех своих исследований он издал в 1954 году книгу "Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана".

Здесь надо вспомнить академика Н.Я.Марра /1864-1934/. В своей книге "Чуваши - яфетиды на Волге", изданной в 1926 году, он подчеркивает: "Бесспорно, что болгарская общественность, средневековая болгарская культура, болгарское царство на Волге было делом рук чувашского народа". Он придавал огромное значение чувашскому языку, подчеркивал его влияние на развитие русского языка. Это же утверждал другой крупнейший тюрколог, член-корреспондент Академии наук СССР С.Е.Малов /1880-1957/. Он считает "болгарскую теорию происхождения чуваш совершенно правильной". Того же мнения был другой крупнейший советский историк, академик М.Н.Тихомиров /1893-1965/. Он подчеркивает, что казанские татары происходят от Золотой Орды. Он также пишет, что, изучая казанских татар, нельзя отрывать их историю от истории крымских и астраханских татар. А это общеизвестно, что они

происходят от Золотой Орды. Того же мнения другой крупнейший ученый Н.А.Баскаков: "Булгарский ареал, ограниченный Поволжьем и Северным Кавказом, представлен древними языками: болгарским, хазарским, аварским и современным чувашским языком".

Такого же мнения придерживался во всех своих исследованиях замечательный исследователь истории народов Востока и всей Евразии Л.Н. Гумилев /1912-1992/. Он высоко оценивал вклад волжских болгар в мировую культуру.

Горячо поддерживал их всех член-корреспондент Академии наук СССР, крупнейший ученый-языковед Б.А.Серебрянников, знаток истории многих уральских, алтайских и индоевропейских языков.

Все эти вышеназванные ученые - мировые величины. Их честность, порядочность, глубокие научные знания не вызывают ни у кого сомнения.

Галя Колева: В последние годы завязались довольно интересные культурно-просветительские и исторические связи исследователей Болгарии с северокавказскими учеными из балкар и карачаев. Как они относятся к идее идентичности волжских болгар и дунайских болгар? Ведь многие балкарские и карачаевские ученые считают, что их народы тоже потомки болгар.

Михаил Юхма: Очень интересные исследования провел известный карачаевский ученый С.Л.Байчоров. "Анализ языка рунических памятников Приэльбрусья показал, - подчеркивает он в своем исследовании "Северокавказский ареал древнетюркской письменности /1977/, - что по своим графо-фонетическим особенностям он - протоболгарский, имеющий *дь-* и *дж-* диалекты, которым характерен ротацизм", т.е. современный чувашский язык.

Поддерживали его идеи и все научные разработки такие историки и археологи, как Х.Х.Биджиев, В.Б.Ковалевская, М.П.Абрамова. Они так и считают, что найдены новые подтверждения всеми учеными воспринимаемой концепции. Ведущий чувашский историк В.Д.Димитриев в своей статье "О последних этапах этногенеза чувашей", напечатанной в книге "Болгары и чувашаи" /1984/, пишет: "Байчоровым выявлены и исследованы памятники северокавказской болгарской рунической письменности с характерным для их языка ротацизмом. Даже многие татарские ученые, в том числе такие известные, как Д.Г.Мухаметшин и Ф.С.Хакимянов, полностью согласны с выводами В.Д.Димитриева. Об этом свидетельствует их книга "Эпиграфические памятники города Булгара", изданная в Казани в 1987 году.

Галя Колева: А как относятся к этим вопросам известные современные русские и советские ученые? Есть ли специальные книги обо всем этом?

Михаил Юхма: Основные положения и аргументы зарубежных тюркологов, в особенности финских, венгерских немецких и американских, профессором М.Р.Федотовым переведены на русский язык и включены в его книги "Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми" в двух томах /Чебоксары, 1965-1968/, "Чувашский язык в семье алтайских языков" в трех томах /Чебоксары, 1980-1986/, "Чувашско-марийские языковые взаимосвязи" /Чебоксары,

1990/. По этим книгам читатели могут убедиться, что все зарубежные ученые основными предками чуваш считают волжских болгар.

Гая Колева: Да, все это вызывает полное доверие к теории болгаро-чувашской этнической и языковой преемственности. Потому что не верить всем этим вышеназванным ученым невозможно. Все они величины мирового масштаба.

Михаил Юхма: Еще один интересный факт. В 1974 году в Москве в издательстве "Детская литература" издана книга Александра Кондратова "Земля людей - земля языков". Там есть главы, где рассматриваются языки народов мира со многих сторон. В главе "Тюркское море" сказано: "В Казанском университете было сделано научное описание чувашского языка, который и по сей день является, пожалуй, самым интересным из всех живых тюркских наречий, так как существенно отличается от них. Во-первых, потому, что является единственным потомком древнего языка болгар /часть болгар, переселившаяся на Балканы, как вы помните, сохранила свое наименование болгары, но не язык/".

Гая Колева: А как освещается эта тема в советских, российских энциклопедиях и других справочниках?

Михаил Юхма: Так же, как в книге "Земля людей - земля языков". Например, в "Советском энциклопедическом словаре", изданном в 1983 году в Москве издательством "Советская энциклопедия", подчеркнуто: "Чувашский язык относится к тюркским языкам /булгарская группа/".

В середине шестидесятых годов прошлого века издательство "Наука" издало в пяти томах исследования о языках народов СССР. Второй том посвящен тюркским языкам. В главе "Чувашский язык" тоже подчеркивается: "По происхождению чувашский язык относится к болгарской группе тюркских языков..."

Значимость исследований

Гая Колева: Хотелось бы пошире открыть значимость всех этих исследований всемирно известных ученых. Скажите, чем руководствовались эти ученые, утверждая единые болгаро-чувашские корни?

Михаил Юхма: Они руководствовались исследованиями истории, культуры, политического и социального строя Волжской Болгарии, исследованиями материалов арабских, персидских, русских путешественников и ученых, археологическими данными. Но более всего помогают доказать преемственность волжских болгар и современных чуваш данные языка. Всем известно, что язык является одним из основных показателей национальной принадлежности людей. Еще в 1863 году именно татарский ученый Хусейн Фейзханов /1828-1866/ опубликовал статью "Три надгробных памятника болгарской надписи", где доказывает, что их можно расшифровать только чувашскими словами. Еще раньше об этом же писал чешский ученый П.И.Шафарик. Это же подтверждают ученый-ориенталист Н.И.Ильминский /1822-1891/, крупнейший знаток восточных языков академик А.А.Куник /1814-1899/, венгерский ученый Бернат Мункачи /1860-1937/, совершивший научную экспедицию в Поволжье и изучив надгробные надписи на болгарских кладбищах. То же самое

подчеркивают во всех своих трудах такие известные во всем научном мире ученые, как Н.Н.Поппе, К.Томсен, М.П.Петров /Тинехпи/ и другие.

Язык волжских болгар

Галя Колева: Чем же интересен был язык волжских болгар? Чем он отличается от других родственных ему языков?

Михаил Юхма: Красив и звучен, очень музыкален был язык древних болгар. Сохранились десятки и сотни памятников письменности, и все они читаются только современным чувашским языком. Древнеболгарский язык сильно отличается от других родственных тюркских языков, прежде всего ротацизмом /звук "р" вместо "з" в других/ и ламдаизмом /звук "л" вместо "ш"/. Ротацизм и ламдаизм был и в языках хазар, аваров, суваров и печенегов. Они родственные народы с древними болгарями. Именно поэтому напали печенеги на Святослава, возвращающегося с разбойничьего похода на Дунайскую Болгарию, тем самым отомстив за гибель и разорения своих единокровных братьев. Впоследствии печенеги растворились в составе болгар и хазаров. Сувары отдельным княжеством вошли в состав Волжской Болгарии. Столицей своего княжества они имели славный город Сувар. Впоследствии сувары и хазары растворились в составе волжских болгар, так как они все были одним народом. Язык, обычаи, культура, традиции, верование все было едино. Ныне единственным языком в семье тюркских, отличающимся ротацизмом и ламдаизмом, является современный чувашский.

Галя Колева: А почему некоторые пытаются доказать, что не чувашки, а казанские татары являются потомками волжских болгар, будто бы язык казанских татар совпадает с языком волжских болгар?

Михаил Юхма: До 1944 года татарские ученые и не думали об этом. Они правильно объясняли происхождения казанских татар от Золотой Орды. Например, татарский ученый Хади Атласи /1876-1938 пишет/: "Татары - это те захватчики, которые разрушили Волжскую Болгарию" /Х. Атласи. Казан тарихи. Казан 1910/.

В том же 1910 году в Казани, типографии Императорского университета издана книга "Казанские татары" известного в те годы историка, доктора богословия П.В.Знаменского /1836-1917/. В ней он, как и Хади Атласи, подчеркивает: "В эпоху нашествия монголо-татар болгарское владычество в Волжско-Камском крае сменилось владычеством татарским. В конце 20-х и в 30-х годах XIII столетия татары завладели всею болгарскою землею и сделали здесь господствующим народом..."

Как видим, и П.В.Знаменский пишет, что именно монголо-татары разрушили государство волжских болгар, что казанские татары являются потомками тех монголо-татар.

Несмотря на то, что они сейчас называются татарами, свою монгольство они во многом сохранили. "Черты монгольского происхождения у него /у казанского татарина. - М.Ю./ большей частью заметны, - пишет П.В.Знаменский, - в некотором расширении личного овала, слегка выдающихся скулах, в небольшом сужении разрыва глаз, в

длинных, несколько отстающих от головы ушах, в толщине и короткости шеи, сюда же можно отчасти отнести и то, что у него редко растет большая и густая борода".

Казанское ханство по всем параметрам продолжало традиции Золотой Орды и государственным языком здесь был золотоордынский /кыпчакский/. Во время революции в Казани создавались военизированные отряды "чингизидов". С повязками "Сыны Чингиза" на рукавах ходили они по улицам. У Иске Казани в Высокогорском районе Республики Татарстан они даже памятник поставили Чингисхану. Имеется текст: "В память Великим предкам, в честь 800-летия провозглашения Чингисханом, начало строительства Великой империи Татарии посвящен вечный памятник".

Гая Колева: Как же так, если татары себя считают потомками болгар, а ставят памятник Чингисхану, называя Великим предком?!

Михаил Юхма: Вы правы. Разве не кроважидные орды Чингисхана разрушили и потопили в крови славную Волжскую Болгарию?! Это же всем известно!

Гая Колева: Все-таки почему же некоторые пытаются доказать, что татары не являются потомками татар, а являются потомками волжских болгар, то есть тех, которые многие годы боролись против них, то есть, вторгшихся на их земли татаро-монголов?

Михаил Юхма: Попытаюсь объяснить. Москву всегда раздражало то, что до сих пор обитают рядом потомки тех, кто долгие годы угнетал Древнюю Русь. О некоторых факторах, которые особенно раздражали, я уже сказал. Были и другие обстоятельства, раздражающие Москву. Например, издание золотоордынского /татарского/ эпоса "Идегей". Идегей /1352-1419/ - эмир Золотой Орды. Этот эпос - о величии и начале гибели древнетатарского государства Золотой Орды, о борьбе Идегея с ханом этого государства Тохтамышем, о распрях, которые приводят к разрушению общества. Да, еще во время второй мировой войны татары, живущие в других странах, особенно в Турции, слишком громко стали заявлять свое "чингизидство" и "золотоордынство". Видимо, все это тоже сыграло свою роль: 9 августа 1944 года было принято сталинское постановление "О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации". В нем содержалось предупреждение: не смей увязывать историю Татарии с Золотой Ордой. После этого Татарский обком ВКП/б/ вынужден был принять свое постановление, в котором подчеркивалось, что все, кто увязывает историю татар с Золотой Ордой, станут врагами народа. С тех пор некоторые научные работники Казани стали открещиваться от основного компонента татарского народа - кыпчаков Золотой Орды - и необоснованно начали утверждать, что предками казанских татар являются болгары. Об этом предельно ясно пишет ведущий татарский ученый, доктор исторических наук, профессор М.А.Усманов в своем послесловии "О трагедии эпоса и трагедиях людских", которое опубликовано в новом, полном издании эпоса "Идегей" /Казань, 1990/: "С этого периода и начинается возня по бесконечному пересмотру различных этапов истории татарского народа. Вместо подлинной

гражданской, социально-экономической и объективной культурологической истории огромные материальные и интеллектуальные ресурсы тратятся на бесконечные этногенетические изыскания. Делается все, чтобы доказать, что "татары - не татары", а "только лишь булгары...".

Да, это - трагедия народа. На эту тему я писал много. Знаю, эти постановления сыграли страшную роль в судьбе многих ученых Татарстана, некоторые ушли в себя, другие сошли с ума, третьи как Хайри Гимади /1912-1961/, покончили с собой.

Галя Колева: В печати все это освещается?

Михаил Юхма: Да, конечно. Доктор исторических наук, профессор В.Д. Димитриев, анализируя все это, в газете "Чăвашьен" /№ 34 за 1994 г./ писал: "До Великой Отечественной войны татарские и русские историки и этнографы правдиво писали, что единый татарский народ сформировался в Золотой Орде в XVI веке от центральноазиатских тюркоязычных татар, прибывших в Восточную Европу вместе с монголами, и западных кыпчаков /половцев/, вторгшихся сюда еще в XI веке; до середины XIII века в Волжской Болгарии прибывших вместе с монголами татар и кыпчаков вовсе не было. Болгары говорили на чувашском языке, в Волжской Болгарии государственным языком был чувашский язык. Прямыми потомками волжских болгар являются только чувашаи. Казанская школа этногенеза все свои гипотезы строила на ложной основе. Она уподобилась лысенковщине и со временем исчерпает себя..."

В 1996 году В.Д. Димитриев опубликовал в "Известиях Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики" свое талантливое исследование "Опустошение Болгарской земли в конце XI/ - начале X/ веков". В ней он еще раз вернулся к этой теме: "Встречающиеся в литературе попытки отождествления болгар с татарами ошибочны и тенденциозны, - подчеркивает он. - Тюркоязычные татары, обитавшие в Центральной Азии и Южной Сибири, известны в письменных источниках с 552 г. Они входили в Тюркский каганат. С образованием монгольской империи Чингисхан подчинил их и включил в свою армию. Татары впервые появились в Восточной Европе в 1223 г. в составе войск Чингисхана, затем в 1236 г. - в составе войск хана Бату. К истории Волжской Болгарии до ее падения в 1236 г. они не имели никакого отношения".

Полностью поддерживают В.Д. Димитриева в этом вопросе известные татарские ученые М. Усманов, А. Арсланова и другие, особенно молодые исследователи истории народов Поволжья и Урала.

А в Золотой Орде татары и западные кыпчаки стали основной воинской силой. И татары, и кыпчаки говорили на совершенно сходных языках. Это доказала татарский ученый Л.Т. Махмутова в своем исследовании "Татарский язык и его отношение к древнеписьменному памятнику Codex Cumanicus по данным лексики", опубликованном в 1982 году в сборнике "Исследования по исторической диалектологии татарского языка". В ней она доказывает, что в словаре кыпчакского языка 1903 г. более 80% слов совпадает с татарскими.

И в "Советском энциклопедическом словаре" это особо подчеркива-

ется: "Татарский язык относится к тюркским яз. /кыпчакская группа/".

Основная часть кыпчаков была покорена монголами и оказалась в составе Золотой Орды.

А потом сами монголы в Золотой Орде полностью растворились среди кыпчаков и татар. Последние консолидировались в этом государственном образовании в единую народность. Это подчеркивает и В.Д.Димитриев, и зарубежные исследователи. Известный арабский ученый Амин Аль-Холи в книге "Связи между Нилом и Волгой в XIII-XIV вв." подчеркивал: "Кыпчаки - древние племена, родственные татарам. После завоевания кыпчакских земель татарами они полностью ассимилировались с ними". Эта книга в переводе на русский язык была издана в Москве Издательством восточной литературы в 1962 году.

Ученые подчеркивают, что от татаро-кыпчаков образовались не только казанские татары, но и ногайцы, крымские татары, астраханские татары, затем казахи, узбеки... От древних татар в наиболее консолидированном виде сохранились сибирские татары.

Татары и кыпчаки в древности исповедовали, как и древние чувашки, - тангаризм. Насильственная исламизация населения Золотой Орды началась при хане Берке /1256-1266 гг./. Это продолжалось при хане Узбеке /1312-1342 гг./.

Татаро-кыпчакский язык стал государственным языком Золотой Орды с рубежа XIII-XIV веков. Язык казанских татар - язык золотоордынцев. Вот почему болгаро-чувашский язык во многом отличается от языка своих ближайших соседей - казанских татар, хотя оба языка причисляются к тюркской группе.

Новые взгляды татарских ученых

Гая Колева: А что, обо всем этом не знают татарские ученые?

Михаил Юхма: Знают! Многие уже открыто пишут об этом, т.е. отходят от ошибочных своих позиций. Можно сказать, сейчас уже вернули из небытия одного из самых известных татарских писателей, крупнейшего исследователя истории и языка Галимджана Ибрагимова /1887-1938/. Он еще в тридцатые годы прошлого века подчеркивал: "Мы не только тюрки, но и монголы. Мы люди; мы монголы; мы тюрки; мы татары. Наша зарождающаяся культура будет татарской культурой".

Очень резко против болгаристского направления в историографии Татарстана и татарского народа всегда выступал известный татарский ученый А.М.Орлов, проживающий в Нижнем Новгороде. Еще в 1968 году на /III Международном конгрессе этнографии и антропологических наук /Япония, Токио-Киото/ он выступил с докладом "Основные этапы происхождения и этнической истории татарской народности", где разоблачил тезисы о болгарском происхождении татар. Он подчеркивал, что история Золотой Орды как державы мирового масштаба образует становой хребет национальной истории татар. И впоследствии в своих книгах "Мещера, мещереки, мишари", изданной в серии "Татарское ожерелье" /1992, Казань/, "Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьбы" /2011/ он еще раз доказывает, что болгаристское

направление в изучении истории татарского народа приведет только в тупик. А.Орлов убежден, что история татарского народа непосредственно связана с Золотой Ордой и татарами, пришедшими на Волгу вместе с монголами хана Батыея.

Популярное Казанское издательство "Иман" в 2004 году специально переиздал вышеупомянутую книгу "Казанские татары" В.П.Знаменского. При этом научным редактором переиздания был Н.К.Гарин, ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан. В этой книге подчеркивается, что казанские татары являются потомками монголо-татар.

В 1978 году в Москве издательство "Наука" выпустило книгу известного татарского ученого Р.Г.Ахметзянова "Сравнительное исследование татарского и чувашского языков". В ней он делает резюме: "Чувашская концепция" в болгарском вопросе включает следующие положения:

1. Чуваша являются прямыми потомками болгар; болгарский язык - это древнечувашский язык;

2. Татары разрушили древнюю Болгарию и, ассимилировав ее население, частично восприняли ее высокую культуру".

Известный татарский историк А.Х.Халиков /1929-1994/ многие годы пытался доказать, что татары являются потомками волжских болгар, но потом полностью отверг свою теорию. Например, в статье "Происхождение казанских татар", опубликованной в газете "Советская Татария" 3 июля 1966 года, он подчеркивал: "При всей кажущейся стройности, и у этой теории имеется существенный недостаток. Язык казанских и других групп татар Поволжья отличается от древнеболгарского языка, причем настолько сильно, что трудно отождествлять предков казанских татар с болгарями, вышедшими из Приазовья".

В последнее время, защищая историю татар от "лженаучной теории болгаризма", написали очень интересные, фундаментальные труды директор Института истории Академии наук Татарстана Р.С.Хакимов и кандидат исторических наук И.Л.Измайлов. Они пишут, что среди так называемых "болгаристов" нет ни одного серьезного ученого. И.Л.Измайлов в своей статье "Начнут ли признавать прав этрусков и галлов в Европе? /Или международные симптомы одной местной болезни/" утверждает, что теория татарских "болгаристов" основывается "на невежестве и исторической неосведомленности". Там же подчеркивает: "...тщетно искать среди "болгаристов" хоть мало-мальски значительного мыслителя".

Документально раскрывая подлинную историю родного народа, И.Л.Измайлов пишет: "Правда в том, что болгаристы предпочитают не замечать татарского народа с его самоназванием и четко выраженной идентификацией... Достаточно почитать татарскую классику, чтобы понять, что, вопреки всем изощренным приемам болгаристов, наша интеллигенция еще сто лет назад считала свой народ татарским, а себя татарами /иногда еще тюрко-татарми, но никак не болгарями/: Ш.Марджани, Г.Исхаки, Г.Тукай, Г.Ибрагимов, Ф.Амирхан, Дердменд, Г.Губайдуллин и многие другие".

Есть и очень резкие высказывания. Например, известный общественный деятель и ученый Ю.Бабинов в главе "Куда ведет "тропа" "булгаризма" своей книги "Татарский синдром" или "Антирусское иезуитство" в "Ленинской национальной политике" пишет: "Потому чувашский язык и очень сильно отличается от всех остальных тюркских языков, поскольку именно чувашаи сохранили в своем языке основные элементы болгарского языка, и по своему этногенезу чувашаи - наследники волжских болгар..."

Да, татары имели прямое отношение к волжским болгарам, но только в роли исторических палачей болгарского народа".

Гая Колева: А как относится руководство Татарстана к этой волнующей всех теме?

Михаил Юхма: Во многих научных учреждениях и музеях, в том числе и в Национальном музее Чувашской Республики, имеется уникальная видеокассета о посещении Президента Татарстана М.Ш.Шаймиева историко-археологического музея в древнем городе Болгаре. Рассматривая экспонаты, он подходит к каменным памятникам эпохи Волжской Болгарии и спрашивает: "У меня вопрос. Чтобы прочесть то, что написано на этих камнях, надо обязательно знать чувашский язык?" - "Да, - отвечают ему ученые, - без знания чувашского языка эти надписи на камнях прочитать невозможно".

О книге "Джагфар тарихи"

Гая Колева: У нас в Болгарии в последнее время увлеклись книгой некоего Бахши Имана "Джагфар тарихи". Перевели на болгарский язык. Считают ее подлинной историей волжских болгар, т.е. сводом болгарских летописей, как отмечено в самом издании. Но есть и такие, которые считают ее фальсификацией. Как вы оцениваете эту книгу?

Михаил Юхма: Я хорошо знаю издателя этой книги Ф.Г.-Х. Нурутдинова. Много раз встречались, переписывались. Книга вышла в трех томах. Первый том издан в 1993 году в Оренбурге редакцией вестника "Булгария". Второй - в 1994 году тоже в Оренбурге, издатель - редакция вестника "Болгар иле". Третий том тоже издан в Оренбурге редакцией вестника "Болгар иле", но уже в 1997 году. Татарские ученые, как один, все издания "Джагфар тарихи" полностью отрицают. Старейший татарский ученый, доктор исторических наук, профессор М.А. Усманов в своем письме от 22.11.2005 г. В.Д.Димитриеву пишет: "Книга некоего Бахши Имана под названием "Джагфар тарихи", изданная в 1993 г. в Оренбурге на сомнительные средства, является от начала до конца наглой, бессовестной по содержанию, но довольно "удачной" по форме фальсификацией.

Версия "публикатора", точнее автора-мистификатора, о том, что это "сочинение является" якобы "сохранившимся русским переводом болгарского" подлинника, конфискованного в 20-30-х гг. чекистами, является первой ложью. Получается, что советские чекисты в Казахстане, "изъяв" арабический старотатарский подлинник, оставили в покое доступный, то есть понятный им, русский перевод! По элементарной логике

должно было бы быть наоборот. Так что "версия" о происхождении "памятника" шита белыми нитками...

Во-вторых, содержание всей книги состоит из полу-правды и полужли... В тексте достаточно обильно представлены надуманные, следовательно, ложные, но внешне похожие на "булгаризмы" слова и понятия. Книга-мистификация рассчитана на обывателя, жаждущего что-нибудь "новенькое" знать по истории. Поэтому подлинный автор не выступает со своими "концепциями" открыто, а скрывается за спиной совершенно неизвестного мифического человека из XVII столетия.

В-третьих, достаточно прозрачным и саморазоблачительным для историка-специалиста является система датировки событий и явлений в книге. Лишь очень наивный и научно не сведущий человек может поверить, что предполагаемый автор "Джагфар тарихи" /XVII век/ пользовался григорианским или юлианским календарем.

В-четвертых, ни один из названных в книге "булгарских памятников" не находит отражения в тысячах известных мне рукописях XIV-XIX столетий.

Такие примеры можно приводить бесконечно. В Казани сейчас со стороны ученых почти нулевое внимание к этому "булгарскому" памятнику. И к его подлинному автору, некоему Нуретдинову, который, избегая контактов с представителями научной общественности, действуя исподтишка, публикует свои мистификации то в Оренбурге, то в Киеве, пытается доказать, что татары не татары, а суть стопроцентные булгары и.т.д."

Кандидат исторических наук И.Л.Измайлов по поводу "Джагфар тарихи", критикуя некоего Тошева из Болгарии, пишет: "Вообще, игра в "булгарство"... была бы интересным развлечением... если бы не... народное самосознание. Народ-то называет себя татарами. По мнению "булгаристов истории", это его, якобы, главная и трагическая ошибка. Дабы "исправить" ее, они идут на все мыслимые и немыслимые подтасовки и искажения истории, пуская в ход ряд нехитрых приемов и методов. Злонамеренная ложь и фальсификация - типа фальшивой истории "Джагфар тарихи" или псевдонародного эпоса "Барадж" или "Шан Кызы". Все, что осталось, - это выдернутые из контекста цитаты из различных исследований прошлого века и злобные выпады в адрес оппонентов. Однако все их старания обречены на провал".

Очень правильно подметил известный татарский ученый исторические реалии Поволжья и Урала. С конца XIII века волжские болгары, сумевшие сохраниться, начали себя называть чувашами, другая часть - бесермянами, а те, кто смешался с победителями, стали татарами.

Гая Колева: А вы сами как относитесь к этой книге? Поддерживаете Усманова и Измайлова и их сторонников?

Михаил Юхма: В основе "Джагфар тарихи", я думаю, были какие-то подлинные материалы. Но они издателями переписаны, и притом со многими выдуманскими добавлениями. И поэтому считать эти издания подлинной историей волжских болгар ни в коем случае нельзя. Подходить к этим изданиям надо очень и очень осторожно. Но и отрицать полностью ни в коем случае не надо. Осторожно, с умением,

считаясь с историческими реалиями, подлинными материалами, можно в этой книге найти зерно истины. Их мало, но они есть, и ими мы должны пользоваться в своих исследованиях.

Галя Колева: И сейчас вы поддерживаете связь с издателями этой книги?

Михаил Юхма: К сожалению, нет. Последнее письмо от Нурутдинова я получил в конце 1998 года. Он пишет: "Свод "Джагфар тарихи" неопровержимо доказывает, что первым тюркским языком болгар Идея /Волго-Урала/ был тот язык, который сохранили чувашские болгары. Это расходится с мнением татарских ученых, поэтому они устраивают настоящую травлю "Джагфар тарихи" и нашего первого учебника "Родиноведение", написанного на основе "Джагфар тарихи".

Галя Колева: Это очень интересно! Хотя вы не полностью поддерживаете его, но он не отрицает преемственность волжских болгар и современных чуваш?

Михаил Юхма: Да. Эту истину он хорошо понимает. И в наших беседах он всегда подчеркивал, что прямыми потомками волжских болгар являются чуваш?

Почему волжские болгары стали называться чувашами...

Галя Колева: Вот здесь я хочу задать очень важный для нас всех вопрос. Скажите, как случилось так, что волжские болгары стали называться чувашами? И когда это случилось?

Михаил Юхма: Известно, что татаро-монголы с огромной для того времени армией более шестисот тысяч человек, осенью 1236 года обрушились на Волжскую Болгарию. Это вторжение было внезапным. Царь Волжской Болгарии Ылттанбик не успел собрать всю свою армию для отражения этого вторжения. И в борьбе с вторгшимся врагом, защищая свою столицу город Бюлер, он погиб. После его смерти сопротивления татаро-монголам возглавила старшая дочь царя принцесса Ылттанчеч и ее муж - храбрый рыцарь Волжской Болгарии полководец Бачман. А после их гибели знамя сопротивления подхватил великий полководец волжских болгар Чуваш-батор. Вот его именем и стали называть себя те волжские болгары, которые продолжали борьбу в врагами.

Галя Колева: Да, таких примеров, когда народ стал себя называть именем вождя или полководца, много. Часть золотоордынцев, перейдя в годы смуты на Правобережье Волги под руководством эмира Ногая, стала называть себя ногайцами. В "Советском энциклопедическом словаре" сказано: "Ногай" /? - 1300/, татарский правитель терр. от Дона до Дуная. Имел большое влияние в Золотой Орде, выдвигал на ханский престол своих ставленников. В борьбе с ханом Тохтой потерпел поражение" /"Советский энциклопедический словарь". Москва, 1983, стр. 895/.

Хоть и не был Ногай ханом, но его сторонники стали называть себя его именем. Хоть и потерпел он поражение в борьбе с ханом, но его сторонники стали ногайцами.

То же самое произошло с узбеками. Узбек - хан Золотой орды, жил в конце XIII - первой половине XIV веков. В 1313-1342 годах был ханом Золотой Орды.

Часть золотоордынцев, принявшая ислам, и поддерживающая Узбека, стала называть себя его именем.

Часть адыгов, ушедшая с князем Кабардой, называется сейчас кабардинцами.

Турки в прошлые века по имени султана Османа, создателя Турецкой империи, называли себя османлы, т.е. османами. Также, видимо, получилось и с волжскими болгарами.

Михаил Юхма: Совершенно верно. *Те волжские болгары*, которые не подчинились татаро-монголам, продолжавшие бороться за свою свободу и независимость, стали *называть себя чувашами по имени великого полководца Чуваш-батора*. Долгие годы вел Чуваш-батор борьбу с татаро-монголами. И погиб в боях на северо-восточных рубежах своей славной державы. Он похоронен там же, на высоком берегу большой реки Иртыш. Место его захоронения так и называется - Чувашева могила, Чувашева гора.

Об исторических корнях дунайских болгар и болгаро-чуваш

Галя Колева: Вы очень много делаете для укрепления и расширения связей, прежде всего исторических и культурных, между болгаро-чувашами и дунайскими болгарами. Расскажите коротко об исторических корнях наших народов.

Михаил Юхма: Дунайские и волжские болгары - единокровные братья, две ветви могучего дерева - Великой Болгарии царя Кубрата. Известный дореволюционный ученый, профессор истории Казанского университета С.П.Шестаков в своих "Лекциях по истории Византии" писал, что дунайские болгары, как и чувашаи, некоторых своих военачальников называли тарканами /тарханами/, а название *шегор алем* можно объяснить чувашским языком, *главное знамя*. А имена древних ханов дунайских болгар полностью созвучны с именами чувашскими; *Омуртаг* - Орлиная гора, *Савер* - Разумный муж, *Крум* - Грозный муж... У Кубрата было 5 сыновей; *Батбай* - Очень богатый, *Котраг* - Кудрявый богатырь, *Кубер* - Мост, *Эльцик* - Принц страны, народа, *Аспарух* - Дающий ум. Само имя *Кубрата* - Царь-Волк.

То же самое утверждают профессор А.Н.Попов, известный тюрколог В.В.Радлов. Академик А.А.Куник расшифровывал "Именник" болгарских царей, написанный неизвестным автором в XIV веке и хранившийся в библиотеке Св. Синода вместе с рукописной книгой "Летописец еллинский и римский".

Галя Колева: Вы - известный исследователь топонимики Волжской Болгарии. Находите идентичность в топонимике Волжской Болгарии и Дунайской Болгарии?

Михаил Юхма: Да, их много. Объяснение многих древних топонимов Дунайской Болгарии тоже можно дать чувашским языком. Например,

топоним *Несебыр*, вблизи города Варна - Узкое горло. Очень много одинаковых топонимов в Чувашии и Болгарии; *Мургаш*, *Мадар*, *Траки*, *Търън*, *Казанлык* и другие. Топонимика - лицо этноса, переселяясь на новое место, каждый народ увозит на новую родину любимые названия местности. Топонимика болгаро-чуваши сохранила и имя одного из сыновей Кубрата - *Альцика*, есть у нас древнее поселение с таким названием; - Елчѣк. Аспаруховы болгары место своего первого поселения на Дунае назвали *Эски-Джурт*, то есть Старая Родина, Старый Дом /Кивѣ Сурт/. Звучит чисто по-чуваши. И волжские болгары свою старую столицу город Болгар, после переноса столицы на восток, в Бюлер, называли также Эски-Сюрт.

Гая Колева: Вы также известный фольклорист. Что находите, изучая фольклор наших предков?

Михаил Юхма: В фольклоре отражается душа народа. У болгаро-чуваши и у дунайских болгар бытуют много легенд и исторических преданий, в которых фигурируют одни и те же герои, как, например, полководец *Чавдар*, принцесса *Плиска*, великий воин *Мадар*. Во всех древних эпических сказаниях болгаро-чуваши присутствует "вечносолнечный град Плиска". Богатырь-великан Ульц, герой болгаро-чувашиского эпоса, в самые трудные моменты своей жизни на крыльях, подаренных ему богами, прилетал в "вечносолнечный град Плиска" и набирался сил, а потом, возвращаясь назад, на Волгу, побеждал врага.

Сияющим солнцем встретил меня в 2000 году "вечносолнечный град Плиска". Мне казалось, что я побывал в древних болгаро-чувашиских городах Болгар и Бюлер. В строительном плане все три города очень схожи. Самое удивительное нашел я в музее, *утсиень* - небольшая железная болванка с четырьмя шипами. Как бы его ни бросали, один из шипов торчит прямо с острым концом вверх. Конь, наступая на него, падает, как подкошенный. Особенно эффективен был *утсиень* против тяжелой конницы византийцев, с которыми боролись болгары. Это чисто болгарское оружие против вражеской конницы. Найдены они и в Плиске, древней столицы Дунайской Болгарии, и в Тигеше - одном из самых известных крепостей-городов Волжской Болгарии, стоящем на всемирно известном пути из Болгар в Плиску.

Дунайские болгары, как и болгаро-чуваши, пользовались в старину музыкальным инструментом *кавалом*. Византийские источники пишут, что болгарские колоберы своими молениями могли вызвать туман и другие стихийные бедствия, чтобы остановить вторжение врага. Известно, что около города Акра болгарские колоберы своими молениями вызвали солнечное затмение, и напуганные византийцы побоялись начать сражение и разбежались. У болгаро-чуваши сохранились сведения о том, как колобер Суваши своими молениями вызвал потоп в водах священного озера Элькюлли и утопил всю конницу врага. И в Дунайской Болгарии, и в Волжской Болгарии были целые школы колоберов.

Гая Колева: Ваши познания по истории Волжской Болгарии, также идентичности культуры и истории волжских и дунайских болгар меня удивляют и восхищают. Откуда все это?

Михаил Юхма: Тяга к единокровным народам, видимо, у каждого человека передается по генам. Я с детских лет собирал материалы по истории нашего народа. Копил ценные материалы о героях и царях, так как в книгах этого не было. Ходил из селения в селение, встречался со старыми людьми, знатоками старины. Чуваши никогда не забывали, что они потомки волжских болгар. Записал древний чувашский эпос "Блгтанбик" о славном царе Волжской Болгарии. И вот в 1954 году председатель Союза писателей Чувашии Алексей Талвир встретился в Москве, на съезде писателей, с Ангелом Тодоровым - известным болгарским писателем. "Болгарин с Волги приветствует болгарина с берегов Дуная!" - сказал Талвир. С этих слов начался новый отсчет наших отношений с творческой и научной общественностью Болгарии. Я тогда был студентом Чувашского государственного педагогического института. Написал письмо в Софийский университет. Оно попало к Емилю Боеву, тоже интересующемуся древней и средневековой историей болгар. Стали переписываться. Емил приезжал в Москву. Мы там встретились. Очень хотел он приехать в Чувашию. Но не пускали. А меня не пускали в Болгарию. Но переписка шла. Емил впоследствии стал крупным лингвистом. Именно он впервые в своей статье "За предтюркского тюркского влияние в болгарские язык - още няколко прабългарски думи", опубликованной в журнале "Български език" /кн. 1 - 1965/, написал, что тюркские слова, встречающиеся в современном болгарском языке, не заимствованы из турецкого, как считают некоторые, а сохранившиеся болгарские слова древних эпох и древних времен. В нескольких пунктах своих исследований он опирается на данные, которые были высланы мною ему еще ранее. Мои статьи печатались в газете "Литературен фронт", рассказы, легенды и предания печатались в журналах "Септември", "Българо-советска дружба". Заочно познакомился я и с выдающимся болгарским писателем и ученым Йорданом Вълчевым. Он выступил в газете "Литературен фронт" с интересной статьей, где расшифровывает слова-символы многих букв старославянского алфавита /кириллицы/ с использованием чувашского языка. По историческим данным, которые приводит Йордан Вълчев, можно с уверенностью сказать, что создатели новой болгарской письменности Кирилл и Мефодий прекрасно знали не только старославянский язык, но и язык своих предков, язык царя Кубрата, язык его сыновей Кодра-батара и Аспаруха и выразили ими символы нового алфавита.

Многие болгарские писатели, музыковеды и ученые приезжали тогда в Чувашию: Ангел Тодоров, Веселин Йосифов, Ламар, Стефан Марков, Тодор Тодоров, Любен Тодоров, Николай Кауфман... Я их сопровождал, рассказывал нашу историю.

Гая Колева: А почему же вы сами не приезжали в Болгарию, хотя бы на отдых?

Михаил Юхма: Меня не пускали. Власти считали, что я националист и антисоветчик. В Болгарию меня нельзя пускать, мол, я там могу что-то страшное натворить. Между тем я еще усерднее изучал этнокультурные и исторические связи между нашими народами.

Исследование этнокультурных параллелей дунайских болгар и болгаро-

чуваши имеет свою интересную историю. Многим ученым еще в прошлые века казалось удивительной близость многих элементов материальной и духовной культуры двух народов. Так, с целью детального изучения этого феномена еще в 1897 году видный болгарский ученый И.Д.Шипманов предпринял специальную поездку на Поволжье и, совместно с профессором Казанского университета И.Н.Смирновым, специалистом по этнографии народов края, побывал во многих чувашских селениях. И он горячо доказывал, что современные чуваша являются прямыми наследниками волжских болгар.

Когда болгарский посол пребывал в Константинополе, то этикет требовал, чтобы византийский чиновник, ведающий иностранными делами, осведомлялся сначала о жизни шести больших боилодов, по современному понятию, областей, и потом о других боилодах, внутренних и внешних. Большие боилоды это - Дунайские болгары, внутренние - Кавказско-Азовские болгары, внешние - Великие Волжские болгары. Само слово *боилод* можно объяснить сейчас чувашским словом, это - часть, деление */пай/*. Об этом пишет профессор С.Шестаков, опираясь на византийские источники, знатоком которых был он, в своих "Лекциях по истории Византии".

В свое время, читая книгу "Дрезговини" Евгени Константинова, изданную в Софии в 1960 году, я удивлялся, как много единых терминов сохранилось у наших народов: *берме* - пространство между рвом и насыпью в укрепленной системе крепостей, *боритаракан* - начальник крепости, *кавхан* - единоутробный брат хана, канар-тикки принц-престолонаследник. Посредством чувашского языка можно объяснить титулы ханов Дунайской Болгарии: *кан-юваги* - хан-престолонаследник, то есть, хан из рода */йява - гнезда/* ханов хан по закону престолонаследия. Десятки и сотни древнеболгарских слов сохранил и сегодняшний дунайско-болгарский язык. Они полностью идентичны с болгаро-чувашскими: *сарт, кавал, хайван, кесме, калтърма, сертме, амурлах, харман, ювырляк, хамут, тебе и многое другое*. Древние надписи на камнях, памятниках, надгробных плитах, найденные в Дунайской Болгарии во время раскопок, читаются только на болгаро-чувашском языке.

Гая Колева: А есть в Болгарии люди, которые владеют современным болгаро-чувашским языком? Которые могут читать, переводить?..

Михаил Юхма: Есть. Одним из таких мы знакомы. Это - Панайот Иванов, живущий в городе Добриче. Мы оба с ним тоже переписывались. Он довольно хорошо знает современный чувашский язык. В своих статьях и письмах он пишет, что волжские болгары пользовались той же письменностью, что и дунайские болгары. Он подчеркивает, что в городе Плиска, древней столице Дунайской Болгарии, на месте дворца хана Крума найдены каменные блоки, на которых имеются надписи, которые прочтены еще в тридцатые годы XX века известным венгерским историком и археологом, профессором Геза Фехером /1890-1955/. Эти надписи читаются чувашскими словами. А рунические знаки полностью соответствуют чувашским знакам, сохранившимся на вышивках и родовых тамгах. Но долгое время это сообщение Геза Фехера

советскими и болгарскими исследователями, пытающимся отнести болгар только к славянам, игнорировались... Летом 2003 года Панайот Иванов прислал мне очень интересное письмо и список 50 слов, найденных на каменных блоках дворца хана Крума и в других местах археологами еще в двадцатые и тридцатые годы прошлого века. Все эти слова полностью сохранились в основном словарном составе современного чувашского языка.

Геца Фехер убежден, что древние надписи на камнях, найденные на территории Волжской Болгарии, читаются только чувашскими словами. Он утверждает, что современный чувашский язык является прямым потомком болгарского языка. Геца Фехер также замечает, что чувашский /болгарский/ язык оказал огромное влияние на венгерский язык. Все агрокультурные, социальные, государственные термины в венгерский язык восприняты от болгаро-чувашского. В своих исследованиях Геца Фехер доказывает, что все десять тысяч каменных построек в столице Волжской Болгарии, в городе Болгаре, полностью идентичны с постройками городов Плиска, Мадары и Преславля.

Галя Колева: Еще с какими учеными, исследователями из Дунайской Болгарии вы знакомы? Правильно ли освещают они идентичность болгаро-чуваши и дунайских болгар?

Михаил Юхма: Очень занимательные труды на эту тему есть у Христо Маджарова - выдающегося исследователя древней и средневековой истории болгар. Знаком с интересным трудом Камена Калчева "Краткая история чуваш - наследников Волжской Болгарии". Автор проделал огромную работу, изучая имеющиеся материалы по истории Волжской Болгарии и чувашского народа. Недавно познакомился с очень важным научным исследованием "История на Болгаристан - Чувашия" профессора Елемага Карамихайлова, в котором убедительно освещается история Волжской Болгарии и чувашского народа. Все эти ученые обоснованно подчеркивают, что чуваша является прямыми потомками волжских болгар, что современный чувашский - продолжатель языка волжских болгар.

Вера в бессмертие волжских болгар

Галя Колева: Что бы Вы сказали, заканчивая нашу беседу?

Михаил Юхма: Чуваша всегда знали, что они наследники великого и славного государства Волжская Болгария. Мы всегда веровали, что чуваша - наследники великой и славной культуры волжских болгар. Наши отцы и деды, наши предки свое древнее государство называли Золотой Болгарией. Наши ученые писали и доказывали, что потомками волжских болгар, носителями их языка, культуры, древнего верования являются чуваша. В музее Симбирской чувашской школы еще до революции были собраны богатейшие материалы, доказывающие эти доводы. Сразу же после создания Чувашской Автономии /1920 г./ чуваша стали бороться, чтобы преобразовать ее в возрожденную Волжскую Болгарию. Выдающийся чувашский деятель культуры, известный историк М.П.Петров /Тинехпи/ в 1925 году издал книгу "О

происхождении чуваш" и развернул агитационную работу по сплочению национальной интеллигенции, ратовал, чтобы Чувашская Автономия стала называться Волжской Болгарией. В те же годы было создано "Общество по изучению местного края", вокруг которого сплотились деятели культуры, ученые, краеведы и все мыслящие люди древнего болгаро-чувашского этноса.

Но подобная вольность не нравилась ни власти предрежущим в советском тоталитарном государстве. В эпоху советской власти, в 30-е годы, упоминание о Золотой Болгарии стали считать вражеской деятельностью. Все наши ученые, историки, изучающие историю Волжской Болгарии, были объявлены врагами народа, многие репрессированы. С того времени над Золотой Болгарией нависла черная тень умолчания. Все книги и источники о Волжской Болгарии уничтожались самым варварским способом. Симбирская чувашская школа, святая святых болгаро-чувашского народа, в 1956 году была закрыта. Бесценные архивы, богатейшие музейные экспонаты сожгли или выбросили на свалку. Сотворено было величайшее глумление над историей и памятью народа.

Но болгаро-чуваши помнят былое. Мы знаем, что мы - болгары. Мы изучаем в школах историю своего народа. Мы сейчас зовемся чувашами.

Но знаем, мы - болгары, потомки царя Кубрата, потомки Великой Болгарии, потомки болгар Волжской Болгарии. Сейчас идет углубленное и всестороннее изучение всей древней и средневековой истории.

2012.



Валентин СТЕЦЮК
(г. Львов, Украина)

Культурный субстрат*

В процессе проводимых исследований влияния культурного субстрата специально не изучались. Однако определенные аналогии в культуре этносов, заселявших те же самые ареалы, были обнаружены. К примеру, мы пришли к выводу, что прародина древних греков была в ареале, который потом заселяли северные германцы, а позже предки украинцев. Греческий языковой субстрат подтверждает этот вывод. Однако подтверждения могут быть найдены также при сравнении этнографии древних греков и украинцев. К примеру, и у древних греков, и у украинцев существовали народные танцы под одним и тем же названием "Журавль". Судя по описаниям, танцы очень похожи друг на друга. Следовательно, этот танец существовал у греков еще пять тысяч лет назад, сами они его уже позабыли среди бурных событий собственной истории, но украинцы, более привязанные к своей традиции, сохранили его до наших дней. Несомненно, этот танец должен был существовать и у северных германцев. И наличие, и отсутствие его могут быть для науки важными фактами. Можно также указать на другую греческо-украинскую культурную параллель, имеющую аналогии также у других восточнославянских народов. Украинским словам *коровод*, *хоровод* (рус. *хоровод*, бр. *карагод* и др.) хорошо соответствует гр. ?????? "хоровод" и ?????? "хор". Славянские слова не имеют удовлетворительной этимологии, поэтому вполне вероятно, что они являются древним греческим культурным субстратом, как и сама традиция водить хороводы.

Более-менее внимательно были проведены поиски аналогий в культуре *чувашей и украинцев*, и то только - с целью подтвердить присутствие древних булгар на территории Украины в предскифское и скифское время. Территория Украины была заселена все время, и по принципу суперпозиции даже при наличии масштабных миграций жизненный опыт и культурная традиция передавались местным населением пришельцам. Во многом необходимость такой передачи информации обуславливается спецификой местных географических условий, ландшафтом, составом производственного сырья, строительных материалов, натуральных красителей и пр. Таким образом, народная культура украинцев могла воспринять и сохранить до нашего времени какие-то элементы культуры и обычаев предыдущего населения, как германцев, так и *булгар*. Однако, судя по всему, народная культура германцев в условиях позднейшего тесного соседства с разными народами Центральной и Западной Европы развивалась более интенсивно и не сохранила в себе той архаики, которую можно найти в культурах украинцев и чувашей. Поэтому более перспективным выглядит по-

* Печатается с сайта: <http://www.v-stetsyuk.name.ru/substrat/cultsubstrat.html>.

иск общих культурных элементов в народном творчестве именно этих народов.

Чувашская народная культура очень богата и привлекла внимание исследователей еще в XVIII в. (*Г.Ф. Миллер, И.И. Лепехин и др.*). С тех пор народное творчество чувашей было предметом пристального внимания многочисленных исследований, а о его высоком художественном уровне говорит тот факт, что изделия чувашских мастеров неоднократно экспонировались на выставках уже с конца XIX века в России и в годы советской власти. За прошедшие два с половиной столетия с начала исследований накоплен обширный материал, написано немало книг, посвященных чувашской народной культуре, но для нашей темы найти необходимые данные трудно. За свою долгую историю чуваша испытали культурные влияния многих народов, и их культурное наследие очень многообразно и многослойно.

Кажется целесообразным, что в первую очередь следует обратить внимание на *украинскую и чувашские вышивки*, поскольку и украинцы, и чуваша отличаются от соседних народов богатством и разнообразием вышивки. У украинцев вышивка "один из древних и наиболее распространенных декоративно-прикладных искусств" (*Павлюк С.В. 2006*). Чуваша же говорят о себе: "Мы оставили миру сто тысяч слов, сто тысяч песен и сто тысяч вышивок". Приблизительно так же оценивают свои песни и вышивки украинцы. Исторические данные свидетельствуют, что искусство чувашской вышивки уходит в глубь веков. Известен факт, когда расшитое платье дочери хазарского кагана поразило своей роскошью весь византийский двор:

В стране (Хазарии. - В.С.), судя по всему, процветали ремесла и искусства, в том числе искусство шитья. Когда будущий император Константин V женился на дочери хазарского хана, она привезла с собой в качестве приданого роскошное платье, так поразившее византийский двор, что там оно превратилось в мужской церемониальный наряд (*Кестлер Артур. 2006, 48*).

Конечно же, его шила не сама царевна, а безымянные мастерицы из простонародья родственных булгарам хазар. Есть и более ранние свидетельства о распространении художественного шитья в Северном Причерноморье. В одном из погребений знатной сарматки в Соколовой Могиле с. Коваливка Николаевской области были найдены остатки золотого шитья по шелку. Вышивка датируется I-м веком н.э. и "демонстрирует высокопрофессиональное искусство, совершенные художественно-образные и технические средства выражения" (*Кара-Васильева. 2008, 15*).

Одежда человека всегда имела не только утилитарный, но и сакральный характер, поэтому символика вышивки, выраженная в традиционном орнаменте, очень часто имеет глубокий смысл, объяснить который теперь уже часто не могут сами мастера; для этого нужны специальные исследования, и, в частности, изучение чувашского орнамента:

"Оригинальность, высокие художественные достоинства и сложность чувашского орнамента, отмеченные исследователями двести с лишним лет назад, и с тех пор, в продолжение такого большого промежутка времени, изучение его является вопросом проблемным" (*Трофимов А.А. 1977, 26*)

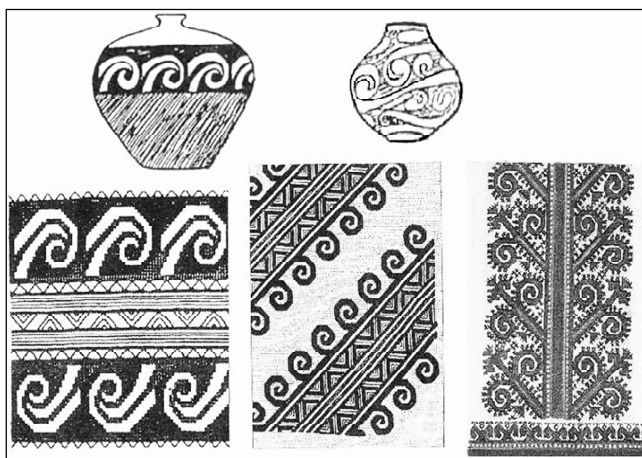
Однако и сам автор этих слов, и другие специалисты все-таки определенные обобщения делают и находят в национальных орнаментах типичные или характер-

ные признаки. Если обратиться к специальной литературе, то можно сделать вывод, что одними из основных символов этого (и не только этого!) вида народного творчества и чувашей, и украинцев являются *Древо жизни*, знаки солнца и, возможно, воды. Древо жизни является одним из вариантов древа мирового, как характерного мифопоэтического образа, воплощающего универсальную концепцию мироздания и свойственного мироощущению многих народов мира на первых этапах их духовного развития, однако нельзя утверждать, что этот образ обязательно имеет общечеловеческие корни, поскольку мог сложиться независимо у разных народов лишь благодаря общности основных черт человеческой психологии. Мировое древо выступает в разных вариантах с более или менее ярко выраженными функциями как "древо жизни", "древо смерти", "древо зла", "древо добра", "древо познания", "древо плодородия", "древо небесное" и т. д. Древо жизни в целом олицетворяет триединый мистический комплекс *рождение - плодородие - смерть* и отражает обобщенное представление о поэтапном развитии разнообразных носителей жизни (люди, животные, растения, некоторые элементы неживой природы). Чудесное свойство жизни воспроизводить самое себя было неразрешимой загадкой для человека и его воображение наделяло мистическими свойствами отдельные элементы окружающей его природы. Воплощением силы, стабильности, долголетия и даже бессмертия был привычный образ дерева и именно этот образ был взят за основу при попытках воссоздания картины закономерного развития всего мироздания.

Самую древнюю фиксацию образа древа жизни мы находим в книге Бытия Священного писания. Этот образ восходит к шумерской версии сказания о Гильгамеше, в которой можно разглядеть первичные черты мирового древа. Можно предполагать, что издавна образ мирового древа был распространен среди народов Ближнего Востока, т. е. в местах неподалеку от колыбели человечества, локализация которой совпадает как со священными тестами, так и с результатами научных исследований. Расселяясь по просторам земной поверхности, люди брали с собой в дорогу оберегающий символ мирового древа, однако у разных групп в соответствии с природными условиями, особенностями быта и социальной самоорганизации он получал разнообразное развитие в разных формах с разными мистическими функциями. Есть основания предполагать, что люди ближневосточного происхождения со временем через Балканы проникли на территории Восточной Европы. В IV - III вв. до н.э. на территориях Правобережной Украины и в Румынии существовала земледельческая культура Триполье-Кукутени, корни которой прослеживаются в Малой и Передней Азии. Многочисленные археологические находки дают нам хорошее представление о материальной культуре ее создателей. *Древние болгары, предки современных чувашей*, переселившись на правый берег Днепра, вступили в контакт с трипольцами и позаимствовали от них элементы их экономики, культуры и мифологии. На территории Западной Украины какая-то часть болгар оставалась до прихода в эти земли славян, и именно предков современных украинцев, и постепенно была ими ассимилирована. Однако украинцы усвоили культурное наследие болгар, элементы которого были когда-то позаимствованы булгарами от трипольцев. Таким образом, болгары были тем передаточным звеном, которое определило культурную преемственность на территории Украины

в течение семи или шести тысячелетий. Сравнительный анализ орнамента трипольцев, чувашей и украинцев свидетельствует об этом довольно убедительно. Интересно, что аналогии трипольскому орнаменту нашли археологи в далеком Китае (Кульчицька Анна. 1995, 43), но чувашский орнамент остался без внимания, хотя его образцы давно опубликованы (Королева Н.С. 1960, Трофимов А.А. 1977 и др.)

Это дает основание предполагать, что именно создатели культуры Триполье-Кукутени могли развить образ Древа жизни в оригинальное представление об универсальном кругообороте, в котором основную роль играет Солнце с его суточной и годовой периодичностью, наглядно отображающей идею бессмертия как возрождение после смерти. Зерно, брошенное в землю, умирает, но дает начало новой



● На рисунках выше в верхнем ряду показаны образцы трипольской керамики. Внизу слева - современная украинская вышивка, повторяющая трипольский орнамент. (Кульчицька Анна. 1995, 44-45). Крайний справа рисунок - фрагмент вышивки на чувашской женской рубашке со сходным мотивом (Королева Н.С. 1960. Табл. 19).

жизни, подчиняясь закономерности движения Солнца на небосводе. Вот почему стилизованные изображения Солнца и Древа жизни можно обнаружить на сохранившейся керамике, но они должны были присутствовать в других видах изобразительного искусства, использующих менее долговечные материалы, - в резьбе по дереву, живописи и вышивке на тканях, изделиях из соломы и т. д.

От трипольцев образ древа жизни передавался от поколения к поколению населению разной этнической принадлежности, заселявшего степную и лесостепную Украины, но ведущего традиционный тип хозяйствования, соответствующий здешним природным условиям. Таким путем древо жизни попадает к германцам, кельтам, славянам, балтам и др. индоевропейцам. Правда, у всех их, кроме славян, древо жизни проявляется в более общем виде Мирового древа, которое могло существовать в индоевропейской мифологии с древнейших времен, но только у славян, конкретно у украинцев, Древо жизни олицетворяет триединый комплекс *рождение - плодородие - смерть*. Наиболее отчетливо образ Древа жизни воплощается в сохранившемся до сих пор архаичном рождественском обычае украинцев плести из соломы и колосьев так называемого *дидуха*. Изначально это был просто сноп ржи или пшеницы, который после небольшого рождественского ритуала, включающего поздравления семье, устанавливался хозяином в переднем углу перед образами (Воропай Олекса. 1958, 65). Со временем снопу стали придавать форму древа часто с использованием для плетения ствола и ветвей нескольких злаков - пшеницы, ржи, ячменя, овса для придания дидуху более художественного вида.

Древо жизни вместе со знаками солнца в виде цветов присутствует также и в

образе Берегини - хранительницы домашнего очага, до сих пор почитаемой в селах Украины.

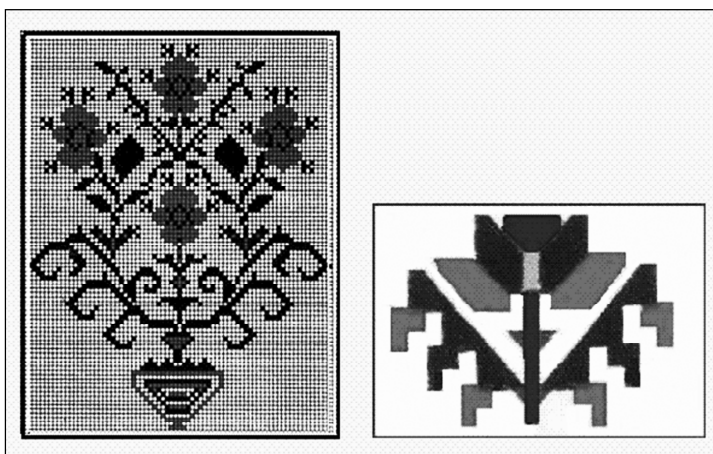
Насколько значительным является образ Древа жизни в мировосприятии чувашей, доказывает его наличие на Гербе и Флаге Чувашской Республики, принятых 29 апреля 1992 года. Значительность же Мирового дерева для мифологии украинцев подтверждает тот факт, что его мотивы помещены вокруг мозаичного изображения Богородицы-Оранты первого митрополичьего Софиевского собора в Киеве



● *Государственные Герб и флаг Чувашии.*

и это приводит к мысли, что здесь "христианская иконография подкреплена дохристианской мифологической" (Грей Оксана. 2003, 229).

Кроме самого факта присутствия Древа жизни в мировоззрении украинцев и чувашей, обращает на себя внимание также и сама форма дерева, т.е. его представление с ниспадающими ветвями. На многих образцах украинской

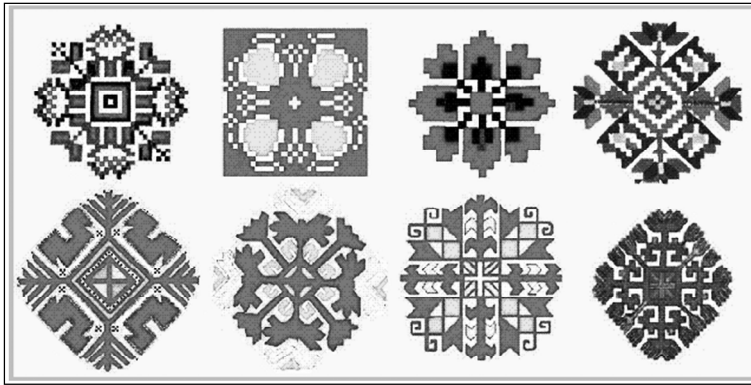


● *Образцы представления "Древа жизни" на украинских вышивках. (Слева - из книги Островской Т.О.*

образцах украинской вышивки Древо жизни изображается очень похожим на государственные символы Чувашии (ср. рисунки ниже).

На рисунке слева показан образ украинской Берегини в форме Древа жизни, в котором также присутствует знак солнца в виде красных цветов. Символы солнца и в украинской, и в чувашской вышивках изображаются в виде восьмилепестковой розетки или цветка. Такой орнамент у чувашей называется *кёскё* и о том, что именно он "изображает солнце как подателя жизни", писал известный знаток чувашского языка и культуры Н.И.Ашмарин, ссылаясь на слова старых чувашей (Трофимов А.А. 1977, 64). Подобные знаки на зеркалах и других материалах из погребений вблизи Ольвии, Неаполя Скифского и из других мест описал В.С. Драчук и высказал мысль, что все они изображают Солнце (Драчук В.С. 1971, 222-229). Это наблюдение не только говорит об определенной культурной преемственности, но и служит еще одним доказательством присутствия булгар в Северном Причерноморье в скифское время.

Весьма вероятно, что общее по форме украинское и чувашское представление

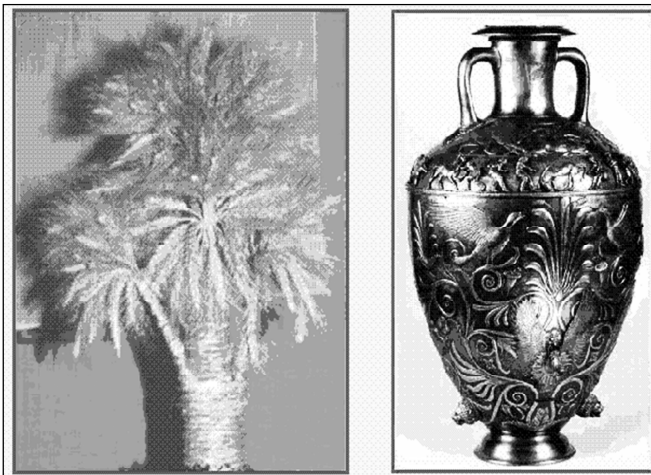


● Символы солнца в виде розеток типа кёскё на украинской (верхний ряд) и чувашской (нижний) вышивке.

жизни является типичной в украинской и, как оказалось, в чувашской вышивке. Найденная в царском скифском кургане Чертомлык серебряная ваза-амфора, которая, по словам Е.

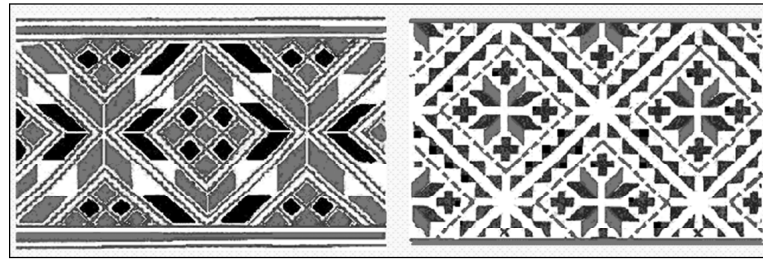
Кузьминой, представляет собой "космограмму, которая передает универсальный образ мира и прежде всего идею вечности и повторения жизни" (Баланов Ф.Р. 1991., 375). Растительный орнамент,

в том числе "центральная пальметта на вертикальной оси всего сосуда, воспринимается как эквивалент Мирового дерева с сидящими на его ветвях птицами" (Алексеев А.Ю. и др. 1991, 122). В какой-то степени эта пальметта со своими опущен-



● Украинский дидух и ваза-амфора из чертомлыкского кургана.

Древа жизни на предметах творчества развилось на реальной почве и ассоциировалось именно с образом дидуха. Тяжелые колосья дидуха ниспадают от ствола дерева к его основанию и придают ему характерную форму и именно такая форма дерева



● Другая разновидность восьмиконечной розетки также широко представлена в чувашской (слева) и украинской (справа) вышивках.

ными ветвями также напоминает украинские дидухи (ср. рисунки ниже), что может подтверждать древность представления дерева жизни именно в такой характерной форме.

Растительность, подобная пальметте, и знаки солнца в виде восьмилепестковых цветов имеется также на других предметах из чертомлыкского кургана, в частности, на горите (там же, каталог 189, деталь 8, стр.

234). Заканчивая тему о символе Древа жизни в вышивках, отметим интересное наблюдение специалиста по символике украинского орнамента о тенденциях в предпочтениях любителей народного искусства в настоящее время:

"...модными становятся вещи, которые хорошо продаются - в частности, с орнаментами, изображающими фантастические деревья" (Китова Світлана. 2003, 216).

Очевидно, образ Мирового древа так глубоко вкоренился в этнопсихологию украинцев, что они симпатизируют ему бессознательно. И чувашки, и украинцы украшают вышивкой многие предметы обихода - полотенца, салфетки, занавески, но особенно богатая вышивка на разных деталях одежды чувашских и украинских национальных костюмов.

При этом, кроме подобия употребляемых символов, имеет место также одина-



● Украинки (слева) и чувашки (справа) в национальных костюмах.

ковое расположение вышивки на деталях народного костюма - на горловине рубахи, ее грудной части, манжетах рукавов, подоле, т. е. в местах, открывающих доступ к телу человека.

Этим самым

люди стараются защитить себя от нежелательных влияний окружения (Савчук Борис. 2004, 388). Следует также отметить, что больше общности с чувашской народной одеждой можно обнаружить у западных украинцев, т. е. жителей той территории, где когда-то проживали булгары. Например, специалистами отмечается, что Древом жизни украшались рукава женской одежды на Подолье, Буковине, Покутье (Павлюк С.П. 2006).

Особенно богатой вышивкой отличаются как украинские, так и чувашские полотенца, имеющие не только бытовое назначение, но и обрядное:

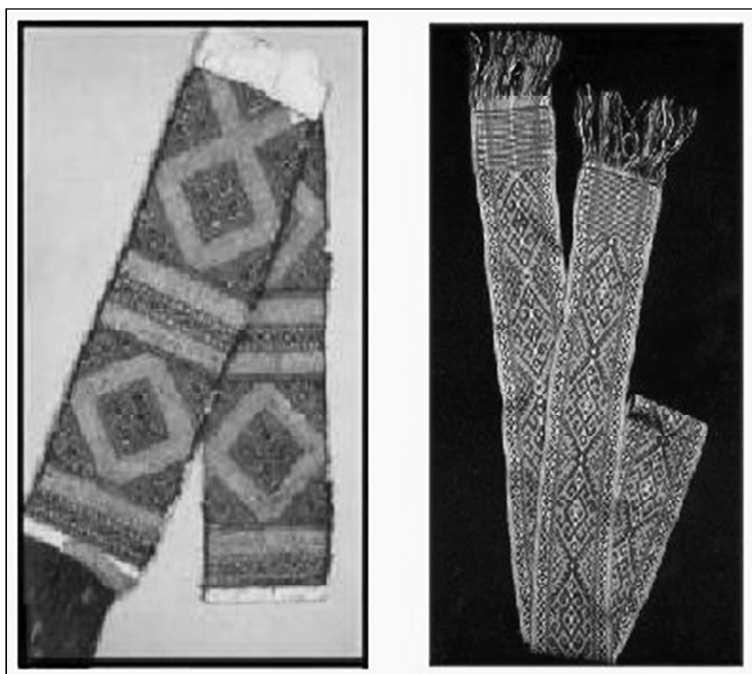
"...наряду с основными компонентами - хлебом и солью - рушники наделены также определенным магическим действием, направленным на приумножение достатка, счастливую жизнь и пр." (Никорак Елена. 2001. 507)

Обычай подношения "хлеба-соли" почетным гостям на богато расшитом полотенце широко распространен и у славян, и у чувашей. Можно думать, что это древний болгарский обычай, позаимствованный славянами, поскольку чувашское выражение *çăкăр-тăвар* "хлеб-соль" в силу своей рифмовки должно рассматриваться как первичное по отношению к славянскому. О том, что древние булгары промышляли добычей и торговлей соли, говорится в других разделах этой работы.

Говоря об украинской и чувашской вышивке, мы не можем обойти стороной и народные костюмы, тесно связанные с вышивкой. Специалисты понимают, насколько национальный костюм отражает национальное своеобразие народов:

"Традиционный костюм, его происхождение и эволюция, формирование локальных и национальных признаков, практический опыт подчеркивают специфику конкретного этноса и являются важным историческим источником, который отображает материальную, духовную и художественную сферы культуры народа" (*Николаева Тамара. 2005. 11*).

Однако локальные особенности народного костюма могут быть настолько выразительными, что по ним можно определять местность носителя определенного типа одежды, поэтому находить общие элементы в национальном костюме очень сложно и в немалой степени также и потому, что в отличие от символики форма и покрой одежды очень зависимы от внешних влияний. Не только в смысле приспособления к новым природным условиям, но и от общего прогресса в конструировании одежды и, конечно же, от моды. К тому же специалисты, описывая народные костюмы, стараются показать их во всем многообразии, не выделяют общие черты с одеждой соседних народов и не отмечают наиболее типичные признаки. Примером такого отношения может быть очень интересная книга "Крестьянская одежда населения Европейской России", в которой, в частности, есть статья об одежде народов Поволжья и Приуралья (*Белицер В.И. 1971, 290 и далее*). Другой особенностью публикаций о национальных костюмах народов СССР была их глубокая заидеологизированность. Например, стараясь показать общность костюмов русских и украинских женщин, автор выделяет такую их общую черту, как поясная (набедренная) одежда, приводя в качестве примера русскую паневу и украинскую плахту, в которых в действительности ничего общего нет, кроме того, что оба предмета носились на бедрах (*Калашикова Н.М. 1986, 255*). Видимо, считалось, что существование какой-либо разницы в одежде украинцев и русских вызывает сомнение в общности происхождения этих народов.



● *Тканые мужские пояса (слева чувашский, справа - украинский).*

сомнение в общности происхождения этих народов.

Конечно, можно найти в народной одежде чувашей и украинцев общие детали в комплексности (разные компоненты одежды, носимые одновременно), в покрое (например, туникообразная форма рубашек), в использовании поясной одежды (передников и их различных модификаций), безрукавных курток, но и туникообразный покрой, и поясная

одежда встречаются у многих народов, в том числе и у соседей чувашей - марийцев и мордвы. Такая общность может развиваться на одной древней исторической основе. Скажем, распространение туникообразного покрова связывается с кочевыми скифами, имевшими контакт с предками многих современных народов. Характерная женская поясная одежда чувашей *сара*, состоящая из двух сшитых до половины кусков ткани (Архангельский Д.И. 1925, 23), и подобная им украинская *плахта*, *запаска* и др. известна уже во времена Киевской Руси (Камінська Н.М., Нікулєнко С.І. 2004).

Очевидно, более перспективно искать общность не в нательной одежде, которая более всего поддается изменениям, а в мелких деталях. И тут же мы можем найти общность между чувашами и украинцами в ношении широкого пояса из плотной ткани с вытканым узором и бахромой на концах (см. рисунки ниже).

У чувашских мужчин встречается головной убор приблизительно такой же, как и у их предков *скифов* - в форме колпака. Есть свидетельства, что такую же шапку в виде продолговатого конуса носили *гуцулы* еще довольно недавно. Это было зафиксировано на Гуцульщине неоднократно - в описании Бальтазаром Гакетом (немецкий этнограф, посвятивший много лет изучению жизни и быта гуцулов в XVIII в. - В.С.), И. Вагилевичем (40-е годы XIX в.) и в эскизе художника Ю. Глоговского (начало XIX в.) Считается, что покрой конусообразной шапки - старинный и по форме напоминает плетеные в XI в. клобуки, и ей дается такое объяснение:

"Выкроить и пошить конусообразную шапку намного проще, чем шапку из овчины со сферическим верхом, для которой уже нужна соответствующая деревянная форма. Поэтому можем сказать, что срисованная Ю.Глоговским гуцульская шапка отличается архаическими чертами" (Кравич Д.П., Стельмащук Г.Г. 1988, 222)



● *Гуцул XIX в. и чуваш в похожих шапках.*

Примечательно, что чувашский народный костюм отличается от украинского не более, чем отличаются костюмы разных этнографических групп украинцев и, имея определенное сходство с украинским, в значительной степени отличается от образцов одежды своих близких соседей - татар, марийцев, мордвы-эрзя. Женская одежда южных соседей чу-

вашей мордвы (эрзя и мокша) отличается более скромной вышивкой, но большим количеством украшений и использованием для украшения разноцветных лент, чего нет в чувашском костюме. Чувашский национальный костюм совершенно не похож также и на русский, и на татарский, но имеет отдаленное сходство с марийским, что может быть объяснено взаимными культурными влияниями соседних народов, которые прослеживаются также и в музыке.

Если же сравнивать украинский национальный костюм, то он, понятно, имеет сходство с костюмами других славянских народов, но не имеет ничего общего с костюмами неславянских народов, за исключением чувашского. Последнее для нас важно, кроме всего прочего, для решения проблемы *этнической принадлежности скифов*. Распространенное мнение об осетинах как об их потомках не находит никакого подтверждения и при сравнении осетинского национального костюма с чувашским и украинским. Это совершенно иной стиль и другая техника, не имеющие ничего общего ни с чувашскими, ни украинскими образцами. Если бы осетины были потомками скифов, то какое-то сходство украинской и осетинской вышивок должно было бы иметь место.

Кроме художественной вышивки, среди чувашей очень распространена резьба по дереву, в чем они близки к карпатским украинцам, а памятники материальной культуры свидетельствуют, что у волжских болгар плотничное и столярные ремесла находились на очень высоком уровне. Деревянные церкви в Карпатах, украшенные богатой резьбой, также построены с большим мастерством и относятся к культурно-историческим памятникам Украины. Резьба по дереву обычно хорошо представляет традиционный национальный орнамент, поэтому поиск сходных мотивов в чувашском и карпатоукраинском орнаментах мог бы обогатить наши знания о болгарских корнях в народной культуре украинцев. Пока же можно сказать, что чуваша и гуцулы широко практикуют довольно схожие крестообразные квадратные формы орнамента. (Архангельский Д.И. 1925, Курилич Михайло. 2001).

Сходные мотивы в прямом и переносном смысле слова можно поискать также и в музыкальном фольклоре украинцев и чувашей, конкретно в возможном подобии украинских *коломыек* и чувашских *народных песен*. Заметим, что в основе коломыек лежит ритм быстрого танца, сопровождаемого пением, выкриками и топотом ног. Они имеют определенное внешнее сходство с русскими частушками, но, по мнению специалистов, "нет никаких оснований считать, что частушка и коломыйка находятся в какой либо генетической связи" (Гошовский В. 1971, 178). Поиски подобия коломыек в чувашских песнях усложняются тем, что в теории музыки все еще не найдены формальные признаки, которые могли бы помочь нахождению общности в музыкальном творчестве разных народов и, в частности, схожести мелодий. Причина лежит в сложности исследования народной музыки и именно в установлении особенностей ее ладообразования, на котором можно построить сравнение мелодий народных песен. Предоставим слово специалистам:

"Следует честно признаться в том, что на сегодня проблема ладообразования остается нерешенной. Нерешенной потому, что - с нашей точки зрения - неоднократно оказывалась методологически ошибочной сама постановка вопроса" (Рубцов Ф.А. 1973, 80).

"Мелодия - одно из важнейших музыкальных явлений. Однако учение о мелодии значительно менее разработано, чем многие другие разделы музыкальной теории" (*Пануш М.* 1973, 135).

Со времени написания этих строк прошло несколько десятилетий, но ситуация в корне не изменилась. Создается впечатление, что после первых попыток найти закономерности ладообразования музыковеды осознали всю сложность проблемы и теперь просто не берутся ее кардинально решать. Слова известного теоретика о том, что "музыкальная фольклористика не располагает системой знаний, а представляет сумму наблюдений" (*Рубцов Ф.А.* 1963, 10), остаются во многом такими же актуальными, как и в начале прошлого столетия, когда музыковеды смелее, чем теперь, брались за исследования музыкального фольклора, больше полагаясь на собственное субъективное восприятие народных мелодий, несмотря на понимание ненадежности интуитивных умозаключений.

Тем не менее, мы можем проследить определенный прогресс в музыковедении на примере сравнения карпатоукраинской и венгерской музыки, что, как будет показано ниже, имеет отношение и к нашей теме.

В 30-х годах прошлого столетия венгерский композитор и музыковед Бела Барток обратил внимание на следующий факт:

"Для западноукраинской народной танцевальной музыки наиболее характерна так называемая коломыйка... Так называемые чабанские (пастушьи) песни венгерского материала сопоставляются украинским коломыйкам и являются их более или менее измененными формами. В венгерском фольклоре существует приблизительно 30 групп вариантов этих песен. По сравнению со всем музыкальным материалом это довольно малое количество, так что влияние украинской коломыйки нельзя считать значительным" (*Бела Барток.* 1966, 27).

При этом Бела Барток, основываясь на анализе собраний украинских песен Ф. Колессы, отмечает заимствование как украинцами, так и словаками достаточно большого количества нововенгерских песен. Он дает несколько объяснений этому факту, среди которых "некоторое предрасположение, душевное родство между жителями венгерских сел, с одной стороны, и, с другой стороны, - словацких и украинских" (*Бела Барток.* 1966, 29). Этот факт контрастирует с тем, что не было никакой связи между венгерской и немецкой (австрийской) музыкой, при том, что влияние немецкой музыки на чешскую и особенно словацкую было очень велико. Путь развития венгерской музыки Бела Барток интуитивно определял так:

Украинская коломыйка ⇒ венгерская чабанская песня ⇒ рекрутская музыка ⇒ нововенгерская народная песня (*Бела Барток,* 1966, 29).

Как видим, Барток особую роль отводил рекрутской музыке, что выглядит несколько странно, но может иметь свое объяснение в том, что в многонациональном австро-венгерском государстве во время службы в армии происходил интенсивный культурный обмен между солдатами разных национальностей. И тут особенно важно отметить, что украинцы и словаки заимствовали только нововенгерскую музыку, чему украинский музыковед дает, соглашаясь с Бартоком, такое объяснение:

"Для усвоения старинного пентатонического венгерского стиля ни украинцы, ни словаки не имели, очевидно, соответствующей основы, тех "встречных волн", ко-

торые бы содействовали его адаптации" (*Правдюк*. 1982, 78).

Тут постепенно приближаемся к теме сравнения украинской и чувашской музыкальной фольклористики. Дело в том, что венгерская народная музыка, как и музыка многих финно-угорских и тюркских народов от Волги до Китая, построена на пентатонике, т. е. на диатонической гамме, включающей пять основных тонов, в то время как в музыке европейских народов таких тонов было семь. Таким образом, уже имеется один основной признак, который объединяет чувашскую и венгерскую музыку, но можно предполагать, что пентатоника когда-то была свойственна также и украинской музыке. Наблюдение Белы Бартока со временем уточнил другой известный венгерский композитор и музыковед 20-го в. Золтан Кодай. Первоначально он обратил внимание на поразительный и неожиданный факт глубокого сходства определенного пласта венгерской народной музыки с песенным материалом марийцев и чувашей, в доказательство чего приводит нотные записи венгерских, марийских и чувашских песен (*Кодай Золтан*. 1961). При этом он отмечает в одном месте, что чувашский вариант одной из исследуемых мелодий более архаичен, чем марийский и венгерский, - при том, что определенные мелодические окончания преобладают в чувашском материале (*Кодай Золтан*. 1961, 49). И именно чувашский вариант позволил предположить наличие пентатоники в венгерской мелодии. Исходя из результатов проведенных исследований, венгерский композитор делает следующий вывод:

"Уже сегодня можно высказать предположение, что формы венгерской народной музыки, совпадающие с марийским и чувашским материалом, являются, по всей вероятности, наследием того влияния болгар, которому венгерский язык обязан примерно двумстам заимствованных слов" (*Кодай Золтан*. 1961, 61).

Однако, это еще не все. Золтан Кодай нашел также подобие между украинскими коломыйками и марийскими народными песнями через посредство венгерских "чабанских песен", которые он более точно называет "песнями свинопасов":

"Новейшие марийские материалы предлагают тем временем новую отправную точку для решения вопроса о форме венгерских коломыек. До сих пор мы вместе с Бартоком считали, что венгерский тип "танца свинопаса"... произошел от распространенной на Карпатской Украине формы коломыек. В марийском материале встречаются, однако, в большом количестве примеры как для более мелких (карпатоукраинских), так и для более крупных (венгерских) форм этого типа" (*Кодай Золтан*. 1961, 94).

Дальнейший анализ мелодий трех указанных народов приводит Золтана Кодая к выводу о несостоятельности сделанного ранее предположения о том, "что карпатоукраинский пример представляет собой оригинал, а венгерский - заимствованную форму" (*Кодай Золтан*. 1961, 94). Не вдаваясь в тонкости анализа музыковеда, мы можем только со вниманием отнестись к его словам о том, что украинская мелодия является "поблекшим отражением венгерской песни". О подобии анализируемых мелодий к чувашским З. Кодай не говорит ни слова, однако в одном из мест своей работы сетует, что большая часть чувашской музыки все еще не изучена, хотя, как уже указывалось, часто приводит примеры подобия чувашской и марийской народной музыки. Принимая во внимание то, что венгры на своей родине были соседями марийцев в очень давнее время и то, что в музыке других

угро-финских народов никакого подобия венгерской музыке не было найдено, можно предполагать, что марийцы, точно так же как и венгры, в какое-то время заимствовали мелодии из одного источника - от древних болгар. Как мы видим, затронутая проблема очень сложная и требует масштабных исследований, что понимал и Золтан Кодай:

"Для решения этого вопроса нужно было бы, с одной стороны, обстоятельно исследовать всю инструментальную и вокальную народную музыку восточной Европы, с другой стороны, выяснить возможность карпатоукраинско-марийских соприкосновений. Естественно также и в дальнейшем предполагать карпатоукраинское происхождение мелодий другого типа - не образующих квинтовую структуру и имеющих слоговое строение" (*Кодай Золтан*. 1961, 95).

Вывод Золтана Кодая постарался опровергнуть украинский музыковед Володимир Гошовский, который очень много занимался народной музыкой и на основании своих исследований написал солидную монографию "У истоков народной музыки славян". О коломыйке же он писал следующее:

"Коломыйки являются результатом специфического 'коломычного' музыкально-поэтического мышления народа, они бытуют там, где живет носитель этого мышления и вместе с ним мигрируют. Коломыйки как определенный стиль не заимствуются" (Гошовский В. 1971, 163).

То, что коломыйка не стала общеукраинским достоянием, т.е. не была заимствована основной массой украинцев, а характерна лишь для жителей карпатского региона, может, действительно, соответствовать отдельной специфической духовной общности карпатских украинцев (гуцулов, бойков и лемков). Вспомним, что Барток говорил о каком-то душевном родстве жителей украинских (карпатоукраинских), словацких и венгерских сел. Однако Гошовский, очевидно, такую общность отрицал, поэтому и нашел свое собственное объяснение элементам сходства между коломыйкой и венгерской "песней свинопаса". Его выводы коротко сформулировал другой украинский музыковед:

"...он (Гошовский. - В.С.) уточнил мысль Б.Бартока о влиянии закарпатской коломыйки на нововенгерскую песню и выяснил, что причиной этого влияния стали не единичные песни свинопасов, носители которых были в основном закарпатского происхождения, а массовое переселение крестьян из Закарпатья в Венгрию, после поражения восстания под руководством Ракоци" (*Мадяр-Новак Вира*. 2006, 123).

Такое объяснение заслуживает внимания, но не проясняет причину подобия коломыек и марийских песен. *Принимая во внимание присутствие древних болгар в Карпатах*, о чем свидетельствуют многочисленные карпатские топонимы, можно предполагать, что в формировании народной культуры современного населения украинских Карпат приняли участие *древние болгары*, которые остались в этих местах после ухода основной массы их сородичей в степи Украины. Несмотря на то, что карпатские украинцы в дальнейшем подверглись определенному культурному влиянию мигрантов из Молдавы и Валахии, они сохранили до сих пор болгарское музыкальное наследие. Марийцы же позаимствовали болгарские напевы уже позднее, когда еще одна часть болгар переселилась из Приазовья в Поволжье.

В подтверждение сделанного предположения можно найти и другие факты, хотя они тоже требуют целенаправленного анализа специалистов. Например, так же, как и украинцы, чувашаи предпочитают хоровое, многоголосое, а не сольное пение, чем они отличаются от родственных тюркских и соседних финно-угорских народов, для которых характерна, по утверждению специалистов, сольная одноголосая монодия (Правдюк О.А. 1982, 76). Можно отметить также, что в мужских чувашских танцах, так же, как украинских, есть такие общие элементы, как прыжки и приседания.



Евгений КАЗАКОВ

ПУТИ ВОСХОЖДЕНИЯ К БОГУ

**(По монографии А.А.Трофимова "Зороастризм:
суваро-болгарская и чувашская культура")**

Наконец-то настал день, когда с фундаментальной основательностью только что заявлено всему миру о том, что чувашаи жили религией зороастризма. Событие это для нас очень важное, так как христианская православная церковь веками нам твердила: "Вы суеверные язычники: гореть вам в аду вечно!.."

Ничуть не отличалась от попов и официальная государственная идеология, что при варяжских царях, что - при коммунистических, что - при современных некоммунистических, называющих себя "демократами", о чем хорошо помнили кандидаты наук и в своих диссертациях о древних религиозных верованиях чувашей они неизменно резюмировали: язычество!

Однако истина при всех режимах стремилась пробиться сквозь Тьму на Свет, не взирая на запреты и опасности. Помню, автор рассматриваемой нами монографии ровно полвека назад с безапелляционной юношеской уверенностью говорил, что чувашаи есть болгары, болгары есть чувашаи. Рассказывал он о таких вещах, которые тогда не укладывались в голове: "... имеются скульптурные изображения богов зороастризма, найденные в чувашских деревнях сотни лет назад, и хранятся они в музее Ленинграда". Рассказы его превратились в диво, когда он приводил личное свидетельство в отношении музыки Древнего Ирана - родины предков чувашей, записанной и хранящейся в том же музее, которая по звучанию абсолютно одинакова с мелодией чувашских песен, исполняемых только в праздник "Симек" в течение нескольких ночей и один прощальный день - таково было строгое табу, охраняющее прелесть божественной красоты от излишества: слишком много сладкого вредно, слишком много шампанского совсем плохо. Истинно божественная красота должна затронуть душу, вызвать порывы очищения от зла каждодневности и своей неизбежной разлукой до следующего года дать острее почувствовать себя. И песни эти были сложены не господами дворянами, не графами, не князьями, о чем с досадой отзывался великий пролетарский писатель Максим Горький, а самим покоренным народом и передавались они из поколения в поколение только устно через тьму веков поработителей. Их не сумела уничтожить никакая идеология, но доконал незримый враг, называемый урбанизацией, за какие-нибудь последние несколько десятков лет.

Перед тем, как начать рассматривать полувековое исследование Трофимова, необходимо ввести читателя в эпоху его творения, в которой пребывал весь народ. Настораживающим для товарищей коммунистов тогда было слово "нация" и производное от него "национальное", так как от них в любое время можно было создать понятие "национализм", опасное якобы "для государства и народа". Интересоваться самобытностью "воодушевленного решениями партии и правительства

народа, строящего коммунизм", было опасно вдвойне. Но при этом надо помнить, что талант рождается в неволе и умирает в свободном вакууме, где нет ни врагов, ни друзей-единомышленников, интересующихся его терзаниями.

Вот таким ученым оказался автор монографии. В нем всю жизнь горела глубоко спрятанная страсть показать миру, что у его оскорбленного народа, несмотря на все унижения, есть непостижимый уму обывателя высокий дух и не менее величественное прошлое. С этой целью он изучал все гуманитарные отрасли наук, искусство (особенно изобразительное), историю, литературу, мифологию народов мира, прикладное искусство и все виды народного творчества чувашей, Ближнего и Среднего Востока, выявлял закономерности их развития, а не случайные совпадения. Собрал он массу разнообразных противоречащих друг другу вещей, которые необходимо было обобщить и четко выразить основную мысль.

* * *

Книга начинается с определения географического расселения протоболгар и протосувар, для чего используются исследования болгарских ученых, в особенности П.Добрева. Но в их трудах сувары-сувазы-чуваши не упоминаются, что заставило А.А.Трофимова поглубже обратиться к наследию античных историков (Плиний Старший, Арриан, Диодор, Страбон и другие). Вскоре обнаружилось, что многие знаменитые историки со ссылкой на Мегасфена воспроизводили фрагменты целых конкретных событий конца четвертого века до н.э., происходивших во дворце государства Маурьев Паталипутру (Западная Индия), граничащего с периферийными областями Великой Иранской империи Ахеменидов, которые благополучно сохранились до наших времен. Посол Мегасфен из рода Селеквидов в 303-302 гг. до н.э. был направлен во двор индийского царя, где жил длительное время и оставил огромное географическое описание места проживания и кочевки племен, обитавших в долине различных пек. Среди них упоминается сувары. Сочинения Мегасфена не сохранились, но Плиний Старший, ссылаясь на его труд "Индика", перечисляет: "Река Манаин - племя актов, река Эор - племя орбов, судоходная река Поман - на границе Пандов, река Кабир, в устье которой хорошая пристань и город Кондиграмма, река Кофес на границе суаров". Плиний это название обозначает на латыни "Суарорум" (Suarorum).

По долине реки Кофес, где обитали суваро-болгары, проходил известный в древности путь, связывающий Индию с Передней Азией и Западом. Александр Македонский прошел по нему через Гиндукуш в долину реки Кофес, набрал необходимого провианта и повел свое войско в Индию. Основываясь на этих исторических фактах, А.А.Трофимов значительно расширил географию его расселения, определенной ученым Добревым. Область юго-восточного Ирана, называемая Систаном (Драгианой), граничит с землями Имеона (Гиндукуша), где, согласно преданию, ежедневно "Утренняя звезда Уша встречает восход Солнца". Там Заратуштра впервые услышал "Откровение" Ахуры. Эта область и стала местом его огненной проповеди, следовательно, народ "суаррум" начал испытывать сильнейшее влияние культуры Ирана с его идеологией и религией зороастризма с древнейших времен (середина 2-го тысячелетия до н.э.) расцвет которого продолжался с конца XI века до н.э. и вплоть до начала XIII века н.э. Суваро-болгары за этот долгий исторический путь выдержали натиск несметных иноземных племен, и, как граж-

дане Ирана, полностью стали огнепоклонниками. И что не менее интересно (я должен добавить это от себя, в книге-монографии ученого его нет), благодаря религии Заратуштры впервые в мире было построено коммунистическое общество, основанное на коллективном ведении хозяйства, которое вырастило два поколения коммунаров и погибло только из-за неумения защищаться. Прав был сын чуваша Ильи Владимир Ленин, который убеждал коммунаров России в том, что "всякая революция тогда чего-нибудь-то стоит, когда она умеет защищаться". Если даже тогда, когда произошла она в Иране без единого выстрела, коммунары должны были думать об этом в первую очередь. Тогда, может быть, история болгар и сувар-сувазов-чувашей пошла бы совсем другим путем... А произошел этот коммунизм вот как.

В 491 году в Иране разразилась засуха, затем налетела саранча в таком неслыханном количестве, что сохранившиеся злаки уничтожились за час-другой и живое облако летело в поисках нового пастбища дальше от Нила до Памира. Шах Кавада велел открыть амбары с запасами зерна, но их хватило ненадолго. Когда начался мор, теологи начали давать шаху свои советы, но все они, включая виртуозных сторонников логика Мани, оказались непрактичными. Пошли голодные бунты по всей обширной территории державы. Тогда озабоченный министр Маздак начал убеждать шаха принять необычные меры, руководствуясь учением зороастризма. Поскольку бедствие наше является качеством неразумности и Тьмы, а качество Света есть разум и воля, ошибку природы можем исправить лишь посредством разума и твердой воли. Многоплеменная империя в опасности. Для сохранения ее величия необходимо будет все блага, имеющиеся в ней, равномерно поделить между подданными, для чего шаху надо будет объявить о конфискации имущества богачей и равномерном его распределении между голодающими бедняками. Никто противиться не должен этим мерам, потому что люди богатыми становятся только благодаря заботам государства. Если кто с этим не согласен, казнить!

Логика министра была безукоризненной. Шах согласился, так как от тысячелетнего восприятия учения Заратуштры, возведенного за это время в ранг государственной идеологии, отказаться было почти невозможно. Разумеется, порядочному шаху. Министры, получив нужное повеление, быстро перехватили инициативу, и реальная власть перешла к самому революционному народу. Богачи, многие из которых были богаче самого шаха, восприняли происходящее как государственную измену. Они тут же забыли, что государство защищало их от нападения извне и внутри страны от буйных племенных разбойников. Шах во главе государства оказался между двух огней. Вскоре начался террор, который по целеустремленности и твердости оказался классическим. Шах от своих министров бежал к эфталитам. В 496 году он вернулся с войском, но власть снизу доверху находилась уже в руках народа, перешедшего к коллективной обработке отобранных земель и распределению полученных благ. Изменить кардинально что-либо или восстановить старое было невозможно. Формально шах оставался символом власти, но на деле стала фикцией.

В 529 году, накануне сорокового юбилея зороастрийской революции, которая произошла среди суваров-чувашей подобно "ниме", сын шаха Хосрой, получивший престол еще при жизни отца, тайно договорился с саками, подготовил всех оби-

женных Маздаком людей к контрреволюции и одновременно с иностранной интервенцией начал гражданскую войну. Террор был страшным. Маздака повесили, а всех остальных, кто попадался, закапывали в землю живыми. Беженцы подались кто куда. Среди них болгары и савары сумели вырваться частично в юго-западную Индию, частично на Кавказ, к берегам Каспия и Причерноморья. Великая Иранская империя опустела, огонь на алтаре начал потухать...

Вскоре на северном побережье Эсквина, на берегах Меотийского озера и на нижнем Танарисе... (Черноморье, Азов и Дон) начинает звучать мягкая, без твердых согласных, щебечущая речь. Восточные наблюдатели это заметили сразу, но определить, какой это язык, не могли. Аль-Масуд сообщает, что народ этот ясиры (савиры), но только называются как тюрки, а на персидском языке их называют хазараном. Тонкий лингвист от природы и опытный путешественник Истафари пишет: "Язык этот не похож ни на тюркский, ни на персидский, ни на какой другой известный язык, а схож с языком болгар". Омар Ибн-Даста определяет их религию как сходную с религией турок, то есть маляр-огнепоклонников.

Пройдет еще один век и разрозненные саваро-болгары образуют в разных местах свое собственное государство. И каждому из них вскоре предстоит испытать великие терзания как за право существования, так и за торжество своей религии. Если от железных войск араба Мухаммета можно было спастись уплатой специального налога за сохранение своей жизни и религии, то от христианства спасти душу было невозможно. К примеру, что можно делать, если придет завоеватель, придержащийся другой культуры с другой религией и, как Тамерлан, повелевает построить пирамиду победы из семидесяти тысяч человеческих голов или, как Нижегородская власть, превратившаяся в ушкуйничество, воодушевленная благословением христианской церкви, набирает головорезов, и начинает исполнять задание по обезглавливанию местного населения, сложив их тела под Шупашкаром «на десять верст в округе».

Характеризуя эту эпоху, А.А.Трофимов констатирует: "Культовые сооружения опустошались, скульптурные изображения исчезали, алтарный огонь спустился на землю, люди повсеместно старались покинуть обжитые места и совершали ритуальные процессии в дремучих лесах и глубоких оврагах". Он подчеркивает, что все главные моления Всевышнему во всей великой державе Ирана с Ахеменидской эпохи повсеместно проводились на возвышенных местах, а там, где по природным условиям не было таких мест, сооружались искусственные холмы. При этом истоки архитектурных сформирований культовых сооружений рассматривает как вид искусства - параллельно с развитием зодчества в соответствии с законами зороастризма.

В исследовании зороастризма среди чувашей главная задача заключалась в выявлении самих произведений архитектурного ансамбля, существовавших в те далекие времена. И только после этого следовало начинать сравнительный метод исследования в пространстве огромного территориального распространения этого учения в продолжение нескольких тысяч лет. Скажу сразу, в монографии выделяется "Согдийский стиль" архитектуры и, в особенности, скульптура малых форм. А вот в саваро-болгарском Волго-Камье они прикрыты вековыми тайнами, где здания и сооружения приходилось реконструировать с точностью до одного сантиметра, тем не менее с результатом не всегда ясным для точных бесспорных вы-

водов. И - чудо! Оказалось, здесь на помощь приходят вышивка, ремесло, мифология, словом, творчество, созданное чувашским народом соответствующей эпохи - оно и только оно раскрывает образы и их содержание.

Бог предков справедлив. Сохранил он и традиции народа лучше всего среди некрещеных чувашей. Произведения их творчества 18-го столетия, собранные музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого, потрясающе раскрывают миропонимание древних чувашей с одной стороны, и творческое подражание носителей культуры Северного Ирана и Среднего Востока - с другой. Автор считает, что более конкретно следует их истоки искать все-таки в искусстве Согдианы, что при исследовании должны интересоваться не случайные сходства, а определение главного направления развития того или иного вида искусства: будь оно в вышивке традиционного народного творчества, будь в скульптуре малых форм, находившихся в сфере господства одной религиозной идеологии, одной привычной культуры. Это в одинаковой мере относится как к произведениям прикладного искусства, так и к главному учению зороастризма - Священных Знаний, которые, как известно, до контрреволюционного террора Хосроя записывать запрещалось, следовательно, саваро-болгары могли их передать только из уст в уста в продолжение тысячелетнего проживания в государстве Ирана.

В соответствии с вышесказанным, народы, находившиеся в пространственной сфере действия государственной религии, имеют нечто общее закономерное, которое никак нельзя избежать. Для наглядности автор приводит множество примеров. Вот один из них.

В доктринах зороастризма время бесконечно, у него нет ни начала, ни конца. В Верхнем мире (космосе) его не существует вообще. Вместе с тем есть в нем учение о конце мира для человечества, которое переняли впоследствии все религии мира. Чувашские мифы по своей структуре, содержанию и персонажами крайне отличаются как от христианских, так и мусульманских понятий, и целиком входят в Священные Знания зороастризма. Так что ничего другого не остается, как только уверенно и твердо заявить, что чувашаи всем своим духом принадлежали зороастризму. К такому же выводу приходит Алексей Трофимов, анализируя развитие зодчества и культовых сооружений в Древнем Иране, где они прославляли величие империи и господствующую религию со сложными обрядами культа огня. Произведения монументальной скульптуры при Ахеменидах сооружались на городских площадях и святилищах, а позднее такие объемные изображения начинают заменяться алтарями Огня. В периферии империи появляются и столбы-колонны со съёмными головами богов, скорее всего связанные с вынужденной кочевкой, а не образом жизни, так как сталкивались с несметным количеством врагов. В народе продолжают жить и те, и другие формы. В Волго-Камье при раскопках Тигашевского святилища обнаружили алтарь Огня на приподнятом предмете, а среди некрещеных чувашей по сей день огонь зажигают чаще всего на ступах, где обычно толкут зерно, конопляные волокна и т.д. У болгар, венгров и чувашей однотипными оказались надгробные *юпа* - временные *столбы*, дощечки приветствия в потустороннем мире и некоторые другие общие обряды, которые хорошо описаны также болгарскими исследователями.

В фундаментальном труде Алексея Трофимова отдельное внимание придано изучению и познанию священных мест. Среди них особый интерес представляют ру-

котворные холмы, сооруженные вблизи рек и водоемов ("Девичий городок", "Девичья гора" - "Хёр хули", "Хёр-ту"). Чувашские и татарские легенды повествуют, будто такие искусственные горы являются могилой девушек, погибших при защите земли от врага. Но такие горы, совершенно однотипные, нашли и в Киргизии, и в Хорезме. Оказалось, также существуют легенды и мифы о девушках воительницах, идентичных со скифскими мифоамазонками (греческое название), храбро сражавшимися с мужским войском. По преданию, у этих девушек еще в детстве были отсечены правые груди, чтобы они в зрелом возрасте не мешали метать копья, стрелять из лука, когда придется воевать с врагом*. Детально анализируя все такие искусственные горы, легенды и мифы народов, автор постепенно готовит читателя к нечто важному и неожиданно поражает его наповал: все изложенное имеет прямое воспроизводство в чувашском традиционном искусстве вышивки, неоспоримым доказательством которого являются девичьи рубахи с односторонним узором на груди, символизирующим только левую грудь, ибо правая, как подчеркивалось в легендах, вырезалась еще в детстве, чтобы не мешала владеть мечом. Экспонаты эти добыты в чувашских деревнях еще при живом Петре Великом и хранятся в музее антропологии и этнографии.

После такого эффекта потрясения автор беспристрастно констатирует: "Вся структура "Девичьих гор" и культовые сооружения идентичны с канонизированным зороастризмом, порождены его идеологией и стремлением народа еще более усилить на новых землях приверженность к своим богам..."

Ошеломляют и предметы, найденные при раскопках. В древнем Кабадианском оазисе в поселениях Дарахшатское, Актепа-2, Клычду-Вал и Хангаза вместе с массой скульптур и других культовых предметов найден двудонный двуручный ковш, разделенный внутри дна перегородкой с отверстием внутри этой перегородки. Чудо это не было бы таким чудом, если б точно такой ковш не хранился в Чувашском национальном музее. В книге поступления о нем нет справочных данных, неизвестно и его назначение. А поступил он вместе с Каменной скульптурой вспомогательного наземного бога с рунической надписью. В отличие от таджикского ковша, он одноручный и без орнаментной росписи. Но в музее есть сосуды и с двумя ручками в виде скульптурных изображений двух мужских старческих голов. Туловище сосуда украшено рисунками солнца и волн, что является отличительной чертой росписи в кушано-сасанидском искусстве. Есть все основания полагать, что такие ковшы, особенно двудонные, использовались в религиозных обрядах, но тайну их конкретного назначения никто раскрыть не может - даже сам Алексей Трофимов, умеющий читать *иероглифы богов*. Может, тайны охраняются богами? Человеку, как можно считать, без тайн жить тоже не интересно...

В книге масса других познавательных вещей, но, стараясь не утомлять читателя, скажем лишь обобщенно, что в форме росписи изображено все содержание Авесты фрагментами. Они - росписи - являлись формой распространения Священных Знаний зороастризма, писать их на бумаге строго запрещалось.

Обратимся к космогоническим представлениям чувашей, особым акцентом изложенных в книге. Они диктовали в свое время порядки - как изобразить и как

* Подробнее об этом - в статье профессора В.Д.Димитриева «Мифические амазонки на древних и средневековых картах». - «КИЛ», 2012, № 1.

строить культовые сооружения. Одним из таких понятий о строении мира является "Врата Неба". Оно связано с таинственным природным явлением, происходящим перед рассветом в виде неожиданного просветления небосвода и поверхности земли, которое чувашаи называют раскрывающимися небесными воротами - "*Кӑвак хупни*". Объяснялось это явление тем, что Уша после смерти человека праведного, охраняя его душу, с полуночи до утра ведет ожесточенную борьбу с враждебными силами Тьмы. Если небо покрыто тучами или облаками, звезды Уша не видать и Всевышний ("*Сӹлти Турӑ*") берется за спасение души праведного сам. Для того, чтобы быстрее победить темного душегуба, Врата неба мгновенно раскрываются, свет пробивается к месту битвы и душа праведного будет спасена от темных сил легко и быстро. После победы над Злом душа отправляется к мосту-разлучителю с этим земным миром. В орнаментальном искусстве он изображается в виде подборки небесного свода с двух сторон, а в повседневной жизни - в виде перекинутых через канаву бревен в священных местах вблизи кладбищ, по которым переносят покойника.

В сложной системе религиозных представлений о мироздании являются и *Врата Земли*. Они сохранились (в книге есть фотография). Их строили, прорывая проход в небольшом холме таким образом, чтобы в результате получились земляные ворота. Население каждые три года и три дня сперва проводит обряд "добычи" огня и проходит через эти ворота по специальному торжественному ритуалу очищения (окропления водой), обновления, совершенствования духом, описать который в журнальной статье нет возможности. Оставляем без описания и сложную философию времени суток, удивительные названия дней недели, месяцев, нового года и праздников, поскольку они требуют отдельной статьи, хотя непременно приводят к тому же неуклонному выводу с неразрывности жизни чувашей с зороастризмом, но с известной долей индийского влияния.

Среди ученых мира, изучающих зороастрийскую культуру, нет ни одного, избегающего *Моста между Мирами*. В пехлевийской литературе "Суждение духа разума" говорится, что к страшному суду-мосту приходят все: и праведные, и грешные. Праведник своим первым шагом по мосту поднимается на небо благой мысли, вторым - *благого слова*, третьим - *благого дела*, а четвертым шагом достигает *всего благого* Света. Для грешника этот мост сужается до лезвия меча, с которого он падает в Ад. В этой связи автор монографии рассматривает, как происходят похоронные обряды некрещеных чувашей в наше время.

Все пожилые люди от полуночи до передачи утренней звездой Уша своих полномочий Солнцу не спят, находятся у усопшего. В передней комнате на столбе Уша, украшенной орнаментной резьбой, представляющей ось Мира (Вселенной), горит свеча. Это значит, что ночь проходит под стражей Уша в борьбе со Злым духом. Отсюда видно, что чувашский обряд с зажжением свечи на оси Мира (столб Уша) моделирует микрокосмос и приводит в действие зороастрийское учение. Перед тем, как идти на кладбище, усопшего переносят через искусственную канавку, перекрытую пополам расколотыми бревнами. Такой мост символизирует границу между *тремя мирами: здешним, верхним, потусторонним*. При переходе через него происходит суд по определению праведности или греховности усопшего. Затем на вершине холма (все кладбища изначально выбираются где повыше) зажигают огонь, водружают белое полотнище с древком, а на одноножном столе

раскладывают прощальный обед и поминают усопшего пивом. Предводитель обряда вполголоса просит, чтобы душа умершего была в верхнем мире... Этот похоронный обряд в Волжско-Камский край принесен ранними суваро-болгарами. А что касается верования болгар Северного Кавказа, Причерноморья, Волжской Болгарии, А.А.Трофимов считает это абсолютно не изученным: "принуждающим умов искать легкий путь, все сваливая на язычество".

Чуваши и их предки суваро-болгары, тысячелетиями находясь в составе покоренных народов мировой державы Ахеменидских, Парфянских, Сасанидских правителей, восприняли зороастризм как насаждение идеологии царей, знатных людей и знаменитых родов не только как религию, но и как свод законов, этики и морали. Но при этом чувашаи тысячелетиями сумели сохранить свой язык, что является актом величайшего мужества и означает, что их предки суваро-болгары представляли собой силу грозную, способную выдержать сверхнапряжение на всех поворотах истории, когда исчезали с лица земли народы, не менее их наделенные всевозможными качествами, но, вероятно, только с меньшим мужеством. Если, к примеру, русским стал любой народ, забывший (предавший) свой язык и не помнящий свое происхождение, то все более-менее крупные племена болгар, к которым относятся предки чувашей суваро-болгары, язык свой не предали и иранцами не стали.

Давно мы забыли идеологию зороастризма, но, оказывается, сами того не ведая, живем и убеждаемся, что борьба Добра со Злом идет повседневно. Нам всегда говорили, что Добро побеждает Зло, и хотелось бы, чтобы оно действительно побеждало. А поздний зороастризм сасанидской эпохи в конце своего расцвета предупреждал на прощание своих детей: "Добро начинает вступать в сделку со Злом и они находят согласие между собой..." Помятуте: помяная Добро, не забывайте о Зле. Оно рядом с нами...

На закате звезды Уша царь Хосрой впервые нарушил табу и напечатал Авесту на пехлевийском языке. Свое богопротивное отношение он объяснял необходимостью любым путем сохранить величие некогда могущественной державы, доблестных сынов которой он закопал в землю живыми. Но сын пехлевийского земледельца Заратуштра (имя означает "ведущий караван верблюдов") предупреждал, что народ его страны только тогда может победить любое Зло, когда он, зная Авесту наизусть, передает Священные Знания своим внукам устно, и те, проникнув духом божественных установлений, смело будут творить Добро. На проверке так оно и вышло: написано - значит, забыто, духом не принято...

Авеста является всемирным памятником высочайшей культуры. В ней вся полнота бытия и ответы на все философские, религиозные, научные вопросы. Она - образец духовного совершенства в простой, но возвышенно-поэтической форме. Сувары-сувази-чувашаи, хотя и покинули сферу влияния Авесты и постепенно забыли ее установления, но дух святости сохранили, о чем с большим удовлетворением говорит автор монографии.

Благоговейное отношение к зороастризму А.А.Трофимова вызывает в читателе солидарное с ним чувство, но никак нельзя, на мой взгляд, согласиться с его утверждением о прогрессивной роли христианства среди чувашей, наступившей со времен просветителя И.Я.Яковлева (конец XIX в. - начало XX в.), когда начинают печатать Библию на чувашском языке. Это единственный довод в пользу его

заявления. Чувствуя отсутствие аргументов, автор приводит высказывание известного во всем мире этнопедагога Г.Н.Волкова (Хуначи Теде) об идентичности чувашского бога Сўлти Турă с Христом. Но это - не аргумент. Во-первых, не печатное издание Библии, а само книгопечатание на чувашском языке нужно считать прогрессом. Высказывание академика Г.Н.Волкова ни в коем случае не означает, что он сам факт существования христианства считает прогрессивным явлением. Его замечание о едином свойстве двух богов означает лишь заимствование основоположниками этой религии канонов зороастризма и производного от него Сўлти Турă - Небесный или верховный бог.

Тут у меня возникает второй вопрос: если наша православная церковь и прогрессивна, и гуманна, то почему у нее до сих пор нет потребности в раскаянии за обезглавленные под Шупашкар по вине церкви невинных чад её? Человек кающийся как-то дает надежды на исправление, хотя это не значит, что не согрешит снова. Но, как бы то ни было, когда просишь прощения, становится легче самому. Но знакомо ли такое состояние нынешнему поповству - не ведаю.

Власть наша не так умна, чтобы разбираться в тонкостях религии, и не так глупа, чтобы не принять богов в свое услужение. В принципе, для нее что Яхве, что Христос, что Аллах - абсолютно одинаковы.

У чуваш свои древние мировоззрения, связанные не с христианством, а зороастризмом, от которого православие много ценного заимствовало, распространяться о чем в этой статье нет возможности. Но из вышесказанного ясно одно: скажи любому, что на первое мая произойдет второе пришествие Христа к людям, они даже не обратят на тебя внимания. Сочтут тебя как пустого, ничтожного, надоевшего болтуна, ибо всем ясно: мы живем не в сфере влияния церкви, а в сфере древнего миропонимания, гораздо древнего, чем привнесенное ложно-сказочное обещание напоить и накормить всех одним хлебом и вином, превращенным из воды.

Истинно верующие говорят: "Бог один, вера разная". Стало быть, все пять тысяч богов на земле, созданные людьми, ищут лишь пути восхождения к нему. Заратуштра, ведущий людей к Свету, как караван верблюдов сквозь тьму песчаных бурь в пустыне, как пророк от Бога учил: "Один есть путь - путь Аша: Истина, Правда, Справедливость. Остальные пути - не пути".

Ориентиры воистину божественно верны.



Николай ПАНТЕЛЕЙМОНОВ,
краевед

Родословная Никольских

Николай Васильевича Никольского я хорошо помню с 1938 года. Мне было тогда 6 лет. В августе месяце, когда он отдыхал в родной усадьбе в д. Юрмекейкино, было выполнено несколько фотоснимков с участием родственников. С ним фотографировались члены нашей семьи: мой отец Пантелеймон Дмитриевич Никитин, мать Евдокия Меркурьевна, братья Никита, Валерий, Николай и я, сестры Люба и Лидия, бабушка Ксения Лукинична. В саду нас сфотографировал Дмитрий Иванович Иванов, муж сестры отца Зинаиды Дмитриевны. Второй снимок с родственниками был выполнен перед лачугой.

Н.В.Никольский каждое лето приезжал в Юрмекейкино, очень часто с супругой Александрой Владимировной, а в последние годы - чаще один.

Для исследования родословной Н.В.Никольского я работал с архивными документами, а также собирал сведения среди многочисленных родственников. Эти поиски дали следующие результаты.

Мною выявлены сведения о Чомантее, который родился в 1663 г. в околотке Кюрдекасы (другие околотки Васметкино, Паймурзино) деревни Янасал. Чомантей считается родоначальником фамилии Никольских. По первым писцовым книгам Свияжского уезда, деревня Янасал упоминается еще в 1555 г. под названием Енасалы. С 1616 г. она входила в Шуматовскую сотню Юмачевской волости Курмышского уезда Нижегородской губернии, с 1717 г. - в Шуматовскую волость Ядринского уезда.

В 1708 г. в семье Чомантея родился сын Юрка (Ерка). Впоследствии он был старостой деревни, который одним из первых из крестьян д. Янасал в пятидесятилетнем возрасте принял православную религию и записан Федором Ивановичем, жена - Перасковья Ивановной. В его семье в 1733 г. родился Юрмекей (Урмекей), который в 25 лет был записан Василием Федоровым, жена - Матронею Васильевной. 16 сентября 1758 г. по инициативе Юрмекея организовали крещение крестьян в деревне Янасал. В этот день новокрещеными стали 365 чел., в т.ч. из семьи Юрки 9 чел.: из подворья Телия - 12, Кальдига - 11, Савинки - 12, Ярмуша - 11, Лоди - 15, Матика - 16 и т.д. Всего крещением охватили 32 двора.

После женитьбы Юрмекей получил усадебный участок и переселился в околоток Кобырля, напротив крестьянина Василия Данилова, прапрадеда моей матери Евдокии Меркурьевны.

Во время Пугачевского восстания казаки и присоединившиеся к нему головные крестьяне дошли и до Шуматовской волости, куда входила деревня Янасал с околотком Кубыря. От имени "царя Пугачева" они потребовали хлеб и овес для лошадей, денег. Василию Федоровичу, который им ничего не дал, распорол живот. С незаживающей раной он ходил до самой смерти.

Околоток Кубырля получил второе название - Юрмекейкино, по данным В.Д.Дмитриева, в XVIII веке. Историк пишет, что житель выселка Паймурзино Юрка Чоматов основал выселок Кубырля Янасал. Однако, по сведениям данным, название околотка Юрмекейкино утвердилось только с 1835 г. Юрмекей в начале 1800-х гг. жил на вершине оврага Васликка варё между Кильдишево и Юрмекейкино. Впоследствии этот овраг начали называть его именем Юрмеккей варё.

В 1774 г. в семье Василия Федорова - Юрмекея и Матрены Васильевой родился Андрей. После женитьбы в его семье родились Степан (1802), Домна (1810), Михаил (1813), Никита (1814). Андрей Васильев является прадедом Н.В.Никольского.

Степан Андреев в 1827 г. вступил в брак с Татьяной Осиповой, 25 лет, у них в 1829 г. родился сын Алексей. В 1838-1841 гг. Степан служил в русской армии на Кавказе и участвовал в подавлении горцев, руководимых Шамилем, где он погиб.

В семье Михаила Андреева, вступившего в брак с 25-летней Екатериной Николаевой (из д. Испуханы), родились Константин, Илья, Федор. Никита Андреев в 1837 г. обвенчался с Марией Андреевой из д. Токшики. Их дети: Степан (1839), Анна (1841), Василий (1843), Пелагея (1845), Дмитрий (1852).

Никита Андреев для Н.В.Никольского и моего отца П.Д.Никитина является дедом. Сын Никиты Андреева - Василий (родился в 1843 г.) отличался стремлением к знаниям, книжному чтению, способностью разумно оценивать происходящие события. В Шуматовскую церковно-приходскую школу, где учился Василий, как-то приехал из Казани преподаватель училища, где готовили землемеров. Учитель предложил трех мальчиков. Преподаватель выбрал Василия и увез его в Казань.

Василий показал прилежное отношение к учебе, быстро выучил русский язык и научился производить землемерные расчеты. Директор землемерной школы, по фамилии Никольский, восхищался ответами Василия Никитина на экзаменах. Дав ученику свою фамилию, он направил его в Вятское техническое училище - усовершенствовать знания по специальности землеустроителя. После окончания училища Василий Никитич Никольский несколько лет работал землемером в поместье одного барона под Ригой. В 1869 г., когда ему исполнилось 26 лет, вернулся в родную деревню, стал работать землеустроителем в Ядринском уезде.

В Успенской церкви села Шуматово 28 июля 1869 г. В.Н.Никольский обвенчался с русской девушкой, 16-летней Агриппиной - дочерью священника Степана Севостьянова из с.Ишаки Козьмодемьянского уезда. Обряд венчания проводили священник Константин Магницкий и дьякон Дмитрий Муратовский.

В период совместной жизни у Василия Никитича и Агриппины Степановны родилось 9 детей: Меркурий (1870), Зосим (1873), Елизавета (1874, умерла в раннем возрасте), Анна (1876), Николай (7 мая [по ст. стилю] 1878), Валерий (1880), Елизавета (1888), Екатерина (1883), Серафима (1886).

Василий Никитич, будучи землеустроителем Ядринского уезда, бывал во многих деревнях, пытался внедрить в жизнь и быт крестьян полученные в техническом училище знания и навыки, что получил от крестьян Прибалтики. Усадебный и земельный участки, то есть наделы, определял в соответствии с внедрявшим-

ся тогда уличным планом. Его хорошо знали в окрестных деревнях и называли "межевой". Он был организатором строительства пруда в деревне Юрмекейкино в 1870-е гг.

На усадебном участке отца В.Н.Никольский построил два новых дома, ветряную мельницу, завел пасеку. На двух гектарах посадил фруктовые деревья и кустарники: яблони, груши, вишню, сливу, крыжовник, смородину и др. Крестьянам давал семена, саженцы для посадки.

В 1880-х гг. он работал старшиной Шуматовской волости. В этот период были открыты церковно-приходские школы в селах Александровское, Б.Ямашево, Крымсарайское, Пизипово, Теки, Таутово; построены церкви в селах Шуматово (кирпичное здание) и Александровское.

Василий Никитич Никольский умер 12 февраля 1907 г., прожив 64 года. Его жена Агриппина Степановна скончалась 18 апреля 1915 г. (в 63 года). По завещанию матери Н.В. Никольский один родительский дом передал Александровской церкви для отдыха прихожан, который впоследствии перешел Юрмекейской начальной школе.

Старший сын В.Н. Никольского Меркурий учился в Казанской духовной семинарии, работал священником церкви Успения пресвятой Богородицы села Шуматово. Женился на Клавдии Капитоновне.

Второй сын, Зосим, окончил Казанскую учительскую семинарию. Работал учителем в Моргаушах, Чуманкасах, дьяконом в Хыркасах, Шуматове, Александровском. У З.В.Никольского и Антонины Ефимовой родились дети: Зоя (1911-1956), Николай (1911-1941), Сергей (1913-1943), Агния (1913-2004), Михаил (1914). Зоя Зосимовна вышла замуж за Вячеслава Ивановича Платонова (1941) в д. Дворики. Дети Вениамина - Владимир (1960), Владислав (1962); Владимира - Геннадий (1943), Николай (1964).

Николай Зосимович Никольский служил в милиции в г.Москве. Погиб в Великой Отечественной войне. Сергей Зосимович женился на Марфе Григорьевне Золотовой - учительнице Юрмекейской начальной школы. У них в 1942 г. родилась дочь Валентина. С.З.Никольский в 1941 г. был призван в армию, погиб на фронте.

Агния Зосимовна вышла замуж за Илью Ефимовича Ефимова, они проживали в д. Прошкино Аликовского района. Здесь же живут их сын Валерий Ильич с женой Ириной Николаевной. И.Е.Ефимов погиб в Великой Отечественной войне в 1943 г.

Сестра Николая Васильевича Елизавета Васильевна Никольская вышла замуж за Тараса Кирилловича Кириллова - поэта-писателя. Семья жила в селе Оточево Моргаушского района, затем в поселке Лысая Гора Воротынского района Горьковской области. Их дети: Александр (1903-1940), Анатолий (1908-1998), Антонина (1910), Капитолина (1915), Юлия (1916), Михаил (1917). Александр Кириллов работал в колхозе. Анатолий - в г. Ростов-на-Дону в проектно-институте, участвовал в послевоенном восстановлении г. Сталинграда. Сын Анатолия Евгений Кириллов (1933) окончил Ленинградский кораблестроительный институт, работал заместителем главного конструктора кораблестроительного заво-

да. Его сын Дмитрий Кириллов (1961) работает там же, в конструкторском бюро. Капитолина и Антонина работали учителями.

Анна Васильевна Никольская (1876-1915) вышла замуж за Кузьму Романова, проживали в д. Пизипово. Кузьма Романович был депутатом Ядринской земской управы, открыл школу. Их дети: Екатерина, Серафима, Вениамин (1889), Менефа (1889), Любовь, Надежда (1899), Вера (1908), Александр (1910), Зинаида (1913). Вениамин Кузьмич служил в Буденновской армии. Манефа Кузьминична была учительницей, вышла замуж за С.Г. Шумилова, жителя д. Коракша Аликовского района. Семен Григорьевич работал прокурором Ядринского, затем Красночетайского районов, заведующим областной совпартшколой, членом Главного суда ЧАССР. Их сын Аркадий Шумилов (1920) - участник Великой Отечественной войны, работал главным инженером строительного треста № 3 Чувашского территориального управления строительства. Дочь Люстена Шумилова-Тишкина (1924) учительствовала.

Любовь Кузьминична Романова вышла замуж за П.П.Лебедева, родственника Павла Павловича Лебедева (1872-1933), генерал-лейтенанта, начальника (первого) штаба РККА. Она участвовала в Великой Отечественной войне, майор медицинской службы.

Надежда Кузьминична, вышедшая замуж за Захара Александровича Хрусталева, жила в д. Васькино Ядринского района. Их дочь Зинаида (1935) работала на Чебоксарском приборном заводе, избиралась депутатом Чебоксарского городского Совета, награждена орденом Трудового Красного Знамени. Ее сын Александр Юрьевич Березин (1961) - археолог.

Нина Кузьминична вышла замуж за Пантелеймона Михайловича Цаплина (1907), который работал в Чувашском обкоме КПСС; сестра Александра - за Арсения Ивановича Иванова (1903-1996), их дети: Эдуард (1932), Валерий (1934), Наталия (1936), Юрий (1938), Анна (1941).

Зинаида Кузьминична (1913-1982) вышла замуж за Сергея Михайловича Михайлова, жителя д. Чурачики Цивильского района. Дети: Рева (1933), Валентин (1935), Геннадий, Юрий.

Пелагея Никитична Никитина (мл. сестра В.Н.Никольского) вышла замуж за Григория Михайловича Ермакова, жителя д. Никитино Ядринского у. (ныне Ядринского района). Дети: Татьяна, Константин, Варвара, Андрей, Мария, Перасковья, Мария. В семье Константина Григорьевича (его жена Анна) родились: Александра, Марфа, Порфирий, Михаил, Семен. Михаил и Семен погибли в Великой Отечественной войне. У Александры Константиновны, проживавшей в д. Анаткасы Моргаушского района, родились Ольга, Николай, Нина. В семье Николая Ивановича (1934) родились Людмила, Роза, Галина, Татьяна, Владислав. Владислав Николаевич Иванов окончил Ленинградский институт культуры, работал директором Чувашского государственного драматического театра им. К.В.Иванова, ныне в Чувашском государственном институте культуры, кандидат искусствоведческих наук.

Дмитрий Никитич Никитин, младший брат Василия Никитича Никольского, в 1876 г. вступил в брак с Феодосией Захаровой из деревни Кильдишево. Обряд венчания проводили священники Константин Магницкий и Стефан Запольский. У

них родились 10 детей (пятеро умерли в детстве): Христина (1879), Иван (1881), Перасковья (1883), Анна (1885), Мария (1891). Феодосия умерла во время родов. Дмитрий Никитин после смерти жены в 1895 г. вступил в брак во второй раз в возрасте 43-х лет с девицей Ксенией 19 лет, дочерью Луки Андреева из д. Рыковкино. Обряд венчания проводили священник Владимир Громов и псаломщик Максим Хлебников. В этом браке родились Никтополион (1896), Пантелеймон (1898), Афанасий (1900), Илья (1902), Виссарион (1904), Исаак (1908), Иван (1911), Зинаида (1912) и др. От двух жен у Дмитрия Никитича родился 21 ребенок, из них 15 дожили до совершеннолетия. Он работал крестьянином, лесником, мельником. Был очень трудолюбивым. Созданное им материальное положение давало возможность содержать многодетную семью. Такой большой семьи в Шуматовской волости за 200 лет после массового крещения не было отмечено. Дети от первой жены, повзрослев, начали трудиться, помогали вести хозяйство, обзавелись семьями.

Дочь Д. Никитина Христина вышла замуж за Якова Захарова, который участвовал в русско-японской войне 1904-1905 гг., в деревню Пизипово. Перасковья, вышедшая замуж за Родиона Михайлова, родила детей: Евдокию, Агриппину, Марию, Анну, Илью. Агриппина Родионова вышла замуж за Петра Федоровича Васильева (у них родились 7 детей). Анна Родионова вышла замуж за Лазаря Иванова, участника Великой Отечественной войны. Илья Родионов участвовал в Великой Отечественной войне, воевал на Курской дуге. Женился на Нине Кондратьевне Михайловой. Дети: Галина, Нина, Любовь.

Анна Дмитриевна вышла замуж за Кузьму Еремеевича Михалева в Чувашскую Сорму. Проживали в поселке Казанский Горьковской области. В семье родились: Владимир (1907-1982), Ефросинья (1910-1911), Сергей (1912-1944), Геннадий (1919-1943), Леонид (1921-1936), Лидия (1924-2006). Сергей и Геннадий погибли в Великой Отечественной войне. Владимир работал на оборонном заводе. Лидия вышла замуж за Василия Парамоновича Алексева. Их сын Борис Васильевич Алексеев (1953) - кандидат физико-математических наук.

Мария Дмитриевна вышла замуж за Василия Егорова в д. Кильдишево. Дети: Федор (1912) - погиб в Великой Отечественной войне в 1942 г.; Анна, вышедшая замуж за Егора Матвеева (1910) в д.Кильдишево. Их дети: Людмила (1947), Михаил (1949), Луиза (1951) - замужем за Ю.В.Скотниковым, кавалером орденов Трудового Красного Знамени и "Знак Почета" (г.Ядрин).

Иван Дмитриевич Никитин (1881-1948) - Юрки Иванё - окончил духовное училище и семинарию в Казани. Был священником, учительствовал, работал корректором в Чебоксарской типографии, сотрудником научного архива ЧНИИ (1945-1948). Много собрал фольклорного материала. Опубликовал работы: "Песни чуваш Ядринского и соседних уездов", "Пузырь-шәпәр" (1908) и др. В 1947 г. побывал в Юрмекейкино, простился с родственниками, односельчанами. Был женат на Людмиле Петровне Сергеевой, в семье родились Антонина (1909-1990), Ольга (1915-2000), Александра (1916-1992), Аркадий (1919-1985).

Старшая дочь Антонина окончила Канашское культпросветучилище и работала в Чувашском государственном драматическом театре, передвижном колхозном театре, Моргаушском доме культуры, планово-экономическом технику-

ме. Вышла замуж за Григория Павлова, окончившего Ленинградский лесотехнический институт. В семье родились: Милена (1937), Галина (1938), Фаина (1940), Лев (1942), Елена (1945), Фаина Григорьевна окончила Московский пищевой институт, работала в Министерстве пищевой промышленности Чувашской АССР.

Вторая дочь Ольга вышла замуж за Алексея Кузьмича, участника Великой Отечественной войны. Была донором, много крови отдавала раненым бойцам Красной Армии. Дочь Луиза вышла замуж за Евгения Яковлевича Гелмер, их дети: Игорь, Константин.

Александра Ивановна в первом браке родила сына Дмитрия Софронова (1948), который с женой Лилией Васильевной имеет дочь Татьяну. В замужестве за Павла Кириллова Александра родила троих детей: Владимир (1956), Тамара (1959), Валерий (1951). Владимир, вступивший в брак с Людмилой Александровной, имеет двух детей: Анастасию (1986) и Дарью (1990). Валерий работает инженером. Тамара в браке с Иваном Кузнецовым имеет сына Алексея (1977).

Аркадий Иванович Никитин учился в Польском артиллерийско-пехотном военном училище. В октябре 1941 г. в составе подразделения курсантов училища участвовал в боях с немцами под Москвой, затем воевал под Сталинградом. Работал заместителем председателя Осоавиахима Чувашской АССР, начальником производственно-технического отдела СМУ "Текстильстрой", главным инженером СУ Совнархоза, главным инженером УКС завода промышленных тракторов.

Никтополион Дмитриевич Никитин окончил Ядринское реальное училище, Тимирязевскую сельскохозяйственную академию в г. Москве (1926). Участник гражданской войны. Работал в Чувашипроизводсоюзе (Министерство сельского хозяйства), Чувашиколхозсоюзе. В 1931-1934 гг. научный сотрудник, заведующий сектором сельского хозяйства Чувашского научно-исследовательского института, в 1934 г. издал книгу "За правильную организацию труда в колхозе". Был директором Юськасинской и Советской средних школ, главным агрономом земельного отдела Советского райисполкома. В 1931 был женат на Вере Васильевне Рыжевой. В семье родились Юрий (1932), Станислав (1937). В 1951 г. женился второй раз (жена - Феодосия Наумовна Александрова). В этом браке родились Людмила (1954), Валентина (1956), Зоя (1959). Людмила в 1975 г. вышла замуж за Владимира Иванова в с. Александровское, их дети - Александр (1975), Оксана (1977), Лиана (1987). Валентина работает учительницей начальных классов в восьмилетней школе в д. Сосновка. Вышла замуж за Владислава Васильевича Игнатьева. Дети: Майя (1978), Лилия (1980), Ярослав (1989). Зоя вышла замуж за Геннадия Тимофеевича в д. Соляное, дети: Виктор (1980), Дмитрий (1983).

Пантелеймон Дмитриевич Никитин в 1916 г. был призван в русскую армию, служил канониром в артиллерийском полку под Киевом. В июне 1918 г. вступил в брак с 19-летней Евдокией Меркурьевой. Обряд венчания проводил священник Илья Громов. В июле 1918 г. Пантелеймона призвали в Красную Армию. В семье Пантелеймона Дмитриевича и Евдокии Меркурьевны родились: Мария (1919), Алексей (1923), Никита (1925), Валерий (1927), Николай (1932), Любовь (1935), Лидия (1937).

После окончания колхоза "Актуган" в д. Юрмекейкино Пантелеймон Дмитри-

евич работал бригадиром полеводческой бригады, затем - старшим конюхом. Умер в 1941 г. Евдокия Меркурьевна одна воспитывала пятерых детей. Никита учился в Кадикасах Моргаушского района в школе ветеринарных работников, в 1943 г. призван в армию, где служил более 15 лет. Женится на Раисе Михайловне Крестининой (1931) из д. Ольховка Зелинского района Пензенской области. Дети: Сергей (1952), Елена (1958). У Сергея в браке с Верой Ивановной из г. Куйбышева имеются дети Олег (1977), Ольга (1976). У Ольги родились Алексей (1998) и Александр (2000).

Валерий Пантелеймонович с 1944 г. служил в армии, окончил военное училище войск МВД (1951), Высшую школу Министерства охраны общественного порядка РСФСР (1963). Награжден медалями. Дети: Аркадий и Дмитрий. Аркадий имеет сына Андрея, Дмитрий - дочерей Евгению (1985) и Юлию (1989).

Николай Пантелеймонович Пантелеймонов (автор этих строк) окончил Чувашский сельхозинститут (1956). Работал в колхозе им. Калинина Моркинского района Марийской АССР главным зоотехником, в колхозе "Знамя труда" (ныне им. Евтихия Андреева) Моргаушского района, в Моргаушском районном производственном управлении сельского хозяйства главным зоотехником, в Министерстве сельского хозяйства ЧАССР, помощником заместителя Председателя Совета Министров Чувашской АССР.

Афанасий Дмитриевич (1900-1920) в годы гражданской войны был призван в Красную Армию и погиб под г. Витебск.

Илья Дмитриевич (1902-1943) в 1926 г. женился на Марии Леонтьевне Мастеровой из д. Рыковкино. Дети: Василий (1926), Афанасий (1928), Александр (1931), Юрий (1935), Владимир (1941). Василий участвовал в Великой Отечественной войне, награжден орденом Отечественной войны, медалями; окончил Ульяновский педагогический институт, работал начальником Красночетайского РОВД, директором Кильдюшевской средней школы. Афанасий, окончивший Горьковскую высшую партийную школу, более 16 лет был директором Советского профтехучилища № 4. Александр окончил Иркутский педагогический институт, служил в МГБ и МВД, подполковник. Юрий после окончания Тимирязевской сельскохозяйственной академии в г. Москве работал главным ветврачом Чувашского треста "Птицепром". Владимир Ильич работал мастером стройтреста №1.

Виссарион Дмитриевич в 1928 г. вступил в брак с Еленой Евдокимовной (1906). Дети: Вениамин (1929), Вера (1931). После кончины жены Виссарион женился на Анастасии Порфирьевой из с. Юськасы, которая воспитала дочь Манефу (1941). Он погиб на фронте Великой Отечественной войны в 1943 г. Жена Вениамина - Раиса Александровна, их дети: Владимир (1955), Олег (1957), Геннадий (1916), Светлана (1964), Елена (1970). Муж Веры - Геннадий Михайлов, их дети - Владислав (1961), Елена (1972). Муж Манефы - Михаил Иванович, у них дети - Юрий и Эльвира.

Исаак Дмитриевич в 1934 г. вступил в брак с Натальей Михайловной (1913) из д. Юрмекейкино. Родилась Римма (1935), ее муж - Леонид Николаевич (1935-1975), дети: Владислав (1960), Эльвира (1970), Николай (1967), Сергей (1970), Дмитрий (1973). Жена Владислава - Вера Михайловна, их сын Никита (1988) учится в Казанском медико-ветеринарном институте. Муж Эльвиры - Николай

Васильевич Анисимов, у них дети Надежда (1983) и Татьяна (1985). Проживают в с. Моргауши.

Иван Дмитриевич работал в Кузбассе секретарем колхозной комсомольской организации (ячейки).

Зинаида Дмитриевна вышла замуж за Дмитрия Ивановича Иванова (1906, д. Токшик), работавшего учителем в с. Ишаки, затем директором в Калининском педучилище. Зинаида заведовала Калининским ветеринарным участком. Проживает в д. Комаровка Козловского района. Дети: Олег (1942-1998), Леонид. Жена Леонида - Галина Потемкина из г. Кишинева. Дети: Зинаида, Дмитрий. В 1987 г. на Ученом совете Московского института химического машиностроения Леонид Дмитриевич защитил кандидатскую диссертацию по теме "Процессы и аппараты химической технологии".



Атнер ХУЗАНГАЙ

Законы гравитации и клей

(о художнике Владимире Агееве)

В середине 70-х годов прошлого века известный советский искусствовед Никита Воронов, рассматривая проблему становления национальной чувашской живописной школы, выделил особо творчество трех художников - Анатолия Миттова, Ревеля Федорова и Владимира Агеева, каждый из которых шел своим путем. О последнем, о тех традициях и источниках, от которых он отталкивался, автор писал, в частности, следующее: "Дюрер, Босх, Гойя, из более поздних художников - Доре явно занимали его фантазию. И это помножено на какую-то упрямую силу, на смелую цветовую композицию в иллюстрациях, причем перекликающуюся по тональности с народными вышивками и домоткаными пологами. Тщательная, виртуозная отделанность, свойственная старым мастерам. И фантастические сплетения каких-то природных образований, естественные и вместе с тем иногда стоящие на грани отталкивающего. Агеев... чувашскую легенду и балладу, раздумье о своей земле и своих предках передает языком классического искусства, совершенно не заботясь при этом о национальном колорите или этническом типаже. Тем самым он свое национальное содержание, свою тему поднимает до общечеловеческой значимости, переводит ее на интернациональный художественный язык..."

С тех пор минуло почти полвека. Художник работал: около 300 холстов, станковая графика с использованием разных техник (темпера, гуашь, акварель, офорт, монотипия), более 20000 работ книжных и журнальных иллюстраций, тысячи и тысячи сатирических рисунков. Я помню, как в 70-80-е годы прошлого века чуть ли не в каждом номере журналов "Ялав" и "Тăван Атӑл" можно было встретить рисунки В. Агеева к тому или иному литературному тексту. Ему как рисовальщику завидовал даже А. Миттов. Его стилистика совершенствовалась. Но р а з д у м ь е продолжалось: "Я хочу показать сельскую жизнь. Ведь это хорошо - человек связан с трудом, с землей. Не отрывать от земли, оторваться - это опасно... Есть человек, есть х у д о ж н и к, он творит и это останется, не так как Божие творение, но он творит... Может ли художник подражать Богу? Мы же не можем Его оспаривать..."

То, что Н. Воронов писал об Агееве, отчасти можно и оспорить. Тональность его холстов и графики все же не совсем чувашская. Чувашская вышивка имеет яркий локальный цвет и она строго геометрична (прямолинейна). У Агеева какая-то теплая коричнево-сандалово-охристая магла с редкими всполохами алого, либо серовато-сине-зеленая. Он предпочитает тусклый, приглушенный цвет и фигуры его освещены каким-то неясным светом, источник которого скрыт. В этом есть что-то рембрандтовское (Рембрандта и еще Веласкеса он чтит, как своих любимых художников). На холстах у него нет прямых линий (сильное графическое лине-

арное начало на основе кривых), какое-то струение красок - словно все течет, наплывает друг на друга. В то же время типажи как раз характерно чувашские - своими позами, жестами, походкой. Иногда его живописные и графические композиции действительно представляются фантастическими, плодами буйного воображения художника. В них смешивается все: человеческие фигуры, корни и ветви деревьев, какой-то клубок тварей, живой и неживой материи, добрых и злых персонажей - сказочно-мифологических или исторических. Словно происходит сражение светлых и темных сил, а В. Агеев как бы фиксирует кульминационный момент этой битвы, и еще неизвестно, кто в ней победит.

Учитывая некоторую обращенность в прошлое (мифы и исторические события - холсты "Поклонение Киремети", 1980; "Эсрель. Дух смерти", 1983; "Битва у стен города Сувар", 1985-89; "Защитники города Биляр (1236)", 1996; графическая серия "Волжская Булгария" и суварская серия, 2000-2003), при том, что он отнюдь не чуждается современности, мне кажется, что творчество В. Агеева как бы является художественным обоснованием тезиса, что в сознании современного чуваша присутствует и традиция, и чуваш по-прежнему ощущает себя слитно с природой (природосообразен) - его фигуры так плотно вписаны в природный, растительный фон - "фантастические сплетения", что чуваш и сейчас находится в пограничье, где происходит борьба добра со злом, природного и культурного начал. С этой точки зрения В. Агеев может рассматриваться как своеобразный визуальный мыслитель, который по-своему ломает голову над коренными вопросами чувашского существования. У него есть своя концепция, свое видение.

Его почерк узнаваем сразу. Он обрел свой стиль, который я осмелился бы определить, как "сумрачный чувашский фантастический реализм".

Владимир Агеев работает, как уже было сказано выше, в разных жанрах. Он также любит литературу и зарекомендовал себя как один из ведущих художников чувашской книги. Недаром о нем тепло отзывался признанный мастер чувашской книги Элли Юрьев. Среди оформленных им книг я бы хотел отметить следующие: "Детские рассказы" Ивана Яковлева (1968), "Ешĕл хунав" Семена Эльгера (1968), "Двенадцать месяцев" Сандра Тимбая (1974), "Арсури" Михаила Федорова (1978), "Чувашские легенды и сказки" (1979), "Эпир, пулнă, пур, пулатпăр!" Педэра Хузангая (1982). Работая над книжками, которые адресованы детской аудитории, ему удается внести в свои рисунки мягкий юмор в изображение ребятшек, животных, что создает доверительную атмосферу в процессе чтения.

Хотя художник, по его собственным словам, тяготеет к земле, он пытается соотносить свою работу с более высшим началом, с космическими силами. Как картина взаимодействует с пространством, какая духовная связь возникает между ней и человеком ее созерцающим. Не так давно мне довелось беседовать с ним о "Черном квадрате" Казимира Малевича. Кстати, в следующем году исполняется столетие с момента создания первого рисунка квадрата, хотя официально в виде холста маслом он был представлен в 1915 году на выставке "0.10" как своеобразная икона супрематизма, да и всего беспредметного искусства в целом. По мнению В. Агеева, этот знаменитый артефакт не мертвый объект, он дышит, воз-

действует на пространство, имеет свою гравитацию. Последнее понятие почему-то важно для мастера. Так он говорил, что "холст это кусочек, вырезанный из космоса*", в нем действуют те же законы гравитационности, что определяют движение звездных тел в космосе. Нужно соблюдать механизм гравитации". Он старается это делать и, вероятно, отсюда происходит динамизм его композиций.

...Когда-то, во время учебы в художественном училище, преподаватель осмотрел его пленэрный этюд и сказал: "А к Вам, учащийся Агеев, искусство клеится". Как мы видим, он и сам "приклеился" к искусству на всю свою жизнь.

** В этом можно усмотреть что-то дзэн-буддистское: "...природа в каждом своем проявлении - космическое тело Будды, приобщение к которому - путь к познанию истины". Художник стремится слиться с мирозданием, стать частью Единого, в душе храня почтение ко всему сущему.*



